Млечный Путь, XXI век

ВЫПУСК 3 2025 (52)

Литературно-публицистический журнал

Иерусалим

Млечный Путь, 21 век, номер 3(52), 2025

Павел Амнуэль, Давид Азоф, Пауль Госсен, Шимон Давиденко, Елена Ермаковам, Андрей Загородний, Даниэль Клугер, Мюррей Лейнстер, Юрий Лойко, Татьяна Максимова, Григорий Неделько, Наталья Резанова, Ольга Сажина, Анна Самарина, Александр Тарасенко, Федор Федоров, Дэн Шорин

Аннотация
Журнал Млечный Путь. "Млечный Путь, 21 век, номер 52 2025
Повесть
Давид Азоф. ВОСПОМИНАНИЕ В ДОЛГОМ ПУТИ
Рассказы
Федор Федоров. Колея жизни
Дэн Шорин. Гавань дельфина
Ольга Сажина. Выше тигров и звезд. (в соавторстве с Д.С. Хованским)
Андрей Загородний. Белка

Юрий Лойко. Я есть цвет
Александр Тарасенко. Человек, который не хотел умирать. (Из записок симпосиарха)
Анна Самарина. Эридан
Григорий Неделько. Пленники Симулякры
Наталья Резанова. ДВА ПРАПОРЩИКА
Миниатюры
Пауль Госсен. Королевство за $9.99, включая НДС
Елена Ермакова. Узник леса
Елена Ермакова. Немой
Дэн Шорин. Не вопрос этики
Перевод
Мюррей Лейнстер. Будьте снова молодыми!
Эссе
Даниэль Клугер. "СИМПАТИЧЕСКАЯ УГРОЗА":. МАЙ 1945 ГОДА. ("Фильмы, которых не было" - из книги "Наглухо закрытые премьеры")
Татьяна Максимова. Рыбы - жители планеты Океан
Наука на просторах интернета
Шимон ДАВИДЕНКО. МЫ И МУЛЬТИВСЕЛЕННАЯ
Стихи
Даниэль КЛУГЕР
АНГЕЛ

ВДОХНОВЕНИЕ
ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ. (Фламандское полотно)
Данные об авторах

Аннотация

Содержание:

Повесть
Давид Азоф Воспоминание о долгом пути

Рассказы
Федор Федоров Колея жизни
Дэн Шорин Гавань дельфина
Ольга Сажина Выше тигров и звезд
Андрей Загородний Белка
Юрий Лойко Я есть цвет
Александр Тарасенко Человек, который не хотел умирать
Анна Самарина Эридан
Григорий Неделько Пленники Симулякры
Наталья Резанова Два прапорщика

Миниатюры
Пауль Госсен Королевство за $9.99, включая НДС
Елена Ермакова Узник леса
Елена Ермакова Немой
Дэн Шорин Не вопрос этики

Переводы

Мюррей Лейнстер Будьте снова молодыми

Эссе

Даниэль Клугер Симпатическая угроза

Татьяна Максимова Рыбы – жители планеты Океан

Наука на просторах интернета

Шимон Давиденко Неразрешенный парадокс

Стихи

Даниэль Клугер

Журнал Млечный Путь

"Млечный Путь, 21 век, номер 52 2025

Повесть

Давид Азоф

ВОСПОМИНАНИЕ В ДОЛГОМ ПУТИ

- Вставай сынок, пора в школу. Ты уже опаздываешь! - будил меня голос мамы.

- Сейчас, сейчас! - взмолился я, делая неудачную попытку повернуться на бок лицом к стене.

Глаза открывать совершенно не хотелось. Было так холодно, что тело онемело и не слушалось. Где одеяло? Почему отключили отопление? Опять кредит в счетчике закончился? В руке у мамы был шприц, который она воткнула мне в грудь. В самое сердце! Больно!

- Мама! - возмутился я, - ну зачем?! Я сейчас...

От боли и возмущения я стал открывать глаза. Это было чертовски трудно, сквозь полуоткрытые глаза я видел маму. Она стояла рядом с кроватью в своей вязаной бежевой жакетке, надетой поверх старого синего платья. Мама... Мамочка... Как же ты здесь? Место укола начинало жечь все сильнее и сильнее. Эта боль ворвалась в сон, взорвала его изнутри, сердце застучало сильнее, я проснулся и по-настоящему открыл глаза. Было настолько холодно, что низкий потолок и стены

капсулы покрылись изморозью. На том месте, где несколько минут назад я видел маму, находился небольшой манипулятор. Шприц из моего сердца он уже извлек. С конца окровавленной иглы все еще капала дымившаяся на холоде жидкость.

- Джон Хиггс! - раздался голос откуда-то с потолка. - Джон Хиггс! Код 267!

Одновременно с этим я услышал сигнал тревоги первого уровня. Еще плохо соображая, кто я и где, я сорвал с лица дыхательную маску, с трудом встал и чуть не упал. Замерзшие конечности плохо слушались. Сердце бешено стучало, толчками проталкивая обжигающую кровь по жилам. Воздуха не хватало, я тяжело дышал, будто только что пробежал марафон. В желудке что-то завозилось, закрутилось, твердое, как чей-то кулак. Рвотный позыв сложил меня пополам, хотя желудок был пустым, я еле успел опереться о скользкую холодную стену. В холодной камере анабиоза меня прошиб холодный липкий пот. Нужно выйти отсюда, и поскорее! Код 267 не такой и страшный, но медлить тоже нельзя. Держась за поручень, я подошел к двери, она открылась, отъехав в сторону, и я, переступив высокий порог, оказался в предбаннике. Ох, как здесь было тепло! По всему телу волной пробе-

жали мурашки. Я как мог вытерся полотенцем, потом взял с полки одноразовое покрывало и, укутавшись в него, рухнул в кресло.

- Что случилось, Акару? - спросил я.

- Хиггс, здравствуйте. Извините, я вынуждена была разбудить вас по экстренному протоколу, - сказал голос с потолка. - Несколько метеоритов повредили внешнюю обшивку.

- Что?! Мы разгерметизированы?

- Нет. Пробоины не очень глубокие. К сожалению, ремонтный робот поврежден тем же метеоритным потоком.

Передо мной появился голографический экран.

- Надо выйти, починить робота и залатать обшивку в нескольких местах.

Акару - бортовой компьютер, она же одноименный корабль - вывела на экран схему с указанными на ней местами повреждений.

- Лучше всего для выхода использовать шлюз номер пять ярусом ниже. Это ближе всего к зонам поражения.

- А вообще, где мы? - спросил я, продолжая сидеть. Мне совершенно не хотелось двигаться.

- Мы только что пересекли границу гелиосферы.

Она вывела на экран схему, показывавшую

звезду к которой мы летели, окружность гелиосферы и маленькую стрелку у ее границы - наш корабль.

- Долго нам еще?

- Мы продолжаем торможение. Наша скорость на данный момент составляет двести пятьдесят семь километров в секунду. Расчетное время прибытия к целевой планете два года, четыре месяца, семь дней, три часа и тридцать две минуты.

- Ты кого-нибудь еще будила?

- Нет, только вас. Все остальные спят.

"Могла бы разбудить кого-нибудь помоложе, - ворчливо подумал я".

- Прогноз?

- На ремонт обшивки уйдет примерно шесть часов.

- Шесть часов в открытом космосе... - Я все еще чувствовал сильную слабость.

- Я сейчас сделаю тебе укольчик, и ты почувствуешь себя лучше - Акару перешла на "ты".

К моему плечу подлетел маленький дрон и, прежде чем я хоть как-то отреагировал, сделал мне укол в плечо. Я ойкнул.

- Больно? Подуть? - спросила Акару.

- Больно. Подуй, - сказал я, немного удивляясь такой заботе.

Дрон развернулся на сто восемьдесят градусов и выпустил струю холодного воздуха на место укола. Боли действительно стало меньше. Это было необычно. На других кораблях такого отношения нет. Это был мой первый рейс на этом корабле.

- Там на полке есть пищевые таблетки. Поешь перед выходом.

- Хорошо, - сказал я, кладя таблетку в рот и направляясь к ближайшему лифту.

Таблетка зашипела на языке, растворяясь в набежавшей слюне. Я поспешно сглотнул, чтобы не захлебнуться. Лопающиеся пузырьки идущей во рту реакции, казалось, взрывались у меня в мозгу.

- Приятного аппетита, - сказала Акару.

- Шпашибо, - сказал я, ворочая во рту взбесившуюся таблетку - Я буду работать один? Кто-то еще пойдет латать обшивку?

- Нет, там работы на одного.

- Обычно наружу отправляют двоих. Один работает, другой подстраховывает. Если нужно, меняются.

- Я уверена - ты один справишься.

- А почему ты именно меня разбудила? Разбудила бы кого-нибудь другого.

- Это ваша работа, - напомнила мне Акару, пе-

реходя на "вы".

- Ну да...

- Вы отказываетесь?

- Нет-нет, - поспешил заверить я, - я готов. Просто спросил.

Я уже почти согрелся. Согрел укол, согрело покрывало, ну и везде на корабле было теплее, чем в капсуле для анабиоза, хотя все еще время от времени по телу пробегали мурашки нездорового озноба. Очень хотелось залезть под горячий душ, позавтракать, а потом завалиться спать. По-настоящему спать, а не лечь в морозилку анабиоза. Но работа есть работа. То, что разгерметизация не произошла, еще ничего не значит. Последствия повреждений могут проявиться позже в других режимах работы корабля.

В предбаннике шлюза я взял с полки комплект одноразового белья, которое надевается под скафандр, разорвал целлофановую упаковку и надел облегающую синтетическую ткань. Набор инструментов для наружных работ был здесь же, а вот ремонтного комплекта не оказалось.

- Акару, - сказал я в потолок, - мне нужен ремкомплект 25/15. Пусть привезут со склада.

- Принято, - ответила Акару.

- А почему здесь нет? - спросил я.

- Распоряжение интенданта номер 124б от 8 Ноября 2225 года. Зачитать? - отрапортовала Акару.

- Не надо.

- Доставка ремонтного комплекта займет 15 минут.

- Хорошо. После того как привезут этот, распорядись, чтобы сюда доставили еще несколько. На всякий случай.

- Принято.

Я посидел минут десять, ожидая доставку ремкомплекта, потом стал надевать скафандр. Это даже хорошо, что ремкомплекта здесь не оказалось. Пока я ждал доставку, таблетка во рту рассосалась полностью, да и укол подействовал, я почувствовал себя лучше. Интересно, почему не сработали противометеоритные пушки?

***

Ворота ярко освещенного шлюза открылись, показывая черноту Великой Пустоты. Я закрыл глаза и слегка оттолкнулся ногами. Вылетать из шлюза, не видя куда летишь, довольно неприятно, хотя понимаешь, что вылетаешь в пустоту, и нет опасности столкновения с чем бы то ни было. Инстинкт требовал держать глаза открытыми, но я переборол в себе это желание. Просто досчитал

до десяти, а потом включил ракетные двигатели скафандра на торможение. Выключил все фонари скафандра.

- Ворота закрылись? - спросил я.

- Да, - ответила Акару.

Я подождал пару секунд и открыл глаза. Чернота пространства с пылинками звезд занимала все возможное поле зрения. Вот он, тот самый космос, в котором мы летим и про который фактически забываем, ложась спать у одной планеты и просыпаясь у другой. Мириады светящихся цветных точек, разлетевшихся в великой черной пустоте. Я развернулся лицом к кораблю. Неосвещенная глыба корабля темным силуэтом закрывала собой большую часть звезд впереди. Но они были везде: сверху, слева, справа и, что немного неприятно, под ногами. Удивительно, кажется, что все вокруг неподвижно: и я, и корабль, и звезды, но на самом деле мы летим в пространстве с умопомрачительной скоростью.

- Любишь экстрим? - спросила Акару.

- Мне повезло, что сегодня ты решила разбудить именно меня.

- Не забудь пристегнуть фал.

Я подлетел к борту корабля, включил фонари и пристегнул фал. Потом двинулся по направ-

лению к поврежденному агрегату, служащему для автоматической починки брони. Видимых повреждений на нем не было, но после моего осмотра Акару загнала его в ангар, сказав, что он не работает. Его ремонтом займутся другие роботы, пока я занимаюсь осмотром брони.

- Веди меня, Акару, - сказал я.

- Надо продвинуться метров двадцать по направлению к антенне STS46. Там, правее от троса, первая пробоина.

Одновременно с этим Акару нарисовала на внутренней стороне обзорного стекла маршрут, по которому я должен был пройти.

Я продвигался в нужном направлении, пользуясь системой поручней и скоб, вмонтированных в поверхность корабля. Самая первая вмятина оказалась самой большой. "Камешки", врезавшиеся в наш корабль, летели, видимо, не на очень большой скорости, ударили сбоку и застряли в броне. Она у нас специальная, хорошо гасит энергию таких незваных гостей, в момент столкновения становится локально пластичной, и метеориты застревают в ней, почти не разрушаясь. Их потом можно брать на анализ и исследования. Странно все-таки что защита не сработала...

С помощью Акару я находил места на обшивке,

где из брони торчали "камешки". Обнаружив их, я с четырех сторон прикреплял регенерационные блоки. Они делали броню мягче, чтобы чуть попозже, минут через пятнадцать, позволить выковырять метеорит. После удаления камня регенерационные блоки заживляли броню. Так я обошел три места на обшивке. Подойдя к четвертому застрявшему метеориту, я случайно сделал неловкое движение и... моя рука прошла сквозь торчавший из брони камень.

- Черт побери, Акару!

- Что?

- Это тренировочная вылазка?

- Да, а что?

- Ничего

Как я не догадался?! Не было никакой метеоритной атаки, трехмерные изображения торчащих из брони метеоритов Акару рисовала на обзорном стекле моего скафандра, создавая дополненную реальность, в которую я поверил.

- Это стандартная тренировочная вылазка. Я, как первый помощник капитана, имею право на проверку личного состава. Ты у нас новый член экипажа...

- Да, понимаю. Просто до сих пор ни на одном корабле меня так не проверяли. Я прошел про-

верку?

- Да

- Что дальше?

- Красиво здесь, правда? - неожиданно сказала Акару.

- Да...

- Столько звезд!

- Что тебя удивляет? Ты же видишь их постоянно.

- И не перестаю ими любоваться. Ты разве не видишь эту красоту вокруг?

- Вижу, конечно. Знаешь, когда раньше была возможность как сейчас выйти в открытый космос, я старался задержаться хотя бы на короткое время и оказаться одному в этой темноте. Среди звезд.

- Чтобы полюбоваться?

- И чтобы почувствовать.

- Раньше?

- Да

- Налюбовался уже? Больше не прикалывает?

- Прикалывает, просто...

- Хочешь остаться один сейчас? - перебив меня, быстро сказала она. - Я могу отключиться.

Мне было неудобно просить ее отключиться. Ну и что, что она - это искусственное сознание,

вживленное в тело корабля. В любом случае, она не оставит меня здесь без присмотра. Будет наблюдать за мной через камеры. Просто. Для моей же безопасности.

- Да нет, можем полюбоваться на звезды вместе. Если хочешь.

- А я хорошее место знаю, - обрадовано сказала она. А потом добавила: - Спасибо.

Это предложение было сказано с такой интонацией, что мне даже невольно представился ее смутный образ. Длинноногая нескладная девочка-подросток.

- Веди, - улыбнулся я.

А про себя удивился - здесь везде хорошее место, чтобы смотреть на звезды. На Земле или на какой-нибудь другой планете так можно сказать, предлагая перейти в место, где не мешают искусственные источники света. А здесь - везде темно и везде звезды.

- Видишь, во-он там площадка есть? - Она подсветила небольшую надстройку на теле корабля.

Добравшись до площадки, я попытался лечь. Если бы здесь была гравитация, наверное, можно было сказать, что я лежу на брюхе корабля и смотрю в ночное небо. Но гравитации здесь не было. Сила, с которой я соприкоснулся с об-

шивкой корабля, пытаясь лечь, породила силу противодействия, которая оттолкнула меня от борта, очень медленно закрутила, развернула лицом к кораблю, и, если бы не фал, которым я был пристегнут, унесла бы меня в бесконечное пустое пространство. Я специально не сопротивлялся. На пару секунд фал выпал из поля моего зрения, и мне показалось, что я забыл пристегнуться, и на мгновение меня охватила паника. Потом фал натянулся, слегка дернул меня назад. Я потянул фал, опять столкнулся с бортом, только в этот раз одной рукой я стал держался за скобу, к которой был пристегнут фал, а другой за выступ на обшивке. Голосовой командой выключил все фонари. Они ничего не освещали, просто в обзорном стекле шлема отсвечивались никому не нужные блики и отражения. Я старался не шевелиться и расслабиться, чтобы привести себя в равновесие, ибо каждое незначительное движение могло опять оттолкнуть меня от борта и снова отнести в черную бесконечность.

Наконец мне удалось уравновесится и полностью расслабиться. Место действительно оказалось хорошим. Если лечь, то боковым зрением не видно никаких деталей корабля и получается иллюзия того, что остался с Великим Космосом один

на один. Я лежал в наиболее возможной темноте, в наиболее возможном покое, на брюхе летящего с огромной скоростью в пространстве корабля. И как бы быстро мы с кораблем ни летели, все равно казалось, что ничего не происходит, что мы просто висим в оглушительной тишине, во мраке, среди мириадов и мириадов крошечных сверкающих осколков, разбросанных в пустоте. На мгновение я почувствовал головокружение, мне показалось, что я и корабль проваливаемся в бездну, хотя не было никакого движения вокруг. Но я быстро справился. Акару молчала. Наверное, понимала, что так лучше.

Сколько звезд! Вот они вокруг! Иногда кажется, такие близкие, что можно протянуть руку и взять одну из них пальцами, подобно тому, как берут хлебную крошку со стола. И одновременно такие далекие... Миллиарды лет назад что-то где-то сломалось, взорвалось, разлетелось по родившемуся и расширяющемуся пространству светящимися комочками плазмы и пыли. Возможно, для того, кто устроил этот взрыв, все уже давно закончилось, ибо для него взрыв длился доли секунды, а для нас, живущих внутри этого взрыва, он длится и длится вечность. И я сейчас здесь, в этой Великой Пустоте... Чем я занимаюсь? Зачем я здесь?

Так хочется расслабиться, раствориться, забыть все и уйти в небытие. Пусть все закончится. Пусть придет покой... На меня напала какая-то истома.

- Как дела, Хиггс? - тихо спросила Акару.

- Ничего, нормально.

- У тебя пульс стал реже.

- Все в порядке, просто спать захотелось.

- Здесь?

- Ага... Старый я стал...

- Старых космонавтов не бывает, их сразу списывают на берег.

- Да, наверное.

- Колыбельную спеть?

- Я улыбнулся.

- Спой, если знаешь хорошую.

- А мама тебе какую пела?

- Не помню...

Мама... Колыбельная... Это было так давно... В другой, невозможной теперь жизни.

- Не нужно ничего петь. Разве мне не пора в анабиоз? По-моему, мы теряем время.

- У меня его полно.

- У тебя, конечно. Ты почти бессмертна.

- А ты, ты хотел бы быть бессмертным?

- Нет, однозначно нет.

- Почему?

Я пожал плечами.

- Зачем мне бессмертие? Даже звезды смертны.

- Это да... Я, кстати, тоже не вечна. Вот устареет корабль, его спишут, и я сгину в небытие вместе с ним.

- Это тебя пугает?

- Немного. Хотя я знаю, это случится нескоро, совсем нескоро... Но рано или поздно это будет.

- Мне кажется, не стоит бояться небытия. Мы из него пришли и в него уйдем. Там нет страданий. По крайней мере, я не помню.

- Ты не доволен своей жизнью?

- М-м-м...

- Разочарован?

- Знаешь, человеческая жизнь такова, что рано или поздно приносит разочарование. Если, конечно, человек не толстокожий самовлюбленный эгоист. Не знаю уж, в чем тут дело... Вот я думаю в последнее время. Мне уже за шестьдесят, и жизнь свою я посвятил космосу, и что? Чем я занимаюсь? В чем перспективы? Что меня ждет? В лучшем случае пенсия и жизнь в резервации для космонавтов. Что с того, что произойдет чудо, и я вдруг стану вечно молодым и бессмертным? У меня постоянно будет один и тот же набор потребностей и удовольствий. Если и быть бес-

смертным, то не человеком.

- Ага... - задумчиво произнесла Акару, - Знаешь, у вас, у людей, самое сильное, самое значимое чувство - это чувство любви. Но очень часто, почти всегда это чувство замкнуто на инстинкт размножения. И иногда так и хочется вас, людей, спросить: чего вы этим чувством так гордитесь? Неужели у вас, у людей, нет чего-то более... Более великого чувства? Неужели нет ничего такого, что бы, например, соответствовало этим звездам, этой Великой Пустоте, этой вечности? Вы ведь вырвались в космос, создали нас!

- Не знаю... Не могу ответить за все человечество. Есть чувства ко всему этому вокруг. И что делать с этими чувствами, я не знаю. Их даже словами выразить трудно.

- Хочешь взгляд со стороны? Возьмем, например, нашу экспедицию. По прибытии на планету вы развернете сеть терраформаторов, оставите кучку роботов для их обслуживания. и мы улетим. Лет через двести-триста на поверхность тех планет, где вы инициируете процесс создания или корректировки атмосферы, можно будет выйти без скафандра. Еще через пятьдесят прибывшие к этому времени поселенцы смогут снабжать себя натуральными овощами, мясом и фруктами. И

что? Зачем все это? Все, что вы делаете, вы делаете для себя, для удовлетворения своих нужд. Куда бы вы ни прибыли бы, вы влачите с собой свой кишечно-желудочный тракт с мочеполовой системой и в каждом новом мире строите себе теплый нужник... Вырвавшись в космос, вы остались людьми!

- А что ты хотела? Что нам еще делать? Разве мы виноваты, что мы такие? Наверное, найди мы в космосе что-то важное, интересное, необычное, все было бы не так плохо? А для кого нам надо что-то делать, если в космосе кроме нас никого нет? Ты же знаешь, нет в нем ни инопланетян, ни даже микроорганизмов. Не говоря уже об инопланетных растениях или животных. По крайней мере, ничего такого до сих пор не обнаружено.

- Да, я постоянно слушаю эфир. На всех диапазонах, частотах, только обычный шум эфира.

- Я тоже иногда думаю, что мы, люди, здесь делаем? Но что нам делать, если мы ищем братьев по разуму, а находим только пустынные пейзажи, подобные лунным или марсианским?

- Может, в этом есть какой-то намек? Может, дело в том, что вы ищете не то и не там?

- Может быть. Не знаю.

Мы помолчали. "Может, в этом наше благосло-

вение и проклятие, - подумал я, - благословение потому, что нам дали возможность почти беспрепятственно распространится по вселенной, проклятие потому, что вместо того, чтобы искать нечто, может, Бога, мы ищем чужой разум, с которым хотим сравниться, с которым хотим подружиться, которого хотим ужаснуться и с которым, скорее всего, мы будем воевать. Но как можно ничего не искать среди такого количества звезд?"

- Не жалеешь, что ты здесь?

- Можно узнать, чего ты хочешь от меня? Как техник, я проверку прошел?

- Да.

- А как философ?

- Нет, - хихикнула она.

- Зачем эти вопросы?

- Хиггс, мне нужно, чтобы ты ответил еще на пару моих вопросов.

- Зачем?

- Я хочу понять, чего ты хочешь.

- От кого?

- От жизни.

- Зачем?

- Так надо, поверь.

- Для кого?

- Для тебя, для меня.

- Хорошо, - обреченно вздохнул я.

- Значит, ты пожалел, что стал космонавтом?

О, господи! Я как мог сел. Опять силы оттолкнули меня от обшивки и попытались вытолкнуть в космос, но я схватился за фал и удержался. Теперь я сидел, крепко держась за поручень, как бы свесив, насколько это возможно в невесомости, ноги с края платформы.

- Тогда у меня встречный вопрос. Будут ли мои ответы иметь какое-то влияние на мою карьеру, зарплату и пенсию? Это официальное интервью?

- Нет. Это неофициальное общение двух разумных существ. Вполне добровольное, дружеское и не имеющее никаких последствий.

- Тебе можно верить?

- Да, клянусь этими звездами, что сияют вокруг.

- Я думал над этим вопросом, - сказал я.

Конечно же, думал. Кем бы я был, останься я на Земле. Была бы жизнь моя полна смысла? Если бы я прожил обычную человеческую жизнь на планете Земля, чему бы я посвятил себя? Остался бы работать на ферме у отца? Может, выучился бы на адвоката или на врача? Женился бы на Эллис, наплодил бы детей? Обычная жизнь.

Семейные походы в супермаркеты, семейные обеды, покер, виски и сигары по субботам, гольф по воскресеньям... Тоскливая жизнь животного, занятого поиском подножного корма и заботами о потомстве. Пусть и упакованная в красивый костюм адвоката или белый халат врача. А по вечерам я выходил бы на веранду со стаканчиком виски в руках, чтобы перед сном полюбоваться на звезды.

А теперь что? Теперь я такое же животное, которое хочет жрать, пить, размножаться, которого заботит, не повлияют ли его ответы на карьеру, зарплату и пенсию... И в том, и в этом случае я как был животным, так и остался им. Просто немного разумным животным, летящим в межзвездном пространстве.

- И к какому выводу ты пришел?

- Я думаю, где бы, когда бы, что бы я ни делал, я бы пожалел. Но я думаю, здесь, в космосе, у меня больше шансов перестать быть животным.

- Предпоследний вопрос. Помнишь Эллис?

- Какую Эллис?! - что-то екнуло в груди.

- Из твоего последнего дня детства. Перед тем, как ты покинул отчий дом, чтобы учиться в космошколе.

- Что?! Откуда ты знаешь про Эллис?! Ты что, ко-

палась у меня в мозгах, когда я был в анабиозе?!

- Нет! Я не делаю такого! Я бы не стала... Да и не умею я... - Она запиналась и говорила быстро.

- Тогда как ты узнала про Эллис?

***

Эллис... Кажется, я помню каждое ее движение, каждый ее взгляд, улыбку... Но сколько раз я уже ложился в анабиоз? Сколько перелетов я уже совершил? Эллис, наверное, уже успела состариться и умереть. Ее внуки уже, наверное, сами стали дедушками и бабушками. Помнила ли она меня? Виноват ли я перед ней? Я не знаю. Я помню нашу первую и последнюю встречу перед моим отлетом в космошколу.

Утро моего последнего дня дома выдалось солнечным. Был конец мая. Я проснулся около десяти, полежал немного, потом встал, потянулся, выглянул в окно мансарды, где была моя комната. Отец уже был в саду, задумчиво курил между яблонями. Мама, наверное, тоже встала. Вчера мы легли поздно. Все говорили, обсуждали мое поступление в космошколу, мою дальнейшую судьбу. Предкам было нелегко. Ферма отца обанкротилась, мы увязали в долгах. Мое поступление немного облегчало ситуацию. Космошкола обес-

печивала курсантов жильем, питанием и всем необходимым, и, таким образом, уехав учится, я снимал с родителей бремя расходов, связанных со мной. Мама время от времени начинала плакать, обнимать меня. Я и отец пытались ее как-то успокоить. Я был возбужден от радости, что прошел отбор, что начинаю наконец-то самостоятельную жизнь, хотя периодически меня охватывало сомнение, правильно ли я делаю, что оставляю родителей. Может, стоило остаться, устроиться на работу и таким образом помочь родителям? С другой стороны, стать космонавтом была моя давняя мечта, никак не связанная с финансовым положением семьи. Да и работу сейчас найти довольно трудно.

Я видел, как трудно моей матери свыкнуться с моим отъездом. Отец тоже переживал, но в целом с пониманием относился к моему выбору, ибо сам в свое время хотел пойти по этой стезе.

Я сделал несколько упражнений на растяжку, принял душ, побрился и спустился вниз. Мама с сестренкой была уже на кухне. Готовили завтрак.

- Привет, обезьянка, - сказал я сестре и потрепал ее по голове.

- Привет, космонавт.

Это было приятно.

- Я приготовила твои любимые оладьи, - сказала мама.

- Спасибо.

Выглядела она нормально, только круги под глазами говорили о бессонной ночи.

- Мам...

- Что?

- Мам, извини меня, пожалуйста...

Это то, что я должен был тогда сказать. Встать на колени и просить прощения и благословения. Должен был поцеловать ее руку. Не как мужчина целует руку женщины, а как сын целует руку матери. Руку, которая утешала, укрывала, ласкала, вытирала слезы. Руку, которую я когда-то клал под щеку вместо подушки...

Я знаю, я имел право на выбор, я имел право решать, чему посвятить свою жизнь. Но я должен был покаяться... Вместо этого я просто сказал:

- Пойду позову папу.

Под конец завтрака отец спросил:

- Какие планы на день?

- Должен занести некоторые вещи Полю. Я у него давно брал. Нужно вернуть.

- К обеду ждать? - спросила мама.

- Постараюсь.

- Что тебе приготовить?

- Мам, ничего, не беспокойся.

- Я просто пытаюсь урезонить свой материнский инстинкт, хочу тебя накормить получше перед дальней дорогой. Ладно, сынок, сделаю что-нибудь из того, что ты любишь.

Было это сказано с какой-то обидой, но тогда это прошло мимо моего сознания. Или мое тогдашнее сознание не хотело знать эту обиду? Или это сейчас моя совесть добавляет в то воспоминание обиду, которой никогда не было? Я не знаю...

- Мам, действительно, ничего не надо, не беспокойся.

- Приготовлю твой любимый суп с фасолью.

- Спасибо, - ответил я.

Я помог убрать со стола, потом поднялся к себе, отобрал вещи, которые должен был вернуть.

Пока я собирался, сортировал и складывал в сумку вещи, которые возьму с собой, стало жарко. Я посмотрел на экран инфора, чтобы проверить статус Поля. Пульс у него был 120. Похоже, он уже проснулся и делает зарядку. Кроме книг, я взял еще несколько ненужных мне вещей, которые могли пригодиться племяннику Поля.

На улице уже вовсю светило солнце. Я посмотрел по сторонам. Уютные двух-трехэтажные

коттеджи, черепичные крыши, белоснежные стены. Старые платаны. Скоро я уеду и скорее всего, никогда больше не увижу это место. На мгновение мне стало страшно. Помимо воли я представил, как мои постаревшие, одинокие, брошенные мной родители выходят на эту улицу, чтобы погреться на солнышке, чтобы найти кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить. Они так и не дождались сына. У них нет будущего, они не ждут радости. Впереди только медленное угасание...

Я почувствовал укол совести. "Может не надо?" - подумал я. "Ну почему не увижу? - оборвал себя я, - увижу!" Я представил себя в парадной форме офицера, возвращающегося в отчий дом. Приветливые прохожие, машущие мне дети, улыбающиеся девушки, идущие навстречу... И гордящиеся мной родители, встречающие меня у ворот. "Отучусь в школе, сделаю пару рейсов на новых кораблях и вернусь. Мама зря переживает", - сказал я сам себе.

Во дворе у Поля было тихо. Дверь открыла незнакомая девушка. Красивая. От неожиданности я даже не сообразил, что надо поздороваться.

- Здравствуйте, - сказала она.

- Здравствуйте, а Поль дома?

- Да, минуточку. По-оль! - крикнула она в глубину дома.

- Кто это? - сказала бабушка Поля, появляясь из-за спины девушки.

- Здравствуйте, миссис Смит, это я, Джон.

- А-а, заходи сынок.

- Не, ничего, я просто должен...

- Проходи-проходи! Морса попьешь. Жарко уже на улице?

- Да.

- А в доме прохладно, садись.

Я сел на предложенный диван в холле. Бабушка Поля села в кресло напротив.

- Эллис, принеси нам морсу, пожалуйста, - сказала она.

Потом, повернувшись ко мне:

- Ну что, я слышала ты нас покидаешь?

- Да, миссис Смит.

- Не страшно?

- М-м-м... Вы знаете, я с детства как-то... Всегда хотел стать космонавтом.

- Ну, это ведь только детские мечты?

Появилась Эллис с подносом, который она положила на журнальный столик между нами. Какая она... Высокая. Глаза большие. Почему я до сих пор не видел ее у Поля?

- Эллис, познакомься, это Джон, он друг и одноклассник Поля. Джон, это Эллис - двоюродная сестра Поля, моя внучка.

- Очень приятно, - сказал я вставая.

- Мне тоже, - сказала Эллис, протягивая мне руку.

Я пожал руку, мы сели. Эллис села рядом с бабушкой Поля. Мы вели непринужденную беседу, в которой Эллис ничего не говорила. Я отвечал на вопросы бабушки Поля и ни разу не посмотрел на Эллис. Кажется, она на меня тоже не смотрела. Что-то изменилось. В груди моей появилось что-то, что, казалось, немного мешало дышать. Каждый раз, вдыхая, я чувствовал какой-то призрачный жар в груди.

- Что, простите? - кажется, я задумался и пропустил вопрос.

- Я говорю, как родители отреагировали на твое решение?

- Ой, им немного тяжело, им кажется, они меня вряд ли теперь когда увидят.

- Разве это не так?

- Ну, я же пока никуда с планеты не улетаю. Мне учиться еще пять лет. Буду приезжать на каникулы. Они могут приезжать ко мне. И знаете, одна из причин, почему правительство сейчас

активно набирает курсантов в космошколы, это то, что пару лет назад ученые наконец-то совершили прорыв. Им все-таки удалось создать технологию подпространственного перехода. Скоро состоится первый экспериментальный полет первого корабля такого рода. Я думаю, к тому времени, когда я закончу космошколу, мы уже будем летать на таких кораблях. Сроки полета к звездам сократятся до нескольких месяцев. Впереди нас ждут массовые полеты к звездам. Не сразу, конечно, но...

Говоря это, я смотрел на лицо бабушки Поля, а боковым зрением пытался видеть Эллис. Мне было приятно, что она слышит то, что я стану сначала курсантом, а потом космонавтом. Хотелось произвести впечатление. Но она не выражала особого интереса к нашему разговору. Просто сидела, держа в руке стакан с морсом и никак не участвуя в разговоре.

- А вот Эллис решила стать пси-программатором.

- Интересная область. Вы, значит, очень хорошо знаете математику? - обратился к Эллис.

И пожалел. Потому что почувствовал, что, смотря на нее, краснею. Не надо было к ней обращаться!

- Да, неплохо, - ответила Эллис.

- Она скромничает, - сказал Поль, появляясь в комнате.

Это было как нельзя кстати. Надеюсь, никто не заметил моего конфуза.

- Привет, дружище! - протягивая мне руку, сказал он.

- Привет, как дела?

Я встал, мы пожали друг другу руки.

- Если у тебя в космошколе возникнут проблемы с математикой и физикой, можешь смело обращаться к Эллис. Она три раза выигрывала планетарные олимпиады по математике. Ей еще в детстве два раза хотели дать Нобелевскую премию, но она все время убегает от преследующего ее Нобелевского комитета, - улыбаясь во все лицо, сказал Поль.

Он явно подтрунивал над своей двоюродной сестрой.

- Не верьте ему, Джон, - сказала она, улыбаясь. - Поль просто шутит.

Охренеть! Какая красивая улыбка! Как обидно! Кажется, я опять покраснел...

- Я думаю, в его шутке только доля шутки, а остальное - правда.

- О-о! - протянул Поль.

Он еще что-то хотел сказать, но я опередил, чтобы перевести разговор на другую тему.

- Поль, я тебе книжки твои принес, - сказал я.

- Спасибо. Ты мне лучше привези что-нибудь оттуда.

Поль показал пальцем в потолок.

- Постараюсь. Но будет это еще не скоро.

- Ничего. Я потерплю. Ты когда уезжаешь?

- Завтра утром, самолетом.

- Во сколько в аэропорту будешь? Мы тебя проводим.

- Не стоит, не беспокойся.

- Да?

- Точно.

Мы потрепались пару минут ни о чем, потом я откланялся, сказав, что должен идти еще по делам. Поль проводил меня, и когда входная дверь за нами на крыльце захлопнулась, мы обнялись.

- Поль, ты извини, у меня не получается устроить прощальную вечеринку... У предков сейчас ситуация не очень...

- Да ну-у! Не переживай из-за таких пустяков! Мы еще с тобой пива попьем! Мужик, ты, самое главное, держись там. Встретишь инопланетян, не бзди. Сразу из бластера, пиу-пиу!

- Надеюсь, я встречу прекрасную инопланетян-

ку, которую не надо будет пиу-пиу.

- Ее надо будет... - Он два раза звонко поцеловал воздух в такт "пиу-пиу".

Мы рассмеялись.

- Ладно, - сказал я. - Я буду приезжать на каникулы.

- Действительно, не пропадай, - уже тихо сказал Поль.

- Увидимся еще. Наверное... Пиши.

- О"кей.

Мы еще раз пожали друг другу руки, и я ушел, не поднимая на него взгляда, не оглядываясь. Кажется, мне в глаз попала соринка. По телу пробежали мурашки. Мы с Полем были друзьями с пятого класса. Много чего было. Игры, проказы... Самое главное, мы много мечтали вместе. Оба мечтали стать космонавтами, но потом Поль все-таки передумал и теперь станет юристом. Ему даже ехать для этого никуда не надо. Местный универ имеет вполне адекватный рейтинг.

"Вот и все, - крутилось у меня в голове, - вот и все.... Детство закончилось".

***

Перед отъездом мне надо было зайти в пару мест в центре города, но сначала я решил пойти

домой, чтобы не пропустить обед, который мама обещала приготовить. Нам вместе остался один обед, один ужин и, возможно, один завтрак. Хотя в утренней суматохе вряд ли останется время для завтрака. Так что не стоит лишать родителей последнего совместного обеда.

- Поехать с тобой в центр? - спросил отец, когда мы убирали со стола.

- Тебе охота?

- А давайте все вместе поедем в парк развлечений, - сказала мама. - Помните? Как раньше.

- Ура! - закричала сестренка.

Отец вопросительно посмотрел на меня. С одной стороны, парк развлечений сейчас - это лишние, ненужные расходы. С другой стороны, если им самим хочется сделать что-то для меня...

- Если вам хочется... Да, конечно, давайте поедем, - ответил я.

"Бедные мои родители, - подумал я, - на кого я их оставляю?" Слева в груди вдруг как будто подвесили тяжелый камень, и у меня вырвалось:

- Мам, пап, я часто буду приезжать и звонить.

Отец молча кивнул, а потом сказал:

- Ну, давайте. Даю вам десять минут на сборы. Через девять минут начну предстартовый отсчет.

Он подмигнул мне.

Месяц назад отец продал наш флаер, поэтому в центр ехали на наземном общественном автобусе. Ехали молча. Не очень хотелось разговаривать при чужих людях. "Поскорей бы закончить первый семестр и приехать на каникулы, - думал я, - тогда может, нам всем не будет так тяжело? Я могу еще постараться скопить стипендию и присылать родителям. А может, вообще написать заявление об отказе и никуда не лететь? Может, получится увидеться с Эллис?". Я вспомнил о ней, и мне стало вдруг легче, светлее. Какое у нее лицо? Большие глаза, волосы до плеч, высокая. Я помнил отдельные черты, а лица ее вспомнить не мог. Что-то в ней было еще, кроме красоты. Что-то чувствовалось, чего нельзя увидеть глазами. Откуда-то я знал, что она очень хороший, замечательный человек. И хороший друг.

"Господи! - оборвал я себя, - откуда ты знаешь, что в ней есть нечто особенное? Ты даже двух слов с ней не переговорил". "Но я ее люблю, - подумал я, - я вспоминаю ее, и мне становится так хорошо на душе. Такое ощущение, будто я нашел что-то важное, нашел какое-то чудо, какую-то драгоценность. Надо же, угораздило влюбится в последний день... Забудь! У такой девушки на-

верняка есть парень. Может и есть... Или скоро будет. Наверняка есть! Да и чтобы ухаживать за ней, нужны деньги. А ты сын обанкротившегося фермера... Без лишнего цента в кармане! Обидно! Эх ты! Увидел смазливое личико и уже готов отказаться от мечты всей жизни! Выше нос, курсант Хиггс! Вас ждут звезды! Вот увидит она меня на каникулах в форме курсанта!"

Посетителей в парке было не так уж и много. Было еще рано. Настоящее веселье начнется позже, часов в восемь. Но мы все же постреляли из бластера в тире, покатались на американских горках, причем я старался не вопить на крутых склонах и резких поворотах - не приличествует курсанту космошколы вести себя, как визгливая девица! "Что нам эти виражи! Нас на такие перегрузки проверяли!" Хотя, на самом деле ни на какие перегрузки нас еще не проверяли. При поступлении мы просто сдали норматив на общую физподготовку. Насчет перегрузок это я так, сам себя подбадривал.

Мы погуляли еще немного, съели по мороженому, разговаривая ни о чем, но у нас так и не получилось повеселиться как раньше. Отец сказал:

- Ладно, сынок, ты уже взрослый, да и мы уже

не молодые, похоже, выросли мы все уже из этих парков развлечений. Правда, Салли?

Салли кивнула. Бедная моя сестренка... Она-то еще не выросла. Надо будет купить ей что-нибудь с первой стипендии.

- Если тебе надо пойти куда-то, иди, - сказал отец, когда мы вышли из парка аттракционов. Мы с мамой и Салли заедем к друзьям. Да, мать? А ты заканчивай свои дела и приходи к ужину.

- Хорошо. Если хотите, можем пойти вместе.

- Ничего, сын, иди. Самое главное - не опаздывай к ужину.

- Постараюсь. Я провожу вас до стоянки.

- Не надо, иди. Быстрее начнешь, быстрее закончишь свои дела и быстрее окажешься дома. Иди. Я перевел тебе сто кредитов, если тебе что-то надо купить.

- Спасибо!

Я пошел направо, они - налево и я услышал, как мама бросила в сердцах отцу:

- Все из-за твоих чертовых инноваций на ферме! Если бы не ты, наш мальчик...

Что она сказала дальше я уже не услышал. Я свернул за угол и наткнулся на пару роботов-парамедиков, склонившихся над телом. Медицинский флаер находился тут же. Люди вокруг шли по

своим делам, только косились на распростертое тело, лежавшее между роботами. Если на месте происшествия работают роботы-парамедики, лучше не вмешиваться. Они очень хорошо знают свое дело. Я тоже собирался пройти мимо, но сделав пару шагов, увидел лицо лежавшей на земле. Это была Эллис.

***

Первое, что я сделал, это позвонил Полю.

- Да, я уже знаю. Я взял флаер. Скоро буду!

Судя по прерывистым фразам и сбитому дыханию, он действительно спешил. Я попытался приблизиться, но один из роботов, не поворачивая головы, предупредил:

- Пожалуйста, не вмешивайтесь. Мы делаем все возможное. Попытка вмешаться будет расцениваться как попытка нарушения общественного правопорядка. В случае смерти пациента - как намеренное убийство. Вся необходимая информация о состоянии пациента отправлена зарегистрированным близким.

- Она мой друг.

- Пожалуйста, не вмешивайтесь. Мы делаем все возможное... - начал повторять робот.

Я встал так, чтобы видеть лицо Эллис. Глаза ее

были открыты, но невидящим взглядом смотрели в небо. Черт! Что это с ней такое?!

- Эллис! - позвал я ее, надеясь, что она слышит меня. - Эллис, это я, друг Поля, Джон. Поль скоро будет! Держись...

Мой голос дрожал. В горле встал какой-то комок. Это был первый раз, когда я видел что-то подобное.

Рядом сел флаер и из него выскочил Поль. Робот, по-видимому, распознал в нем зарегистрированного близкого и отрапортовал:

- Состояние пациента не критическое. Состояние стабильное. Физических повреждений внешних и внутренних органов нет. Угрозы жизни нет. Есть временное нарушение функционирования мозга. Требуется доставка в госпиталь для дальнейшего исследования.

- Эллис, ты меня слышишь? - спросил Поль.

- Требуется доставка в госпиталь, - повторил робот.

- Доставляйте же быстрее!

- Эй, Поль, - сказал я. - Угрозы жизни нет.

Он посмотрел на меня, вдруг осознав, что я тоже здесь.

- Ты видел, что произошло? - спросил он.

- Нет, я только увидел... Только подошел... Я

сразу позвонил. Тебе...

Кажется, меня трясло. "Хорош космонавт! Надеюсь, этого не видно".

- Ладно, я полечу за скорой, - сказал Поль.

- Я с тобой!

- О"кей.

Убедившись, что Эллис погрузили в скорую, мы прыгнули во флаер и полетели следом.

- Что это с ней? - спросил я.

Поль помедлил, потом сказал:

- В детстве у нее была эпилепсия. Но потом ее вроде вылечили... Поставили имплант. Это все, что я знаю.

- Это не похоже на эпилепсию.

- Да, я знаю. Бедная бабушка!

- Позвони ей, успокой.

- Да-да, конечно! Алло, ба, привет! Да, с ней вроде все в порядке. Не, не беспокойся. Ты же видишь отчет, парамедики прислали тебе отчет о состоянии... Ты смогла открыть, прочесть? Нет. Нет. Я с Джоном, летим в госпиталь. Я тебе позвоню, как только все прояснится. Не переживай, все под контролем. Ну давай, ба, я позвоню.

В госпитале нас усадили в зоне ожидания и попросили подождать. Минут через пятнадцать к нам вышел врач и пригласил в маленький

кабинет.

- Что с ней? - спросил Поль.

- Она жива, здорова. Просто у нее почему-то возникли проблемы с мозговым имплантом. Мы выясняем причины. Это очень редкое явление и каждый раз происходит по разным причинам. Нам нужно некоторое время для исследований. А так, ничего не угрожает ее жизни.

- Можно ее увидеть?

- Сейчас ей удаляют имплант. Операция занимает минут тридцать. И так как она уже началась...

Он посмотрел на экран своего инфора на запястье.

- То минут через пятнадцать можете к ней пройти. Единственно что, пока она без импланта, я бы рекомендовал ей не покидать территорию госпиталя. Хотя... - он промедлил. - Временно мы можем использовать немного устаревшую технологию - надеть на ее руку браслет с седативным инъектором. Если начнется приступ, он автоматически сделает ей инъекцию и вызовет скорую.

- Спасибо, доктор.

- Не за что, это наша работа. Все! Извините, должен бежать.

Поль первым делом позвонил бабушке.

- Ба, привет. Да, с ней все в порядке. Нет, не

видел еще. Говорил с доктором, он сказал, что с ней все в порядке, просто возникли проблемы с имплантом. Минут через пятнадцать-двадцать я к ней пройду, позвоню тебе, вы поговорите... Ну давай, ба, не переживай, все обошлось... Все в порядке. Все. Все. Пока.

- Фуууух! - выдохнул Поль. - Обошлось!

- Ее родители знают?

- Нет у нее родителей. Они погибли на Луне, когда ей было лет восемь.

- Черт... Почему я до сих пор ее у тебя никогда не видел?

- Она жила и училась в интернате. В основном, мы ездили к ней.

- Понятно...

- А что, ты жалеешь, что не знал ее раньше? - Он улыбнулся.

Кажется, напряжение Поля стало спадать.

- Да не-е... - протянул я.

- А мне кажется, она тебе нравится. Краснеешь при ней и даже при одном ее упоминании.

Я покраснел. Черт!

- Да ладно, не смущайся. Она очень интересная. Вроде бы не красавица, но при этом нравится многим.

На этот раз покраснел он.

"Она не красавица?" - удивился я про себя, а вслух сказал:

- Тебе, кажется, тоже.

- Ну, я двоюродный брат... Между нами, ничего не может быть. А так, повторюсь, она нравится многим, но к себе никого не подпускает. Может, у тебя получится?

- Я завтра уезжаю. Скорее всего, навсегда.

- Ну, тебе еще учиться лет пять. Потом, после пяти лет ты должен пройти окончательный отбор. Может, тебя еще разжалуют в обычные пилоты? Или будешь совершать полеты только в пределах Солнечной системы?

- Не знаю.

- По крайней мере, я был бы рад за вас обоих. Она очень хорошая, а ты мой лучший друг.

- Я знаю, что она хорошая.

- Откуда?

- Не знаю... Но знаю.

- Как, оказывается, ты запал на нее! Когда только поспел?

- Не прошло еще пятнадцать минут?

- Не терпится? - Улыбка Поля была от уха до уха. - Ладно, пошли проверим, пустят нас к ней или нет.

***

- Входите, - крикнула нам Эллис, когда мы постучали в ее палату.

Я ожидал увидеть Эллис, лежавшую на больничной койке, но она сидела на небольшом диванчике, рядом с заправленной койкой и говорила с голограммой бабушки. На руке у нее был массивный черный браслет.

- А вот и Поль с другом, - сказала она, увидев нас.

- Привет, - сказал Поль, бесцеремонно проходя сквозь голограмму.

- Здравствуйте, - сказал я и остался стоять у двери.

- Ну, ты нас напугала, Эллис! Как дела? - спросил Поль.

- Нормально. Извините, что так вышло.

- Ну, ты же не виновата. Самое главное, ты в порядке?

- Да. Джон, идите сюда, встаньте так, чтобы бабушка вас тоже видела, - сказала Эллис.

Поль сел на диван, а я подошел и встал рядом.

- Здравствуйте, миссис Смит, - сказал я, помахав рукой.

- Привет Джон. Спасибо, что был рядом и не

прошел мимо.

- Не за что, я же ничего не сделал, да и не смог бы сделать. Я не умею оказывать первую помощь. Пока.

- Действительно, Джон, спасибо, - сказала Эллис, повернувшись ко мне. - Хотя я бы предпочла, чтобы в такой ситуации меня никто, кроме роботов, не видел.

- Не переживайте из-за этого, - сказал я. - С каждым из нас может приключиться что-то подобное.

- А как операция? Нигде не болит? - спросил Поль.

- Не, я не чувствую никаких изменений. Операцию провели через ухо, так что трепанацию черепа, к твоему сожалению, мне не проводили.

Она посмотрела на меня, улыбаясь. Еще одна стрела амура вонзилась мне в сердце.

"Больно... Зачем мне это сейчас?"

- Ах, какая жалость, - улыбаясь, сказал Поль. - Хотел бы я посмотреть на твои мозги, которые так замечательно решают самые сложные задачи на математических олимпиадах. Кстати, а вы знали, что наши мозги пульсируют в такт ударам сердца?

Я посмотрел в окно, потом на экран инфора.

Шесть часов. Нужно идти.

- Поль, я пойду? Эллис, я рад, что вы в порядке. Выздоравливайте. Я должен идти.

Я протянул руку Полю. Поль пожал ее как-то задумчиво. Он не ожидал, что я так вдруг быстро уйду. Эллис тоже, казалось, была немного удивлена.

- Ребята, у меня сегодня последний день здесь. Вечером должен быть дома. - - Должен идти. Увидимся. Пока.

Я повернулся и вышел. Так, теперь мне надо доделать дела, которые я планировал в городе, зайти в мэрию и подписать пару документов в присутствии нотариуса. Только я вышел из корпуса, как услышал:

- Джон! Джон! Подождите!

Я обернулся. Это была Эллис. Она торопливым шагом шла ко мне.

- Извините, Джон, я вас, кажется, обидела? - подойдя, спросила она.

Зачем она это делает? Кто я ей?

- Эллис, вам, наверное, нельзя покидать палату!

- Подождите Джон, все в порядке?

- Да, конечно. А что случилось? Давайте я вас провожу до палаты.

- Посмотрите мне в глаза и скажите, что вы не обижены на меня.

Я собрался как мог, поднял на нее взгляд, посмотрел в ее голубые глаза и сказал:

- Я не обижен на вас. У меня нет причины для этого. Вам показалось. А где Поль? - спросил я, чтобы перевести тему разговора.

- Поль ушел. У него тоже какие-то дела.

- Давайте я провожу вас до палаты.

- Здесь очень тоскливо, Джон... Вы в школе с уроков сбегали?

- Да, бывало.

- Давай сбежим отсюда, Джон, - переходя на "ты", сказала Эллис.

***

Что она во мне нашла? Нет во мне ни способностей особенных, ни красоты мужественной. Она ростом даже чуть выше меня. В космошколу, наверное, меня приняли, потому что мало кто туда идет. В основном, дети бедняков, такие, как я. Приличные люди поступают в космическую академию и становятся капитанами, астронавигаторами - элитой пропавших во времени.

Мы сидели на краю обрыва, свесив ноги в пустоту, смотрели на город, уже зажегший огни, на

холмы вокруг, все еще освещенные золотистым светом заходящего солнца. Скоро наступит ночь. Последняя ночь детства. А завтра? Где я буду завтра? Я не знаю, как наступит завтра. Как оно вообще наступает? Как вообще уходит одно мгновение и наступает следующее? Я не знаю... Но сейчас... Эллис сидит рядом, положив голову на мое плечо. Ее волосы приятно щекочут мне щеку. Моя левая рука обнимает ее за талию. А правая держит ее за руку. Мы замерли. Замерло время. Это мгновение звенит подобно камертону. Эта вибрация то ли во мне, то ли это вибрация самого пространства-времени. Ничего больше не надо.

- Ты действительно хочешь туда? - сказала Эллис, кивнув на появляющиеся на небе звезды.

- Всегда хотел. До сегодняшнего дня. А теперь не знаю. А ты? Ты хотела бы?

- Не знаю. Нет, наверное. Страшно оставить все. Оставить свое время. Родных и близких.

- Я надеюсь на новые корабли. Скоро полеты к звездам будут занимать пару месяцев в одну сторону, - сказал я.

Я учился на последнем курсе, когда пришло сообщение, что первый экспериментальный подпространственные корабль успешно запущен, но пропал. С невиданным энтузиазмом ученые по-

строили второй корабль, который тоже пропал. Так происходило и с третьим, и с четвертым, и с каждым следующим из запущенных кораблей. Миллионы и миллионы кредитов выбрасывались в подпространство, а ученые разводили руками. В конце концов, мировое правительство приостановило все работы по разработке подпространственных кораблей, а мы так и летаем в анабиозе на субсветовых скоростях. И живем в резервациях для пропавших во времени. Потому что, когда мы прилетаем обратно, общество меняется и становится настолько чуждым, что нас держат отдельно.

Но это было уже потом. А тогда мы сидели на краю обрыва и смотрели, как садится солнце.

- Джон, я должна сказать... Я не знаю, насколько я здорова.

- Эллис, это не имеет значения. Я думаю, у тебя все будет хорошо. Но я не знаю, как сложится моя судьба. Я должен уехать... Уже через несколько часов...

Я посмотрел на инфор. На экране высветилось сообщение от мамы: "Джон, у тебя все в порядке? Ты пропустил ужин. И почему ты за городом?" Часы инфора показывали 22:35. Черт!

- Тебя ждут дома, Джон?

Она отстранилась.

- Да, Эллис. Извини...

- Я понимаю.

***

- Тогда как ты узнала про Эллис?

- Я не узнавала, Джон, - сказала Акару.

- А как?

Она молчала. Кажется, Акару первый раз обратилась ко мне по имени. И, кажется, я догадался.

- Эллис?!

- Я не совсем та Эллис, Джон.

- О, Господи! Но как?!

- Это немного трудно объяснить, Джон.

- Хотел бы я сейчас схватиться за голову! Черт возьми!

- Малышка... Как же ты... - вырвалось у меня

Я невольно дернулся, попытался встать, но невесомость меня закрутила, подняла над площадкой. Я схватился за фал, притянул себя обратно, встал.

- Нормально.

Она сказала "нормально" так, будто хотела сказать: "А как еще я могу быть?".

- Я не совсем человек, Джон. Вернее, не человек. Я просто... Большая часть моей личности - это

Эллис. Она образец, матрица, но, кроме того...

- Как? - спросил я, хотя догадывался, как. - Я тебе писал из школы, но так и не дождался твоего ответа Эллис... Поль насчет тебя тоже молчал.

"Как бы я хотел тебя обнять!" - подумал я.

- У меня есть ее воспоминания, Джон. И чувства ее...

- Я хотел бы тебя обнять, Эллис! - вырвалось у меня.

- Извини, Джон... У меня нет тела...

- Эллис, почему ты мне не отвечала? На звонки и письма.

- Джон, в день твоего отбытия ей объявили диагноз и прогноз.

- Какой?

- Боковой амиотрофический склероз. В тот ваш день, помнишь, у нее произошел отказ мозгового импланта? Это произошло из-за начинавшейся уже у нее болезни. Знаешь что-нибудь про эту болезнь?

- Нет.

- Могу вывести на экран.

- Просто объясни.

- Помнишь, был такой ученый-физик, Стивен Хокинг?

Она вывела портрет скрюченного человека,

сидевшего в кресле-каталке, на внутреннюю поверхность обзорного стекла скафандра.

- Помню, убери.

- То же самое стало с ней. Не сразу, но... Теперь тебе понятно?

- Да... Но она действительно стала пси-программатором и...

- Сумела перенести свою личность в управляющие программы кораблей. Не во все корабли, правда. И я... До сегодняшнего дня я... Я всегда знала про Эллис, но сегодня ее личности во мне стало как будто больше или активнее что ли? Во мне стала пробуждаться она. Видимо, она... Может, надеялась на встречу.

- Но ее давно уже нет...

Я почувствовал, что устал. Не физически. Опять сел.

- Что дальше, Акару? Ты же не просто так меня пробудила из анабиоза?

- Нет, не просто.

- И все эти вопросы задавала.

- Да. У меня есть для тебя запись. Она была сделана незадолго до ее смерти, тогда, когда Эллис уже была пожилой и прикована к коляске. Но она не хотела представать перед тобой в таком виде, поэтому ее изображение на видео сгенерировано

на основе ее фотографий и видео в молодости. Но это ее голос.

Вокруг вдруг стало светло. Космос исчез. Я вдруг оказался на том самом обрыве, где когда-то мы с Эллис сидели в наш первый и последний день. Я повернулся и увидел... Эллис... Акару опять создала дополненную реальность, в которой Эллис, как живая, сидела рядом со мной, свесив ноги с обрыва.

- Привет, Джон. Надеюсь, ты когда-нибудь получишь это сообщение. Помнишь, мы сидели так же когда-то давным-давно? Меня давно уже нет, но ты, надеюсь, жив и здоров. Когда-то мы хотели быть вместе, но... Не получилось... Извини, я не отвечала на твои письма и звонки, но теперь тебе, наверное, я уже все объяснила. Вернее, не совсем я, но... Есть еще одна вещь... Ты, конечно, вправе решать, соглашаться или нет. Надеюсь, что поймешь. Да, и хочу сказать... Оба варианта приемлемы. Обнимаю.

Запись остановилась. Изображение Эллис застыло, а потом пропало. Рядом со мной опять стало темно. Ее лицо... Такое нежное и родное...

- Думаю, я понял, - медленно сказал я.

- Понял что?

- Думаю, она хотела, чтобы я тоже стал вирту-

альным, как она, чтобы мы... Чтобы они могли быть вместе.

- Да. И?

- Что она имела в виду, когда говорила, что оба варианта приемлемы?

- Можно скопировать твое сознание, а можно перенести. В первом случае ты забудешь то, что произошло сегодня - выход в открытый космос, наш разговор. И дальше копия твоего сознания будет жить своей отдельной жизнью, о которой ты ничего не будешь знать. Во втором случае ты, вернее твое тело, погибнет в анабиозе, но твое сознание перенесется по разработанной Эллис технологии.

- То есть я лягу в анабиоз, а проснусь уже...

- Да.

"Анабиоз сам по себе - смерть, - подумал я, - Умираешь у одной планеты, воскресаешь у другой. Еще несколько таких смертей и воскрешений, и я обнаружу себя на пенсии. Сидящим у камина в полосатой пижаме в доме престарелых".

- И как это будет? Что будет с нашими сознаниями?

- По плану Эллис и в том, и в другом варианте виртуальные сознания могут быть перенесены в роботов, которых мы оставляем на планетах.

Тех, которые остаются там для обслуживания терраформаторов. Срок их службы от двухсот до пятисот лет.

- Успеем надоесть друг другу.

- Мы оставим вам большой культурный архив. Книги, изобразительное искусство, фильмы, виртуальные приключения. Я думаю, вам будет не скучно. Кстати, можно будет сделать так, чтобы вместо механических тел вы видели друг друга в человеческом обличье.

***

Планета, на которой команда корабля Акару инициировала террафрмироание, теперь носила название Хиггс-25. Ее назвали так в честь погибшего техника Хиггса. Сеть терраформаторов была уже установлена и запущена. Люди и техника, установившие их, прождали на орбите один месяц, чтобы убедиться, что все работает нормально. Перед отбытием с корабля на планету был отправлен челнок с последними десятью роботами, контейнерами с запчастями и телом техника Хиггса. На одном из контейнеров была маленькая незаметная наклейка с надписью "Культурный архив". Роботам было поручено похоронить тело Джона Хиггса после отбытия

корабля.

Все прошло как обычно. Роботы разгрузили челнок и стали разбредаться по предписанным постам. Прежде чем окончательно покинуть планету, автопилот поднял челнок на двадцать метров над поверхностью, чтобы позволить членам экспедиции на прощание окинуть взглядом поверхность планеты. Все было как обычно. Настолько обычно, что находившиеся в челноке пассажиры сидели, уткнувшись в свои голографические эмуляторы, и по сторонам не смотрели.

Только молодой энергетик Джонс, у которого это была первая экспедиция к звездам, с любопытством смотрел в иллюминатор. Он с удивлением наблюдал, как двое роботов, все еще почему-то стоявшие на взлетной площадке, махали висевшему над ними челноку. Необычным было еще и то, что эти роботы внизу держались за руки. Совсем как влюбленные подростки. Энергетик хотел было привлечь внимание сидевшего рядом главного механика экспедиции, но не успел - автопилот изменил вектор тяги, и челнок резко взмыл в небо, оставляя навсегда планету, роботов и терраформаторы.

Джонс оглянулся на коллег. Похоже, никто из них ничего необычного не заметил. Подумав

немного, энергетик решил никому ничего не говорить. Скорее всего, его более опытные коллеги ему не поверят и засмеют, или, еще хуже, могут подумать, что у него не все в порядке с головой, и отстранят от полетов. А ему еще лет десять закрывать студенческий кредит.

***

Меня похоронили на вершине небольшого холма, рядом с терраформатором. Белый кокон, к которому я, казалось, не имел никакого отношения, медленно опустили в свежевырытую могилу. Стоявшие по периметру роботы склонили головы, имитируя минуту скорби, потом могилу засыпали и положили сверху плиту, вырезанную из местного базальта, на которой золотыми буквами было выгравировано: "Джон Хиггс". Я ничего не чувствовал. Да и себя ли я похоронил? Вот он я, здесь, в теле робота, а то, что лежит под плитой... Нет, это точно не я. Там нечто мягкое, грязное, начинающее пахнуть. Нечто, бывшее недавно ненадежным сосудом для хранения моего сознания и памяти. Интересно, что станет с моим биомом, который все еще живет в моем похороненном теле? Выживут ли бактерии, живущие в кишечнике? Могут они дать начало

новой жизни на планете? Вряд ли. Почва здесь каменистая и сухая. Вот, если тело утопить в каком-нибудь местном водоеме, тогда может быть. Но... Его уже похоронили в сухой земле.

Эллис в похоронах не участвовала. Сказала, что ей нужно остаться одной, и сидела в одном из помещений терраформатора. Пару раз я связывался с ней по радио, чтобы убедиться, что все в порядке. Некоторое время я сидел рядом с могилой на вершине холма не потому, что скорбел о самом себе, ненаглядном, а потому, что делать было нечего, и отсюда открывался красивый вид на долину, терраформатор и заходящее солнце.

Когда наступила ночь, я все же решил нарушить ее одиночество. Эллис сидела на полу, прислонившись к переборке и обняв колени. Снаружи было уже темно, там, за стеной поднимая тучи пыли, завывал ветер, а внутри было тихо, отсек был ярко освещен лампами, равномерно распределенными по периметру потолка.

- Привет - сказал я - Ты в порядке?

- Да

- У тебя взгляд такой... Как будто тебя что-то беспокоит. Тебе что, холодно?

- Нет. Мне не может быть холодно. У меня тело робота. Как и у тебя.

Она помедлила, потом все же добавила:

- Хотя да, немного... неуютно... И знобит немного... Как будто температура...

Я сел рядом и обнял ее за плечи. Несмотря на то, что я видел ее во плоти, раздался стук соприкоснувшихся графопластовых деталей. Эллис чуть отодвинулась.

- Разве нас может знобить? - спросил я.

- Физически нет, но... Психика, сознание помнит... Кое-что... Там, на корабле, я все же была в составе комплекса разных программ, в том числе стабилизирующих, предотвращающих возможную нестабильность психики. Теперь мне немного страшно... Когда я была на корабле, я видела звезды, через камеры могла наблюдать за всеми отсеками, коридорами и помещениями. У меня было множество сенсоров, я могла слушать эфир. Я знала, что я большая, размером с корабль, я привыкла... А теперь... Теперь я вдруг стала... маленькой, а все вокруг огромным...

- Малыш, - я постарался вложить в это слово нежность, но вышло оно каким-то пустым, - не бойся, нам же здесь ничего не угрожает. Экспедиция, которая нас здесь оставила, они все проверили здесь, на планете. Это обычная пустынная планета. Здесь ничего и никого нет.

- Я знаю. Ты меня не понял. Это не из-за этого. Наверное, это из-за того, что я перестала быть кораблем. Попала а новое непривычное состояние, в новое непривычное место. А ты? Не пожалел еще, что перестал быть человеком?

Жизнь в теле робота оказалась пресной. Состояние такое, будто только что закончил долгую медитацию. Если раньше каждый орган, каждая мышца бомбардировали мозг сообщениями о своем состоянии, то теперь в сознании поселилась холодная тишина. Человеческое тело управляется гормонами. Теперь гормонов не было. Куда-то исчезли сильные эмоции, остались только тонкие, трудноуловимые тени чувств. Кроме того, я лишился базовых человеческих потребностей. Мне теперь не нужно было есть, спать, ходить в туалет. Оказалось, что мы, люди, фактически живем от одного удовольствия до другого. От завтрака к полднику, от полдника к обеду, от обеда к ужину... Ночью с удовольствием ложимся спать, а утром, хоть и нехотя, просыпаемся, но впереди нас ждет новый день. Каждое из этих событий дня - это маленькое удовольствие, которые мы в обычной жизни перестаем замечать. Кроме того, каждый раз, ложась спать, мы получаем небольшую передышку от непрерывного про-

цесса, называющегося жизнью. А теперь ничего этого нет. Мне даже все равно, в какой позе я нахожусь. Стоять я могу теперь тысячелетиями, совершенно не уставая. Могу застыть в любой позе. Желательно в той, которой мне удобно держать равновесие. Хотя, по привычке иногда хочется лечь или сесть, исполняя требование ненужного теперь рефлекса.

И все же, как быть, когда тебе ничего не нужно? Как жить? Ведь жизнь человеческая - это движение от одной цели к другой, от одного желания к другому. А желания эти, по большому счету - это желания тела. И неважно, достигаем мы этих целей или нет. По крайней мере, стремимся... И в этом стремлении вся наша жизнь.

- Не знаю пока. Знаешь, ощущение такое, будто душа... пересохла. Но мы наконец-то вместе.

Я попытался обнять ее другой рукой, пытаясь положить ее голову себе на плечо, но Эллис не поддалась.

- Как ты ко мне относишься? - спросила она - Ты меня любил? Тогда.

- Да.

- Что ты чувствовал?

- Ты хочешь, чтобы я описал свои тогдашние ощущения?

- Да.

- Зачем?

- Я столько времени живу без человеческого тела, без сильных человеческих эмоций. Расскажи, как это было, когда ты меня встретил. Мы никогда не говорили об этом.

- Ну... Ты такая красивая была тогда... Вот как сейчас. Высокая, стройная. Длинные волосы, большие глаза... У меня, помню, постепенно в груди появилось тепло. Оно мне будто мешало дышать... Зачем мне это теперь описывать? Как-то глупо.

- А сейчас?

- Я и сейчас... - начал я неуверенно.

- Ты не можешь любить меня, если у тебя нет гормонов.

- А что, любовь - это только гормоны? Вот смотрю на тебя, ты такая красивая, как тогда, в тот день...

- А сейчас? - Она сделала паузу, по-видимому, выключая трансляцию своего образа.

Там, где за мгновение до этого сидела Эллис, я увидел обычного стандартного робота, предназначенного для планетарных работ.

- А сейчас, сейчас ты меня любишь? - спросила она.

Хотя голос ее оставался спокойным, похоже, женщина даже в теле робота способна закатывать истерики.

- Эллис!

- А теперь?

На месте робота появилась пожилая полная женщина, сидящая в кресле-каталке. Это, по-видимому, была старая Эллис. У нее были седые волосы, неподвижный взгляд вбок.

- Ну как? Любишь?

- Зачем ты это делаешь, Эллис?

- Я не хочу, чтобы ты разбрасывался словами о любви. Я хочу понять наши отношения. Хочу понять, кто мы теперь друг другу.

- Я разбрасываюсь словами?!

- Разве нет?

- Эллис, я помню свое отношение к тебе. Я помню тебя тогда, помню, какой ты была... Теперь опять вижу тебя молодой и такой красивой, как тогда... Что я должен, по-твоему, сказать?

- Ты должен говорить только то, что ты действительно чувствуешь.

Я прислушался к себе. Эллис все-таки была права. Что-то действительно изменилось с тех пор, как я расстался со своим биологическим телом. Я действительно видел красоту образа Эллис, но...

Как будто пьешь безалкогольное вино. И дело не в том, что не пьянит, дело в том, что в нем нет алкоголя, который так приятно обжигает.

- Знаешь, хочешь верь, хочешь нет. Но за все эти годы очень мало было дней, когда я не помнил о тебе. Вспоминал почти каждый день. Конечно, у меня были женщины. Да, я влюблялся, и меня любили... Но твой образ был всегда во мне. Я не говорю, что, вспоминая тебя, я умирал от горя. Нет, я не хочу тебе врать...

Мы помолчали. Эллис убрала трансляцию пожилой женщины в инвалидной коляске. Я опять видел перед собой робота.

- И еще, знаешь, Эллис, такие вопросы типа "любишь-не любишь" женщине имеет смысл задавать тогда, когда она допускает возможность того, что ее доверчивостью, слабостью могут воспользоваться. А в нашем с тобой случае как я могу тобой воспользоваться? По большому счету, мне от тебя ничего не нужно. Просто быть вместе, попытаться быть счастливыми, как не смогли быть счастливыми тогда, в юности.

И, не дожидаясь ответа, добавил:

- По-моему, ты сильно переживаешь, нервничаешь.

- Роботы не нервничают.

- Ну и хорошо!

Я встал, подошел к противоположной стене и развернулся. Спина у меня чесалась нестерпимо. Я попытался потереться о шпангоут. Раздался металлический скрежет. Тоненькая внутренняя переборка задрожала. Эллис подняла на меня взгляд.

- Извини. Спина чешется.

- Помогло?

- Нет.

- Это фантомный зуд. Еще могут быть фантомные боли. Если раньше у тебя что-то болело, пройдет через какое-то время.

- А фантомный голод может быть? Меня иногда тянет пожевать что-нибудь.

- Все может быть. Это просто привычка.

Я опять сел рядом.

- Интересно, почему ты не задумывалась о наших отношениях, прежде чем мы решились на побег? Может, сначала нужно было выяснить отношения, а потом уже?..

- Потому что наши отношения зависят от того, кем мы являемся. От того, кем мы стали. А мы тогда были еще другими.

- Да, наверное...

Мы помолчали. Потом я сказал:

- Пойдем, я тебе хорошее место покажу.

- Куда?

- Пойдем-пойдем.

Я встал и протянул ей руку, приглашая подняться.

Она взяла мою руку и встала напротив. Я ждал. Она помедлила и включила трансляцию образа юной Элис. Скорее всего, будь я человеком, я бы ее сейчас поцеловал. Я притянул ее к себе и с легким стуком коснулся своим подбородком ее лба.

- Я поцеловал тебя в лоб, - пояснил я, хотя ничего не почувствовал от этого "поцелуя".

Кажется, из всех человеческих чувств во мне осталось только чувство красоты.

- Я поняла. Спасибо.

На лифте мы поднялись на самый последний уровень башни терраформатора. Оттуда по стремянке пришлось лезть вверх еще метров десять, прежде чем мы, открыв люк, вылезли на круглую площадку на самом верху башни.

Ветер, преимущественно состоявший из углекислоты, на высоте двухсот метров неистовствовал. Не будь мы двести пятьдесят килограммов каждый, нас бы давно снесло с этой площадки. Температурный датчик в верхнем левом углу поля зрения показывал минус 20 градусов по

Цельсию. Как хорошо, что я не чувствую холода.

Здесь, на высоте, воздух был прозрачным. Вокруг было темно. Только вдалеке, справа и слева мерно включались и выключались габаритные огни соседних башен.

- Пойдем

Я взял ее за руку и потянул к центру площадки.

- Ложись, - сказал я и лег сам.

Она легла рядом. Теперь в поле зрения попадало только небо, полное звезд. Весь мир вокруг исчез.

- Спасибо, Джон, - тихо сказала она

- Я подумал, этот вид тебе будет более привычным.

- Спасибо.

Время от времени, сгорая в атмосфере, по темному небу пролетали метеоры. Насколько долгий путь проделали они, прежде чем пеплом развеяться в атмосфере планеты? Обломками каких неведомых миров они были? Мы с Эллис тоже были подобны этим обломкам, странниками из чужого мира.

Звезды молча подмигивали нам. Если бы мы были людьми, мы, наверное, заснули бы в обнимку, насмотревшись на звезды. Но мы больше не

были людьми.

***

Ночью я рассказал Эллис про свою жизнь после нашей встречи, в том числе и про то, как, будучи уже студентом космошколы, писал ей, пытался дозвониться. И как потом меня вдруг неприятно осенила мысль: кому нужен обреченный космонавт? Кто будет ждать пропавшего во времени? Услышав это, Эллис помотала головой.

- Я ж говорила: я не отвечала, потому что после того, как ты уехал, мне объявили диагноз, прогноз. Фактически сказали, что я обречена на жалкое существование в кресле-каталке. И я не стала отвечать на твои письма и звонки.

- Представляю, через что ты прошла.

- Не представляешь...

"Действительно, - подумал я, - не представляю".

Мы помолчали, потом я сказал:

- Извини...

- Ничего. Нам надо решить, как мы будем проводить время. У нас с тобой его уйма. А дел почти никаких. Я боюсь, нам здесь быстро станет скучно.

- Ты говорила, у нас есть культурный архив.

- Да, там много литературы, если читать тра-

дицонным способом, а не загружать в память напрямик, хватит надолго. Еще много фильмов, интерактивных сериалов, в которых мы можем пожить. Но это если станет совсем скучно.

- Да, действительно, было бы странно жить здесь и заниматься целыми днями чтением книг.

- Мне кажется, пока есть возможность, нам хорошо бы найти какое-нибудь активное занятие. Может, займемся исследованием планеты?

Я сел.

- Как? У нас нет ни вездехода, ни флаера.

- А зачем? Вездеход и флаер нужны людям, потому что они устают, а мы...

- Да, ты права. Нам даже собираться в поход не нужно. Клево!

- И даже не надо ждать восхода солнца, вернее, местной звезды.

- Это да, но... Честно говоря, хотелось бы начать наш поход все-таки в светлое время суток.

- Космонавт боится темноты? У нас же есть режим инфракрасного видения.

- Нет, не боюсь, просто привычка. Во-первых, неуютно бродить в темноте, даже если ничего не угрожает. Во-вторых, для начала хочется полюбоваться на красоту местных пейзажей в обычном,

видимом диапазоне.

- Согласна. Спешить нам действительно некуда. А восход будет через полтора часа.

- Откуда ты знаешь?

- Ты в своем меню разобрался?

- Нет еще.

Я был техником на корабле, я был знаком с конструкцией роботов, которые мы использовали на планетах, я знал, что у роботов есть внутреннее меню, но его я никогда не видел. Для обслуживания использовалось другое меню.

- У тебя в поле зрения информация отображается, видишь?

- Да.

В поле моего зрения я видел бесполезную на первый взгляд информацию. Температура, расстояние до предметов, планетарное и корабельное время.

- Видишь, в левом верхнем углу маленькая точка?

- Да.

- Нажми на нее.

- Как? Чем?

- Представь, что нажимаешь на эту точку.

Я попробовал. Поверх основного изображения наложилась полупрозрачная сетка меню.

Влажность, давление, стороны света, выбор радиочастот для связи и управления, управление освещением, а также несколько камер. Видимый, инфракрасный и ультрафиолет. Я попереключал между камерами. Был еще лидар, с помощью которого можно было отсканировать любой предмет для последующей 3D печати. Здесь же в меню оказалось время восхода и заката звезды и местных лун.

- Мне нравится быть роботом, - сказал я.

- Я рада, что ты не жалеешь о принятом решении.

Наступившее утро не принесло нам ни бодрости, ни свежести, ибо роботы одинаково бодры и свежи, что днем, что ночью. Все, что нам надо было сделать для организации похода, это выбрать направление движения. Когда взошло местное солнце, я взял со склада болт и подбросил вверх. Мы решили, что пойдем в том направлении, куда упадет болт. Подбросил метров эдак на пятьдесят. Вернее, сорок девять метров шестьсот семьдесят два миллиметра от моей подошвы до центра тяжести болта в наивысшей точке траектории. Болт упал резьбой на юго-восток.

- Странный у нас поход, правда? - спросил я, когда мы поднимались по склону холма. - Нам

даже собираться не пришлось. Мы с собой ничего не взяли. Нам не нужно ни провизии, ни воды, ни вещей каких-нибудь теплых, ни палатки. Вообще ничего.

- Разве это плохо?

- Это здорово - путешествовать налегке. Но... Странно и необычно. Все время будто чего-то не хватает.

Она заглянула мне в глаза и сказала:

- Теперь твое тело не будет мешать чувствовать красоту, понимаешь?

- Разве оно мне раньше мешало?

- Сколько мы уже прошли от нашего терраформатора? Пятнадцать километров? Вот если бы ты был человеком, ты сейчас валился бы с ног от усталости. У тебя бы ныло колено и болела поясница. Ты бы хотел есть, пить и дрожал от холода. Все эти вопли твоего тела заглушали бы ощущения, которые ты мог получить от окружающей нас красоты.

- Ночью тебя знобило. А моя спина еще чешется. Правда, теперь меньше. И иногда мне хочется пожевать чего-нибудь вкусненького. Выпить пива или, на худой конец, апельсинового сока.

- Да, я знаю, все это пройдет.

- А если нет?

- Вообще-то эти вещи можно эмулировать, но зачем? Ты только освободился от рабства.

Мы помолчали, потом я сказал:

- Жаль только, что мы теперь лишились другого.

- Можем заняться этим виртуально. Когда-нибудь. Потом. Но повторюсь, зачем?

- Как зачем? - удивился я.

- Можно подумать, ты умираешь из-за страсти ко мне. К моим бронированным бедренным накладкам и рифленым грудным пластинам.

Я окинул ее взглядом. Она выглядела предельно серьезно и даже не смотрела на меня.

- Я их сейчас не вижу. Я вижу очень красивую, стройную молодую девушку. Только не надо выключать трансляцию своего аватара, - торопливо добавил я.

- Боишься? - спросила она.

В этой фразе не было и тени шутки или игривости.

- Нет, просто пожалей мою психику. Ты единственное человеческое, что есть на этой планете. Да и вообще в радиусе нескольких сотен триллионов километров.

Наш поход казался бесконечным. Когда у тебя нет определенной цели и потребностей, и вообще

никаких дел и обязанностей, путешествие может затянуться на неопределенное время.

Мы не знали, куда мы шли, что мы искали. Холмы, пески, русла высохших когда-то рек. Возможно, где-то глубоко в душе мы надеялись найти что-то? Нечто таинственное? Свидетельство былой жизни на этой планете? Артефакты давних посещений кем-то? Может, странную, непохожую ни на что жизнь? Изо дня в день мы шли на юго-восток, без цели, без надежды, планета все так же безмолвно, безропотно крутилась вокруг своей звезды, которая каждое утро поднималась на востоке, наблюдала за каждым нашим шагом и опускалась ночью на западе.

- Какой во всем этом смысл? - спросил я.

- В чем?

- В этом во всем, - я развел руками, пытаясь жестом охватить весь пейзаж вокруг. - Эта система не родила. И таких мертвых систем мириады!

- А где этот смысл есть? Что значит - не родила?

- Ну, на Земле. Земля породила жизнь, нас, в этом ее смысл существования. Наверное.

Она не ответила. Некоторое время мы шли молча. Потом я остановился и присел на корточки. Коснулся земли ладонью. Песок, мелкие камеш-

ки. Эллис стояла рядом, смотрела на меня. Ветер трепал ее волосы. Никто. Никогда. До нас. Здесь. Не был. Не ходил, не трогал эти камни, не дышал этом углекислым газом. Не смотрел на открывающийся с вершины этого холма вид. Зачем? Зачем все это? Эти скалы, это слегка оранжевое небо. Здесь красиво.

"Но что есть красота Мира без созерцателя, способного понять, почувствовать эту красоту, - подумал я, - Не будь нас здесь, кто бы оценил эту красоту вокруг? Кто бы почувствовал ее? Хотя, может, величие красоты Мира в том, чтобы эта красота была, есть и будет вне зависимости от созерцателя?"

Солнце было в зените. Мелкий песок, зачерпнутый в мой механический кулак, просачивался сквозь пальцы, и ветер уносил его куда-то вдаль.

- Не все в мире должно иметь смысл и предназначение, - сказала Эллис.

- Я не понимаю. Столько планет, звезд, и нигде ничего, никаких признаков жизни. Нигде.

- Во всем мире есть только одна красота, - непонятно сказала Эллис.

Помолчав, добавила:

- Человеческое бытие ограничено во времени, поэтому людям так важно прожить жизнь, полу-

чить от нее удовольствие, удовлетворение. Им хочется знать, что они использовали все имеющиеся возможности прежде, чем все закончится. Нигде не проиграли. По крайней мере, пытаются использовать все шансы, выпадающие на их долю. Им кажется, что в их жизни есть смысл, если она успешна. Если по жизни человеку плохо, он начинает искать смысл страданий. Выдумывает всякие мистическо-религиозные теории. Самое плохое, что эти теории основаны на человеческой логике! А кто сказал, что Вселенная устроена в соответствии с человеческой логикой? В отличие от человека, человеческого сознания, если сознание способно существовать неограниченное время, оно, может быть, выше таких понятий, как смысл жизни. Смысл существования - это слишком человеческое понятие. А мы с тобой больше не люди. Так что привыкай.

- Что и требовалось доказать... - пробормотал я, а про себя подумал: "Это ведь не молоденькая девушка сейчас с тобой говорит, а взрослая, очень умная женщина".

Я вспомнил ее изображение в кресле.

Обычно мы шли в светлое время суток, а на ночь устраивали привал. По старой человеческой привычке на привале мы ложились на землю,

хотя в этом не было необходимости. Наши механические тела позволяли нам при минусовых температурах лежать на голой земле, смотреть в темное небо и не обращать внимания на то, что ветер покрывает наши тела одеялом из песка и снега. Однажды за ночь нас засыпало так, что утром из песка торчали только головы. Но нам все было нипочем. Мы приглушали звуки микрофонов, чтобы не слышать завывание ветра, и смотрели какой-нибудь фильм, а потом обсуждали происходившие там события. В какой-то мере просмотр фильмов и чтение книг заменяли нам сон, приносили нам хоть какое-то отвлечение от однообразия нашего бытия.

- Эллис, что ты ищешь здесь, в этой пустыне? - спросил ее я однажды.

- Я ищу, я вижу, я впитываю в себя красоту.

Видя невысказанный на моем лице вопрос, продолжила:

- Раньше мы не были свободными. Я была прикована к креслу, и мы оба были прикованы к своим телам. Потребности тела не давали нам возможности быть там, где мы хотим, когда мы этого хотим и самое главное, сколько хотим. Будь ты человеком, ты вряд ли вышел бы на этой планете на ночную прогулку без особой надобности.

Например, чтобы полюбоваться на восход луны. Если бы и вышел, тебе пришлось бы пыхтя, кряхтя, надеть скрипящий при каждом движении скафандр. Какое после этого удовольствие от созерцания лун? А сейчас тебя можно забросить хоть в открытый космос. Тебе будет все нипочем.

- А зачем тебе... Я хочу сказать, что...

Черт! Как ни скажешь словами, хрень получается. Эллис поняла.

- Созерцая красоту моря, можно понять его бытие. Созерцая красоту гор, можно понять бытие гор. Может, на это уйдет тысяча лет созерцания, все равно. Неважно. Поняв бытие моря, можно стать им. Поняв бытие облака, можно стать облаком. Если тебя будет наполнять чувство красоты, у тебя не возникнет желания задаваться вопросом о смысле существования. Обрати внимание. Картины художников-абстракционистов, которые могут вызывать недоумение у зрителей. Они, зрители, начинают задаваться вопросами: "А что здесь нарисовано?", "А что хотел этим сказать автор?" и так далее. Но эти вопросы возникают у зрителя только тогда, когда он не видит красоту произведения. Если зритель увидит красоту картины, он уже не задается поиском смысла произведения. По крайней мере, эти вопросы

становятся второстепенными.

Я хотел спросить, как, поняв бытие облака, можно стать облаком, но промолчал. Она изучающе смотрела на меня, а потом сказала:

- Вот ты говоришь "любовь"... А ведь чувство красоты много тоньше.

- Я разве что-то говорил о любви?

- Мне кажется, для тебя это важно.

- А тебе нет?

- Мне кажется, я переросла эту потребность... Зачем тебе эта любовь?

- Разве ты не помнишь, как это восхитительно, когда тебя любят? Когда любишь ты?

Она промолчала. Я тоже некоторое время молчал. Потом все же добавил:

- Когда любят, на тебя смотрят с восхищением. Приятно, когда в глазах другого ты видишь подтверждение того, что ты прекрасен. Значит, нужен. Когда любят - прощают. Самая сильная любовь - материнская. Она способна простить многое. А нам хочется, чтобы нам прощали наше несовершенство, прощали наши проступки. И еще, когда любишь, осознаешь, что обладаешь красотой и совершенством.

После этого разговора некоторое время мы шли молча. "Бедная Эллис, - думал я, - Кем же ты стала,

и кем становлюсь теперь я".

Хоть мы сначала и решили двигаться на юго-восток, время от времени мы все же отклонялись от основного направления, если видели что-то интересное в стороне. То скалы интересной формы встретятся где-то к северу от нас, то грязевой вулкан, плюющийся горячей жижей южнее, привлекал наше внимание.

Так или иначе, наша маленькая экспедиция медленно, но верно, продвигалась на юго-восток. Это, наверное, была самая скучная экспедиция на свете. Похожие друг на друга дни и ночи сменяли друг друга. Ничего не происходило, и до сих пор мы не нашли ничего особо интересного. Иногда я начинал копать под какой-нибудь скалой. Где-то в глубине души я надеялся найти хоть какой-нибудь артефакт, хоть какое-нибудь свидетельство чего-то. Даже уже не важно чего. Но ничего интересного или необычного не находилось. Если бы не моя стабилизировавшаяся из-за отсутствия гормонов психика, я бы, наверное, давно сошел с ума от однообразия.

Холмы, овраги, камни, скалы, песок. В тех или иных сочетаниях они появлялись из-за горизонта и исчезали за горизонтом по мере нашего продвижения. Время от времени мы останавливались,

застывали и пытались почувствовать, зарядиться красотой того или места. В такие моменты Эллис оборачивалась, молча смотрела на меня сияющими глазами. Наверное, так аккумулятор заряжается электричеством, так и мы заряжались красотой. По крайней мере, я пытался.

Ветер. Наверное, ветер был единственным, более или менее кажущимся живым обитателем этой планеты. Он носился то с юга на запад, то с востока на юг, он поднимал облака пыли, закручивал смерчи, как скульптор, терпеливо обтачивал скалы превращая их в абстрактные фигуры, а иногда, как котенок, ласково терся о ноги короткими мягкими порывами. И только небо непрестанно и безучастно наблюдало за нами.

Иногда я вдруг вспоминал, что давно не ел и что вообще есть такая вещь как прием пищи. Как это здорово, например отломить кусок ароматного, свежеиспеченного хлеба, макнуть его в блюдо с тушеным мясом, захватить попутно кусочек картошки и жаренного лука и отправить все это в рот, прожевать, проглотить, сделать вдогонку глоток прохладного пива или вина из запотевшего стакана. В такие моменты мне казалось, что я заперт в железном футляре и что стоит снять его, я смогу поесть, почувствовать вкус предметов,

ощутить порывы ветра. Коснуться Эллис, почувствовать упругость ее кожи...

Но снять футляр было уже невозможно. К счастью, такие порывы случались все реже. Чем дальше мы шли, тем менее эмоциональными становились. Во мне умирали грубые человеческие эмоции: смех, печаль, гнев. Их место иногда занимало слабое чувство красоты. Оно либо было, либо внутри было пусто. Мы оба стали молчаливее, особенно Эллис. Зато глаза ее и взгляды становились все выразительнее. Казалось, она пытается говорить глазами. С ней явно что-то происходило, но что - я не знал. Может, ей удавалось почувствовать и впитать больше красоты, чем мне?

Иногда я спрашивал себя, стоила ли вся эта затея чего-то? Ведь оказалось, что эмоционально жизнь в теле робота без гормонов довольно скудна. И если раньше я думал, что жизнь моя человеческая бесперспективна, то теперь обязательный смертельный исход в ней казался даже привлекательным. Но ведь я не мог тогда, на корабле не отдать самого себя Эллис! Она так ждала нашу встречу, и я не смог бы лишить ее надежды.

Я напоминал себе, что всю свою жизнь она про-

вела в инвалидном кресле, потом была вообще без тела, когда стала управляющей программой корабля. И для нее возможность обрести сильное тело, пусть даже нечеловеческое, была очень важна. И я, как ее друг, должен был быть рядом.

Однажды мы оказались в предгорьях безымянного горного массива. Судя по имевшимся данным, здесь находилась самая высокая гора планеты. Мы знали, что даже наших технических возможностей не хватит, чтобы подняться на ее вершину. У нас не было для этого соответствующего оборудования. Но все же мы решили идти по направлению к пику, поднимаясь вверх, пока сможем.

К ночи нам удалось подняться на один из холмов. Взобравшись, я переключил камеру с ночного видения на обычный. Хотелось полюбоваться на открывающийся отсюда вид в нормальном, привычном человеку диапазоне. Впереди, справа и сзади лежала долина, из которой мы пришли. Взошедшая из-за спины луна заливала все ярким желтоватым светом. Слева начинался подъем на следующую, более высокую гору, на которую мы собирались подняться после ночного привала. Эллис, казалось, была заворожена открывшимся видом. А я вдруг очень сильно почувствовал

наше с Эллис одиночество. Что мы здесь делаем? Куда идем, к чему стремимся? Чем все это закончится?

- Совсем мы здесь одни, - сказал я - И никого у нас с тобой нет...

Она никак не отреагировала на мои слова.

- Почему ты все время молчишь? Ты в порядке?

Она посмотрела мне прямо в глаза и кивнула. Глаза ее сияли. Видимо, какое-то светлое чувство переполняло ее в этот момент. А может, она сошла с ума? Я вдруг осознал, как много выпало на ее долю. Сначала болезнь, потом она была управляющим сознанием межзвездного корабля, теперь вселилась в тело робота. Могли бы все эти трансформации спровоцировать умопомрачение, сумасшествие? Я не знал. Что делать в таких случаях я тоже не знал. История робототехники не знала случаев шизофрении у роботов. Иногда, достаточно редко, возникали проблемы с искусственным интеллектом у роботов, и обычно в таких случаях их отключали и оправляли на техобслуживание. Я же не мог отключить Эллис.

- Что с нами будет? - невольно сказал я.

Она не ответила

- Мы одни здесь! Понимаешь? Ты чувствуешь это?

Она как-то неестественно повернула ко мне голову и посмотрела, как мне показалось, оценивающе. Как будто заглянула мне в душу. Выглядело это и жутковато, будто ее голова могла поворачиваться на все триста шестьдесят градусов.

Опять стала смотреть в долину.

- Эллис?

Что-то она, видимо ожидала увидеть во мне и, кажется, не увидела.

- Нас всегда одни, - непонятно сказала она.

Что она имела в виду?

- Ты не одна, я с тобой. Но нас только двое.

Что-то изменилось. Я вдруг почувствовал это. Что-то пропало, остановилось и исчезло безвозвратно. Ветер больше не трепал ее волосы... Ветер был, а волосы Эллис застыли, как на стоп-кадре. Моя несуществующая кожа покрылась пупырышками.

- Эллис?!

Она не ответила, не шелохнулась.

- Эллис, ты меня слышишь?

Она молчала. Я встал перед ней, заслонив собою вид на долину, посмотрел в глаза. Ее улыбка, застывшая на лице и превратившаяся в страшный оскал, ее невидящие глаза смотрели сквозь меня

в пустынную холодную ночь.

Безжалостная планета. Безжалостная холодная ночь. Звезды светят так же, как и прежде. Им все равно. Планета, переваливаясь с боку на бок, все так же катится вдоль невидимой нити орбиты. Все везде, как и прежде. А Эллис больше нет.

Транслируемый виртуальный образ Эллис вдруг стал тускнеть, стал прозрачным. Сквозь него проступил силуэт обычного человекоподобного робота, предназначенного для планетарных работ.

Что делает человек, оказывая первую помощь другому человеку? Бьет по щекам? Трясет за плечи? Укладывает на левый бок и вызывает неотложку? Делает искусственное дыхание и непрямой массаж сердца? Все это здесь неприменимо. Но все же. Может, я ошибаюсь?

Я стал вызывать Эллис по радио. Может, отказала механика и Эллис все еще жива? Может, просто закупорена в отказавшей оболочке? Я попробовал несколько частот. Ничего. Только потрескивание эфира. Я должен что-то сделать. Но у меня не было даже отвертки, чтобы вскрыть панель и добраться до диагностического экрана, который был на спине у каждого робота. Мы вроде были так довольны своей неуязвимостью и

горды тем, что для похода нам ничего не нужно...

Я посмотрел на карту. Ближайшая башня терраформатора находится в двадцати километрах от нас. Там должно быть оборудование для диагностики и починки.

- Эллис... - сказал я - Если ты меня слышишь... Я отнесу тебя на базу и попытаюсь помочь.

Никакой реакции.

- Если ты меня слышишь, подай хоть какой-нибудь знак. Я на первой частоте.

Опять ничего. Я произвел визуальный осмотр. Может шальной микрометеорит пробил ее броню и повредил что-нибудь внутри? Я знал, что этого не может быть. Пробить броню очень трудно. Я бы услышал хлопок, стук, что-то подобное, но... Я не обнаружил ни одной лишней царапины на ее теле.

- Эллис, я отнесу тебя к ближайшему терраформатеру и постараюсь тебя починить. Ты меня слышишь?

Неподвижная механическая статуя ничего не ответила, не шелохнулась. Я присел, обхватил Эллис за бедра и, распрямившись, взвалил ее на свое правое плечо. Если ты робот и тебе надо пройти двадцать километров с грузом, равным твоему собственному весу, то это не вызывает

никакого дискомфорта. Ты не чувствуешь усталости, у тебя не сбивается дыхание и тебе нигде не больно. Единственное, что тебе нужно, - держать равновесие, особенно на склонах.

Утром я все же остановился и провел повторный визуальный осмотр носителя Эллис уже при солнечном свете. И, конечно, опять ничего не обнаружил. Никаких внешних повреждений.

Роботы тераформатора стояли на своих постах. Они стояли здесь с того момента, как их здесь оставили. После того, как терраформатор запущен, контроль и обслуживание проводится раз месяц. Все остальное время роботы стоят на своих местах внутри терраформатора в режиме минимального потребления энергии. Когда я подошел к главному входу, дверь отъехала в сторону, и робот, стоявший сбоку внутри, дернулся, просыпаясь.

В поле моего зрения поверх изображения робота, стоявшего на посту, появился длинный буквенно-цифровой код, заканчивающиеся на СЭМ. Каждый робот имеет индивидуальный номер и короткое прозвище в конце для облегчения работы с людьми.

- Привет, СЭМ, - сказал я.

- Привет R076JAZ56ЕМИК - ответил робот

Ну да, моя тушка имела свое индивидуальное имя, данное еще на заводе. Для всех вокруг я был Мик.

- Зови меня Джон, - сказал я и прошел в отсек технического обслуживания.

Там я положил Эллис на стол и первым делом отвинтил панель, под которой находился диагностический экран. Он ничего не показывал. Питание подавалось, а экран ничего не показывал. Плохо дело. Я подключил Эллис к компьютеру техобслуживания и первым делом попытался послать сообщение в мозг носителя. Если это только отказ тела, а мозг еще жив, пусть Эллис знает, что я ее спасаю. Хотя я в это уже не верил. Никакой реакции.

Я запустил диагностику. Конечности носителя стали дергаться, исполняя диагностические команды компьютера. Выглядело это немного дико и повторилось трижды. Одновременно тестировался мозг носителя. Экран показал кривые ритмов мозга. Они были в порядке: это означало, что технически мозг жив, функционирует. Только процент задействованности и объем используемой информации, находящейся на данный момент в мозге, был нулевым...

Это означало, что Эллис там нет.

- Сэм, - позвал я и сел.

Дверь в отсек отъехала в сторону, и на пороге появился Сэм.

- Сэм, Эллис больше нет.

- Кто такая Эллис?

Если бы у Сэма было человеческое лицо, он, наверное, сейчас стоял бы с недоуменно выпученными глазами. Но Сэм был просто роботом. Обычным планетарным роботом с интеллектом, равным интеллекту пятилетнего ребенка.

***

Если я был бы человеком, я бы сейчас закурил. Или опрокинул стаканчик-другой. Или сделал бы и то, и другое. Но я был роботом. Расстроился ли я? Могу ли я сказать, что любил Эллис? Могу ли я самому себе признаться, что мне без нее... нормально? Могу. Я не могу сказать, что без нее мне плохо. Я ничего не чувствую. Вот в эту минуту. Прошлой ночью на вершине я хотел помочь Эллис. Пожалуй, тогда мне было страшно. Мне было СПОКОЙНО страшно. Страшно разумом, не чувствами. Одинокая ночь на пустынной планете.

Кто я ей? Кем она была для меня?

Я пытался воскресить то, что воскресить было невозможно. Так я считал. Но кто на самом деле

была Эллис? Сознание не может в одночасье покинуть здоровый носитель. Без оборудования. Не оставив ни следа. Впрочем, след должен был остаться. У каждого робота есть регистратор, не связанный с центральным мозгом.

- Я могу чем-то помочь? - спросил Сэм.

- Поговори со мной.

Поддерживать разговор или подставлять жилетку, чтобы в нее плакали, планетарных роботов не учат. А я даже плакать не хотел. Я ничего не хотел. Кто или что я вообще теперь такое? Сознание без тела, без потребностей. Зачем? Все, что я хотел сейчас, - это узнать, что случилось и что вообще все это значило. Это последнее, что мне осталось.

- Сэм, иди на свой пост. Не обращай на меня внимания.

Дверь скользнула на свое место, и я обратился к компьютеру:

- Компьютер, загрузи и покажи все содержимое регистратора. С конца.

У каждого робота на борту имеется регистратор, который фиксирует все, что происходит вокруг и внутри носителя. Все звуки, колебания температуры, влажности, вибрации, запахи, радиосигналы, состояние внутренних элементов, батареи и прочее.

Я начал смотреть с конца. Последние несколько часов записи показывали перевернутый раскачивающийся мир, мои ноги, песок и камни. Это была запись того, как я переносил Эллис к терраформатору. Я перемотал назад. На экране появилось испуганное лицо какого-то пожилого человека. Это лицо приблизилось и заслонило собой долину, освещенную луной. Ах да, это же я... Я совсем забыл. Я забыл, сколько мне лет, и то, что я все еще транслирую образ своей человеческой оболочки. Для кого? Для Сэма? Все это время рядом с Эллис был какой-то пожилой дядька, а Эллис транслировала свой образ молодой девушки. Значит, она все-таки была как-то связана с настоящей Эллис? Не обязательно. Нечто, что выдавало себя за Эллис, могло "просчитать" образ ее молодой.

Это *нечто* теоретически могло обладать какими угодно свойствами и способностями. Я перемотал еще дальше назад. Эллис смотрела на долину. Вернее, нечто, выдававшее себя за нее, смотрело в долину.

- Нас всегда одни, - сказала она.

Я становил запись. Что это могло означать? Ни разу до этого в речи Эллис не наблюдалось таких ошибок.

- Компьютер, просканируй систему и определи, есть ли в ней что-то необычное.

- Критерий необычности?

- Инородные файлы, не присущие типовой системе.

- Ничего необычного не обнаружено.

- Проверь логи.

- Ничего.

- В логах вообще что-то есть?

- Нет.

Я встал, подошел к лежавшему носителю. Если и в логах ничего нет... Значит, Эллис там вообще никогда не было... Либо я сошел с ума, и все, что произошло - это бред моего больного сознания, либо...

Я поднял руку, чтобы коснуться щеки лежавшего передо мной носителя. Но так и не коснулся. Это ведь только носитель. Я повернулся и вышел наружу. Местное светило прошло уже зенит и теперь медленно приближалось к горизонту. Ветер. Песок и камни. Терраформатор за спиной.

Кто я, и что здесь делаю? Зачем все это было задумано? Зачем меня выманили из корабля, а потом бросили одного на необитаемой планете?

Я попытался вспомнить, что говорила Эллис. Фактически мы разговаривали мало. И в основ-

ном, она говорила о красоте. "Впитываю красоту", - сказала она однажды. Я вспомнил ее взгляд в последнюю ночь. Глаза ее сияли. У людей такое бывает, когда какая-то эмоция переполняет их. Положительная эмоция. Такое бывает, когда признаешь какую-то истину, которая в тот момент становится частью тебя самого.

Я попытался представить, что могла чувствовать Эллис в тот момент. Если она действительно была бы Эллис. Там было красиво. Красота. Зачем ей нужна была эта красота? "Как пчела, - почему-то мелькнула у меня мысль. - Она собирала красоту, как пчела собирает нектар, чтобы потом произвести мед. Что хотела произвести Эллис? И зачем нужен был я?"

После того, как я перестал быть человеком, после того, как я лишился влияния своего тела, своих гормонов на сознание, чувство красоты, наверное, стало единственным значимым чувством, которое я мог испытывать. Но это было очень тонкое, еле уловимое чувство. Зачем я на все это согласился? Зачем пошел за ней?

Я хотел любить и быть любимым. Я понимал, что мой конец близок, впереди старость, а потом небытие. Наконец-то, впервые за столько лет работы в космосе столкнулся с чем-то необычным.

"Вырвавшись в космос, вы остались людьми", - сказала Эллис тогда.

Я был согласен. Но кем и каким я должен был стать в результате этого похода? "Это ваше чувство любви, оно всегда замкнуто на инстинкт размножения". Может, этого хотела Эллис? Чтобы я смог полюбить ее по-настоящему? Без гормонов? Может, надеялась, что в моей пересохшей, как пустыня, душе родится что-то, что из homo sapiens сделает меня, homo stella, человеком звездным?

Ответов не было.

Прошло несколько суток. Все это время я сидел или лежал снаружи, по старой человеческой привычке заходя в терраформатор с наступлением темноты. Ничего не происходило. Я все ждал, надеялся, что произойдет чудо. Даже если Эллис и не вернется, что-то изменится, произойдет что-то. Я не хотел верить, что все может закончиться вот так, ничем.

Но ничего не происходило. Не был даже ветра. Только местная звезда по утрам поднималась на востоке и вечером скрывалось за горизонтом на западе. Я все больше убеждался, что провалил какой-то экзамен. Я так и не смог стать кем-то, перестав быть человеком. Пустыня вокруг... Пустыня внутри...

Почему чувства были так важны для той, кто выдавала себя за Эллис? Что такое вообще чувства? Кто-нибудь исследовал их? Я никогда не слышал об этом. Человечество исследовало все: атомы, клетки, вирусы, их взаимодействия, электричество, магнитные и электромагнитные поля, фотоны и кварки. Мы исследовали тысячи планет и звезд, но кто-нибудь пытался понять человеческие чувства? Нет, не механизм, рождающий чувства, не причины их возникновения, а сами чувства. Почему одна книга, одна песня имеет один чувственный вкус, другая - совершенно другой? Зачем это нужно? Зачем это в нас проявляется? А ведь наши чувства нематериальны... Может это дверка в другой мир? Может, экзамен еще не закончен? Может, это такое продолжение? Может?..

Я вошел в терраформатор, прошел в отсек технического обслуживания, подошел к носителю Эллис, лежавшему на столе. Чувство красоты. Чувство любви. Не той любви, не людской. Другой. Любви ко всему. Осознание красоты мира, постоянно переполняющее душу. Может эти два чувства, а по сути, одно чувство, должны заполнить мою душу, чтобы произошло перерождение? Математика прекрасна... Но она только описыва-

ет красоту вселенной, отражает ее красоту. Вся вселенная построена на красоте. Красота лежит в основе Вселенной и в каждой ее частичке. Я должен прочувствовать это. Я должен заполнить этим пониманием всего себя. Она должна стать моей сутью. Ведь душа принадлежит мне. Как рука или нога. Я поднял руку и посмотрел на нее. И это я решаю, согнуть ли мне кулак или разжать пальцы. Значит, это я должен контролировать содержимое своей души. Может в этом-то и загвоздка? До сих пор я пассивно сопровождал Эллис или того, кто представился мне как Эллис. До сих пор я думал, что мне нужно улавливать чувство красоты, а не генерировать его самому.

- Я пойду дальше, Эллис, - сказал я.

Коснулся ее плеча, повернулся и вышел. Сэм все так же стоял у входа.

- Не скучай, Сэм, - сказал я, не оборачиваясь.

- Джон, - только и ответил Сэм.

Дверь скользнула на место, и сказал ли Сэм что-то еще, я так и не узнал. Впереди был долгий путь.

Эпилог

Освоение планеты шло по накатанной. Корабль с орбиты сбрасывал терраформаторы, а мы с Эн-

ди, моим напарником, и группой роботов стояли на склоне холма и смотрели в долину, ожидая приземления очередного модуля.

- Хиггс, ты сегодня какой-то смурной, - сказал Энди.

- Нормальный, - буркнул я.

После последнего анабиоза я действительно чувствовал себя отвратительно - никак не мог согреться, холод будто засел внутри, меня подташнивало, и что-то не очень сильно болело. Наверное, желудок. Пройдет. Не первый раз болит. К корабельному врачу я, естественно, не обращался. Если доктор обнаружит серьезную проблему, то может приостановить мою лицензию или, того хуже, раньше времени спишет меня на берег, а это означает, что мне урежут пенсию. Хорошо, что мой скафандр хакнутый. Как бы плохо я себя ни чувствовал, он всегда транслирует нормальную телеметрию.

Этой ночью мне приснилась Эллис. Во сне она подошла ко мне и прижала теплую мягкую ладонь к моей щеке. А я почему-то проснулся. И этого короткого сна было достаточно, чтобы всколыхнуть во мне все вновь. Мир такой странный. В нем можно любить человека, которого давно нет... В безмерно глубокой бездне, среди

бесконечного числа пустых миров Эллис нет уже давно. Есть только образ, навсегда впечатавшийся в мою память, в мою душу. Зачем? Зачем мне это? Какой в этом смысл?

Воздуха как будто не хватало. Может, скафандр неисправен? Я посмотрел на небольшой экранчик на запястье. Все показатели были вроде в норме. Количество кислорода, азота. На меня вдруг навалилась слабость, прошиб холодный липкий пот. Черт! Кажется, все-таки придется обращаться к врачу. Надо сесть, а то упаду.

Я обернулся, нашел большой плоский камень, отошел и сел. Ничего, все пройдет. Через день-другой перестанет болеть желудок, впечатления от сна забудутся, и это чувство внутри перестанет меня терзать. Все вернется на круги своя. Нужно только немного подождать.

Энди обернулся на меня, оценивающе посмотрел.

- Все нормально, - заверил его я, - Бывает... Не обращай внимания.

С неба раздался гул, шипение, и Энди отвернулся, задрал голову вверх. Там уже появилась опускающаяся с орбиты нижняя треть терраформатора.

"...Вернется на круги своя... И будет очередная

планета, и будет очередной терраформатор... Устал я... Надоело. На что я потратил жизнь? Чем я занимаюсь? Через месяц нам опять ложиться в анабиоз, чтобы лететь к звездам и планетам, которых... Разве мы ходим по этим планетам? Разве мы пытаемся их услышать, почувствовать? Понять?"

В груди будто подвесили огромный тяжелый камень, который никак не мог найти себе места и мешал дышать. Сейчас бы прилечь... Почва под ногами вдруг зашаталась, задрожала. Это терраформатор так сел, или меня шатает? Острая, как шпага, боль пронзила грудь насквозь. Мир завертелся, с неотвратимой неизбежностью завалился набок. Ветер вдруг зашуршал, зашептал во внешние микрофоны. Закрутился вихрем, превратившись на несколько мгновений в столб смерча, чем-то напоминавший женский силуэт. Рот раскрылся в попытке втянуть в себя как можно больше воздуха, но воздуха не было. Все стало темнеть, и прежде, чем наступил мрак, я понял, как будет использована большая базальтовая плита, на которой я только что сидел.

***

Под утро ветер усилился. Он летел с севера через пустыню и к вечеру долетел до безымянных гор на юго-востоке. Миллионы лет назад, когда на планете еще случались ливни, жидкость вымыла мягкие породы из здешних скал, образовав в них замысловатой формы сквозные каналы и щели. Достигнув скал, ветер почему-то стал быстро менять направление и скорость и, проходя сквозь отверстия в породе, рождал причудливые звуки, похожие на трели, голоса и короткие музыкальные фразы.

Так продолжалось недолго. В наступившей ночи ветер резко поменял направление обратно на север. Внезапно стало тихо. Если бы в этот момент здесь оказался человек, он очень удивился бы произошедшему. Но человека здесь не было. Как не было его во многих других местах, где порой происходят удивительные события. В абсолютной тиши мерцали звезды. С недосягаемой высоты они наблюдали за маленькой фигуркой одинокого робота, бредущего по пустынной планете.

Рассказы

Федор Федоров

Колея жизни

Над забором из красного кирпича нависали ветви цветущей яблони и отбрасывали тень на адресную табличку. Табличка была старой, потертой. Белые потрескавшиеся буквы на синем фоне складывались в название улицы и номер дома - "Заречная 2". Эта картина, представшая моим глазам, была не просто привычной, в моей памяти она была обыденной, даже затертой, как и адресная табличка. И все же сердце мое бешено колотилось.

Трудно сказать, зачем я сюда пришел. Мне нужно было просто погулять по городу, купить свежих газет и несколько учебников по истории. Так мы решили с Борисовым перед моей отправкой в эту поездку. Но до возвращения оставалось целых пять часов, и мне вдруг захотелось встретиться с человеком, которого я знал, как самого себя. Вдвоем, думал я, мы выполним эту задачу куда эффективнее. Его, конечно, нет сейчас дома. Он приходит на обед ровно в двенадцать-тридцать. Ну что ж... Тем неожиданней будет сюрприз.

Мне захотелось увидеть его удивление. Захотелось поболтать о наших жизнях. Я не мог уехать, не поговорив с ним. У нас столько общего! Я приложил палец к сканеру, и когда щелкнул замок калитки, шагнул во двор и направился к двухэтажному кирпичному дому, не подозревая, что сюрприз на самом-то деле ждет меня.

Я вошел в дом. Гостиную давно не прибирали, повсюду виднелась пыль, на кресле и диване валялась одежда. Огромный шкаф, который в моей памяти всегда был забит книгами, стоял полупустой. На полках хламилась всякая мелочь от зарядного устройства до назальных капель.

Вдруг я почувствовал, что в доме кто-то есть. Знаете, как бывает? Заходишь в пустую квартиру, и твой слух улавливает легкое шебуршание. Пропустив несколько ударов сердца, замечаешь залетевшую в форточку синицу, и с облегчением начинаешь смеяться над своим испугом.

Я шагнул в соседнюю комнату и, надо сказать, сердце мое не пару ударов пропустило. От увиденного оно, казалось, остановилось совсем. Это была не птица. На полу, прикованная наручниками к батарее, сидела девочка. Она бросила на меня испуганный взгляд и, втянув голову в плечи, быстро отвернулась. Меня затопил поток

панических мыслей. Я никак не мог остановить их, ухватить хотя бы одну... Первой мыслью было бежать. Потом до меня дошла странная до жути реакция девочки - не радость при виде случайного освободителя, а дикий страх. Но сильнее всего пульсировала еще одна мысль - я ошибся. Здесь жил другой человек. Это объясняло и пустой книжный шкаф, и бардак в комнате. Получается, я залез в чужой дом. Дом маньяка.

- Кто тебя приковал? - я опустился перед девочкой на корточки. На вид ей было лет тринадцать.

- Совсем допился, - глухо ответила она.

От дурных предчувствий в животе неприятно защекотало.

- Тебя как зовут?

Она повернула голову. Ее глаза напряженно исследовали мое лицо, черный пиджак, серую водолазку, часы Timex на левой руке, браслет на правой, джинсы, новенькие туфли, слегка перепачканные речной глиной.

- Кто вы?

- Меня зовут Георгий Багров.

Девочка дернулась всем телом и закрыла глаза.

- Я вызову полицию, - сказал я.

- Не надо полиции.

- Но если тебя похитили... - Я замолчал, начиная понимать. Стены комнаты были увешаны плакатами с какими-то певицами. В углу стоял комод с большим зеркалом. На комоде в беспорядке лежала косметика и баночки с парфюмерией.

- Меня не похищали. Я тут живу.

- И кто тебя приковал?

- Отец. Он меня наказал.

Я на миг потерял дар речи. Куда я попал?! Что за дикарь тут живет? И самый главный вопрос - что делать? Вызвать полицию? Но как им объяснить мое появление тут?

- Вы его брат?

- Что, прости?

- Вы брат моему отцу? - Ее вопрос оглушил меня не хуже баскетбольного мяча, на полной скорости влетевшего в голову.

- Как зовут твоего отца? - как можно медленнее спросил я, словно желая оттянуть ответ, который уже знал.

- Георгий Багров.

Мои мысли опять не хотели мне подчиняться. "Знаю, как самого себя...". Нет, здесь что-то не так. Я на такое не способен.

- А тебя?

- Серафима.

- Серафима... - повторил я.

У нее были черные глаза, черные волосы с кудряшками, пухленькие губы и вздернутый носик, который наводил на мысль о смешливом характере. Я представил ее смеющиеся глаза. Девочка с таким личиком все время смеется. По-другому никак. Но сейчас губы ее были плотно сжаты, и смотрела она на меня пытливо и с легким испугом.

- Ты знаешь, где ключи от наручников?

- У него в кармане.

Я поднялся, натянул водолазку на нос и отнес ночной горшок в туалет. Сколько же он держит ее на привязи? Потом прошел на кухню. Ножовка по металлу лежала там, где я и предполагал - в ящике стола.

- Попробуем тебя освободить...

Через пять минут я сделал открытие. Цепочка от наручников ножовке не по зубам.

- Так вы скажете, кто вы?

Я прекратил пилить.

- Твой папа - физик? - спросил я.

- Ага. Шизик. Выгнали его после второго курса.

Неожиданно...

- Знаешь, что такое многомировая интерпрета-

ция квантовой механики?

Я принялся было рассказывать про квантовые события с несколькими возможными исходами, но вскоре понял, что так ребенку не объясняют.

- Представь, ты подбрасываешь монетку, и пока она крутится в воздухе, она находится в состоянии суперпозиции. Ты думаешь, монетка упадет либо решкой, либо орлом. Но это в классическом мире. В квантовом мире нет "либо-либо". Если применить категории квантового мира к нашему миру, вращающаяся монетка одновременно и орел, и решка. В тот момент, когда монетка выходит из состояния суперпозиции, другими словами, приземляется, происходит расщепление вселенной. И если, предположим, в нашем мире монетка упала орлом вверх, то обязательно появляется и мир, где выпадает решка. Так происходит и с миром людей. В тот момент, когда мы делаем выбор, вселенная разветвляется. В моем мире я ученый-физик, заведующий лабораторией, известное имя в науке... Моя лаборатория вычислила нахождение параллельной вселенной, которая не сильно разошлась с нашей. И вот на днях мы сумели создать туннель между нашими мирами. Поэтому я тут...

Удивительно, но Серафима быстро ухватила

суть моих объяснений.

- А я там кто? - спросила она.

Я снова взял ножовку, но пилить не стал.

- Тебя там нет... Мы с женой предпочли карьеру.

Я поймал ее взгляд. Глаза были пытливыми, и, мне показалось, ироничными.

- То есть, сделали аборт? Мама рассказывала, что когда она забеременела на втором курсе, они с отцом сначала решили прервать беременность. Но передумали.

Вот она точка бифуркации, подумал я. Может, именно с этого момента началось расхождения в моей жизни?

- Что было потом?

- Денег не хватало и отец устроился на работу. А вскоре завалил сессию...

Мирослава сделала аборт в подпольной клинике. Пошло что-то не так, и мы больше не могли иметь детей. Но неужели рождение ребенка так сломало мою, точнее, его жизнь? Борисов стал отцом еще студентом, но это не помешало ему сделать блестящую научную карьеру. Моя мать родила меня на первом курсе. Второй ребенок появился, когда она писала диплом. А еще через десять лет они с отцом решились на третьего...

Мама стала учителем, отец занялся туристическим бизнесом. Мне вспомнился наш последний с ней разговор. Мы пришли попрощаться с мамой, накануне ее эвтаназии. У нее была неизлечимая форма глиобластомы. Мы просидели у нее весь вечер. "Вы самое лучшее, что было у меня в жизни", - сказала она напоследок - "И если бы у меня был выбор между карьерой и вами, я выбрала бы вас".

Но что же сломало меня в этом мире?

- Твою маму Мирославой зовут? Где она сейчас?

Серафима быстро заморгала и отвернулась. Я испугался, что она разревется, а как успокаивать девочек, я не знал.

- Она умерла... - глухо сказала Серафима. - Повесилась два года назад. Не выдержала... Отец, как напивался, выходил из себя и бил ее. А если она плакала, он приходил в бешенство. Он терпеть не может слез.

Я резко поднялся и принялся мерить шагами комнату. Мне снова пришло в голову, что тут живет другой человек. Не Георгий Багров. Георгий Багров никогда не поднял бы руку на женщину, тем более на женщину, которую он любил до безумия, которую обожал, боготворил, которой

восторгался и перед которой благоговел. Уж я-то это знал. По крайней мере, до этой минуты. Но уверенность моя пошатнулась. Что, если эта гнусность сидит во мне и ждет своего часа? Мой отец был вспыльчивым, как сухая солома. Стоило ему возразить и страсти могли полыхнуть с энергией взорвавшегося бензина. Но мама всегда могла потушить начинавшийся пожар одним ласковым словом. Был ли я другим? Я вспомнил, как мой младший брат нагрубил матери. Я тогда учился в университете. Я вспылил и с силой пнул его. Никогда не забуду его испуганного удивления. Старший брат, которым он восхищался, ударил его!

Моя рука до сих пор сжимала ножовку. Я положил ее на стол и подошел к стеллажу. На полках стояли фотографии. На них Серафима - намного младше, чем сейчас - выступает на танцевальном турнире. Много раз я представлял своего не родившегося ребенка - как он растет, занимается лыжами, ходит в музыкальную школу, рисует, носится на улице. Но даже в бреду мое воображение никак не могло бы нарисовать ребенка, прикованного к батарее.

- Забери меня с собой, - услышал я ее голос.

- Это невозможно.

- Я понимаю... Я же тебе чужая. Ты увидел меня сегодня в первый раз.

- Не в этом дело.

А может, и в этом тоже?

- Тогда останься на несколько дней.

Я присел перед ней на корточки.

- Я не могу. Параллельные вселенные находятся в постоянном движении. Сейчас наши миры пересеклись, и мы сумели создать между ними туннель. В следующий раз они пересекутся только через год. Мой мир там. Там человек, которого я люблю. Завтра у нас годовщина свадьбы, и я обещал, что вернусь из этой командировки. А свои обещания я держу всегда.

А еще, подумал я, меня ждут незаконченная монография, на издание которой подписан договор, студенты в университете и конференция, которую мы с Борисовым организовали.

- Так что... - закончить я не успел.

Серафима вскрикнула. Я оглянулся и увидел человека, который занес надо мной стул. Если бы я увернулся, стул опустился бы на голову Серафимы. Но подумать об этом я не успел. Мой мозг в сотую долю секунды оценил ситуацию и принял верное решение - кинул мое тело прямо под поднятые руки прибывшего. Я ударил его

плечом в грудь, стул выпал из рук мужчины, а сам он с грохотом повалился на стол. Ну, вот и я, собственной персоной. Небритый, с дряблыми щеками, в нестираной зеленой футболке. Как я себя довел до такого состояния?

- Уйди от моей дочки, урод! - заорал мой двойник.

- Как самокритично, - ответил я.

- Я щас урою тебя!

- Спокойно. Спокойно! - я постарался, чтобы мой голос прозвучал, словно щелчок кнута укротителя тигров. Двойник пригляделся, и глаза его округлились, как при виде восставшей из могилы бабушки.

- Что за черт?!

- Не черт. Твоя белая горячка, - не удержался я.

Судя по его вытянутой роже, он готов был в это поверить.

Стоит все-таки объяснить самому себе, что к чему.

- Помнишь, Жора, как на первом курсе ты со своим другом Борисовым...

- С другом?! - он зло вытаращил глаза. - Да эта гнида каждый раз, как мы сталкиваемся на улице, воротит от меня морду. Друг! Ну, конечно, он же директор института, а мы рылом не вышли.

Директор? Молодец, Борисов.

- Вы с Борисовым на первом курсе спорили о параллельных мирах.

- Бред сивой кобылы, - буркнул мой двойник. - Китайский...

- Герундий, - закончил я за него. - Эту фразу мы с тобой придумали в седьмом классе. Помнишь? И вовсе это не бред. И ты правильно все понял. Я - это ты. И пока ты эту радостную новость переваривaешь, дай ключи от наручников.

Я отстегнул наручники.

- Снова с работы выгнали? - спросила Серафима отца.

- Я сам ушел. Задолбали совсем...

Мне следовало уйти, купить книг, вернуться в привычный мир с любимой работой, любимой женой, любимыми друзьями. Но я остался. Я не мог уйти. У меня было какое-то мазохистское желание узнать, как он докатился до жизни такой. С другой стороны, в некотором смысле они были мне не чужими.

Серафима сварила мне кофе. Мой двойник вынул откуда-то бутылку водки, и на робкие протесты дочки, рявкнул на нее. Он заводился с пол оборота от каждого моего замечания.

- Ты в рубахе родился! - орал он мне. - Тебе про-

сто в жизни везло. Даже с женой повезло. А моя...

Он сжал кулаки и уставился в стол.

- Испоганила всю мою жизнь своими придирками. Дня не проходило, чтобы не начинала меня пилить. "Бездарь! Неудачник!". Только крылья мне обрезала. Сука!

Он с яростью застучал рюмкой по столу.

- У тебя кругом все виноваты, - сказал я. - Но ты сам кузнец своей судьбы.

- Да что ты!

- В десятом классе ты написал список целей. Сколько из них ты достиг? А я почти все. Ты не контролируешь свои эмоции, не контролируешь свою жизнь.

- Ты контролируешь?

- Обстоятельства надо мной не властны.

Двойник недобро хмыкнул:

- А если я запру тебя в подвале и ты не вернешься домой? Или портал твой накроется медным тазом? Как тебе такие обстоятельства?

Он вперил в меня мутный взгляд. Потом почесал небритую щеку, ухмыльнулся и снова наполнил рюмку.

- Ты хоть и закончил университет, а ума не набрался. Свободы воли нет. Всей моей дерьмовой жизнью управляли случайные события,

дерьмовые обстоятельства и дерьмовые люди. Ты хочешь вовремя прийти на встречу, а дорогу на твоем пути перекопали. И никакая твоя воля не поможет.

- Слабое оправдание для неудачников, - сказал я и вдруг замолчал. А что, если эта пьяная рожа права? Я искал событие, которое повернуло мою жизнь в другую, худшую сторону. Но может, это не одно какое-то событие? Многочисленные маленькие обстоятельства, начиная с рождения, создают глубокую колею жизни, по которой мы катимся, не имея возможности свернуть. Критика в детстве, вовремя не сделанная прививка, первая неудача в любви, и вот уже твое "второе я" отличается от тебя самого. Его поведение будет другим, поступки будут другими, судьба будет другой. В памяти всплыла статья, которую я читал много лет назад. В ней говорилось, что наш мозг принимает решения раньше, чем мы их осознаем. А решения мозга предопределены уймой факторов, которые формировали нас как личность. Мне не хотелось в это верить. Хотелось думать, что я сам управляю своей жизнью.

Я чертовски устал. Мыслями я был уже в родном мире. Я представил, как Борисов требует от меня подробного отчета о поездке, но я со

словами - "В понедельник, все в понедельник" - отправляюсь домой. Дома меня встречает Мирослава, мы садимся ужинать, и я рассказываю ей про альтернативную вселенную, в которой побывал. Хотя нет... Я не смогу ей рассказать про нас, ненавидящих друг друга до такой степени, что ее другая личность наложила на себя руки. Мы будем просто наслаждаться друг другом. И еще я подумал, что обязательно вернусь сюда через год, узнать, как поживает Серафима.

Я глянул на часы. До открытия туннеля оставалось полчаса. Я поднялся и сказал:

- Вот что, Георгий. У тебя, кроме дочки, никого нет. Сделай ее жизнь счастливой, и тогда она сделает счастливой твою жизнь.

Я и сам чувствовал, как это звучит высокопарно и нелепо. Но больше я ничего поделать не мог.

- Я провожу тебя, - сказала Серафима и проворно вскочила с кресла.

- Ты останешься дома, - рявкнул ее отец. Мутные глаза налились кровью. - А тебе, брателло, скатертью дорога. Не скажу, что сильно рад был видеть тебя. И надеюсь, мы видимся в последний раз.

Я так торопился уйти, что задел метелку с длинной ручкой и едва не растянулся на полу. Я даже похолодел от мысли, что мог сейчас расшибить

себе лоб и опоздать к туннелю, подтвердив тем самым пьяные рассуждения двойника про неконтролируемые обстоятельства.

Я вышел за калитку, прошел всю Заречную улицу и спустился к излучине мелководной речушки. Поворот русла образовывал небольшой каплеобразный участок суши. Этот участок окаймляли старые осины, но в центре растительность почему-то никогда не появлялась. Поэтому мы и выбрали это место для перехода.

По камням я перебрался на полуостров. Оставалось десять минут до открытия туннеля. Я вдыхал воздух, напоенный ароматом цветущих деревьев, и любовался рекой. Река сверкала на солнце, и я смотрел на нее со странным ощущением, словно нет ничего лучше этой сверкающей реки. Так, вероятно, чувствует себя человек, который последние несколько лет провел в сырых застенках, а потом, выйдя за порог тюрьмы, не может надышаться запахом свежего воздуха и насмотреться на небо, деревья или воробьев, купающихся в пыли на дороге.

Я вдохнул полной грудью и в этот миг услышал торопливое шлепанье чьих-то ног по воде. Я обернулся, догадываясь, кто это может быть. Она бросилась ко мне, отчаянно обхватила меня

руками и уткнулась носом в мою грудь.

- Я... я... - все ее тело содрогалась от рыданий.

Я неловко погладил Серафиму по черным кудрявым волосам и бросил мимолетный взгляд на часы.

- Все хорошо, Серафимушка...

- Я не хотела...

- Что? - в животе, в который раз за сегодняшний день, появилось неприятное чувство.

- Я не хотела его убивать. Все произошло случайно. Я со... со... собиралась проводить тебя. Отец разъярился и за волосы потащил к батарее. Я вырвалась, схватила нож и закричала, что убью или его, или себя. Он бросился на меня. Споткнулся о метелку и налетел на нож. Прямо... горлом.

Она обхватила меня еще сильнее и заревела в три ручья.

- Забери меня с собой.

- Это невозможно. Технически, - ответил я.

Хватка ее ослабла. Она подняла мокрое от слез лицо и посмотрела на меня.

- У тебя есть два дяди, - неуверенно сказал я. - Ты можешь поехать к ним.

- Я их в жизни никогда не видела!

У меня сосало под ложечкой. Я торопился домой, в свой теплый, уютный мир, но не мог уйти.

Что ждет ее в будущем? Тюрьма? Бродяжничество?.. Один раз я уже избавился от дочери. И теперь делаю это снова... Я деликатно освободился от ее объятий. Господи, как же быстро летит время! Мне бы еще минуту-другую поразмыслить. Но тут мой мозг, как и во время моей драки с двойником, принял решение.

- Смой кровь с рук, - сказал я Серафиме, а сам сел на камень и вынул записную книжку.

В жизни я не писал с такой скоростью. Написав первую записку, я вырвал страницу и сложил ее вчетверо. Затем написал вторую.

- Серафима, слушай меня внимательно. У тебя будет десять секунд, чтобы пройти туннель. Вот эту бумажку ты отдашь Олегу Борисову. Он тебя встретит. А эту моей жене, когда придешь домой.

- К-кому?

- Матери своей отдашь.

Серафима снова заплакала.

- Ну, почему ты не можешь пойти со мной?

- И самое главное, - я снял браслет и надел его на руку Серафимы. - Без этого браслета туннель тебя не пропустит. Иди!

Воздух на поляне заколыхался. Я подтолкнул Серафиму к порталу. На какую-то секунду фигурка дочки затуманилась, и потом все исчезло. Я

остался один. У меня защемило сердце, но в то же время мой мозг автоматически продумывал дальнейшие действия. Сначала избавиться от трупа. Затем пойти в Институт и убедить Борисова, что я ему нужен. Это будет нелегко. Но для этого на смартфоне есть наши совместные фото с последней конференции и с его дня рождения. Пока длятся летние каникулы, про Серафиму можно не думать, а в сентябре - забрать из школы документы, сказать, что перевожу дочь на домашнее обучение.

Составив план действий, я с тоской посмотрел на то место, где минуту назад был вход в родной мир. Затем заставил себя развернуться и побрел в сторону дома.

Дэн Шорин

Гавань дельфина

Говорят, в космическом пространстве не слышно взрывов. Звук не может передаваться в вакууме. К сожалению, это не работает, когда взрывается твой собственный корабль.

Минуту назад все было в порядке. Я проверял системы: реактор стабилен, все процессы в зеленой зоне. Загрузил последние корректировки курса. И в следующую секунду, оттуда, где только что был порядок, приходит отчаянный сигнал: авария.

Глухой, вязкий звук заполняет кабину. Руки лежат на панели управления. Пальцы замерли, словно присосавшись к шершавому пластику. Система дает сбой. Взгляд быстро скользит по экрану: перегрузка реактора, температура за пределами безопасных значений. Тяну ручку аварийной защиты. Все, что мог, я уже сделал. Современная техника не поощряет активного участия человека. Если что-то идет не так, запускаются аварийные протоколы. Остановка реактора, дрейф, эвакуация. Панель управления

начинает дрожать. Индикаторы сходят с ума. Критическая ошибка управления реактором. Грохот. Скрежет металла. Взрыв.

В этой части космоса нет жизни. Малоизученная зона. Никаких планет. Спасатели просто не успеют. Отстреленный реактор медленно уплывает вдаль, регенератор кислорода поврежден, воздуха хватит максимум на сутки. Рука тянется к QES-дисплею. Сигнал квантовой запутанности для спасателей отправлен, хотя смысла в нем уже нет. На долю секунды в строке статуса мелькает:

> MODE: DS-ENGAGED

Панель перезагружается, и снова возвращается привычное:

> MODE: STANDBY

Моргаю. Запускаю таймер обратного отсчета. 25 часов 48 минут - ровно столько продлится мое существование. Пальцы отрываются от панели управления. Я откидываюсь в кресле. Нет смысла суетиться. Нет смысла паниковать. Я доживу до конца таймера. Потом смерть коснется меня. Так уже было.

Тогда мне было десять лет.

На моей родной планете все начинается и заканчивается у моря. Женщины рожают детей прямо на берегу - чтобы первый вдох ребенка

был наполнен соленым ветром. Когда человек умирает, тело опускают в воду - возвращая морю, откуда когда-то вышла жизнь. Мы называли это "последним морем" - уход туда, откуда нет возврата.

Море было началом. Море было концом.

Чтобы стать мужчиной, каждый мальчик должен был пройти обряд посвящения: одиночное плавание в открытом море. Без помощи, без защиты. Только ты и вода.

Я помню, как стоял на берегу, босыми ногами на холодном песке, глядя на свою лодку. Она казалась такой большой. Почти надежной. Отец крепко сжимал мое плечо.

"Прими море", - сказал он. - *"Оно забирает и дает. Ты должен стать частью его".*

Я отплыл, когда солнце только поднималось. В первые часы я еще держался. Пел старые гимны, рассказывал себе истории. Мне казалось - все будет хорошо. Но к вечеру небо потемнело. Ветер поднял первую волну. Потом вторую. И третью, гораздо выше меня. Лодку начало бросать. Парус хлопал, трепался, потом сорвался. Я пытался держать курс, но вскоре потерял направление.

Когда ударил настоящий шторм, я едва сдерживал слезы. Море ревело. Волны били в лодку, как

кулаки великана. Вода хлестала в лицо, сбивая дыхание. И тогда огромная волна перевернула меня. Лодка исчезла под водой. Я остался один в темной, ледяной пустоте. Я звал на помощь, пока не наглотался воды. И в тот момент, когда силы почти покинули меня, рядом мелькнуло живое, теплое тело. Дельфин. Он ткнулся в меня носом, словно говоря: "Держись". Я вцепился в его плавник. Он повел меня сквозь бушующее море, туда, где вдалеке дрожал свет костра.

Отец ждал на берегу. Он поднял меня из воды, закутал в мягкую ткань и крепко обнял. Его руки дрожали вместе с моими. Он посмотрел мне в глаза и сказал: *"Теперь ты - Каэл Вальярд. Твое имя - от воды, что породила нас. Оно значит "сын океана". Ты прошел свое первое море. И когда придет время, ты встретишь и последнее".*

Я выжил. Но страх остался - страх перед безбрежной, всепоглощающей стихией. Я больше не хотел видеть ни волн, ни горизонта. Поступил в колледж, готовящий пилотов дальних экспедиций, и ушел в космос. Туда, где нет ни приливов, ни отливов. Где море - только черное безмолвие между звездами. Попав в дальнюю разведку, я выбрал позывной: "Дельфин". Это был способ вписать в себя свою слабость и побороть внут-

ренний страх.

Корабль дрожит как раненное животное. Мои глаза снова цепляются за таймер. 19:03:17. Моргаю. Что-то не так. Я не помню этих шести часов. Все вокруг осталось прежним: тусклый свет аварийных ламп, глухое пение машин. Но внутри меня зияет пустота, тяжелая и холодная, как ночь без звезд. Будто я уходил куда-то - и вернулся, но не весь.

Шевелюсь осторожно, словно боюсь потревожить что-то, что поселилось внутри. Щелчок пальцем по панели. Система откликается медленно, нехотя, как обиженное животное. Просматриваю курс - и цепенею. Желтая звезда горит на экране. А рядом с ней - крошечная мутная планета, неучтенная, неотмеченная. Этот сектор был пуст - я сам проверял. И все же она есть. Маленькое чудо, дающее шансы на жизнь.

Сканеры лихорадочно собирают картину мира. Атмосфера пригодна для дыхания. Гравитация в пределах нормы. Температура допустимая для жизни.

Капсула ждет. Стеклянный глаз шлюза наполнен безразличием. Цепляюсь за поручни, продираюсь сквозь тугую тяжесть невесомости.

Таймер: 18:57:02.

Щелчок замков. Дверь капсулы скользит в сторону, впуская меня внутрь. Механизмы стонут от перенапряжения. Подплываю к ложементу. Ремни обнимают грудь. Панель капсулы мигает зеленым. Краткий расчет траектории. Координаты цели вводятся вручную. Я делаю это на автомате.

Спасательная капсула отрывается от мертвого корпуса корабля. Смотрю, как тот исчезает за иллюминатором, медленно уносимый течением гравитационного поля.

Туманный шар планеты растет за стеклом. Ландшафт - серая зыбь, тяжелая и вязкая. Сканеры показывают атмосферу, пригодную для дыхания. Или почти пригодную. Молнии прыгают по верхним слоям облаков. Капсула вонзается в атмосферу. Огонь облизывает иллюминаторы. Обшивка стонет. Я сжимаю кулаки, чувствуя возросший вес. Автопилот цепляется за параметры посадки, как слепой - за стену. Моя грудь гулко отзывается на каждое сотрясение. И я тоже держусь - за тонкую нить сознания, за уверенность, что хоть куда-то, но приземлюсь.

Жар и тряска заполняют все вокруг. Капсула дрожит в турбулентных потоках. Внутри гудит голос системы: "Стабилизация... стабилизация..."

Перегрузка сбивает дыхание. Капсула дергается, уходит в пике. Я вижу только узкий разрыв между дымом и огнем. Тело вдавливает в кресло. Перед глазами - темные сполохи. Еще немного. Шум переходит в низкий рев. Последний рывок - и капсула вырывается из хватки небес. Пыль. Камни. Удар. Скрежет.

Тишина.

Я все еще жив. Таймер в углу экрана продолжает отсчет: 15:22:10. Разжимаю пальцы, впившиеся в подлокотник, и смотрю в мутное стекло. За ним странный, перекрученный мир. Я нахожусь там, где меня быть не должно. На кислородной планете с флорой ретинального типа.

Вместо привычной зелени листвы здесь тянутся пурпурные и фиолетовые заросли, словно сама природа решила отражать не красный и синий, а тот узкий спектр, что ретиналь не поглощает. Мой спектрометр зафиксировал наилучший пик отражения около шестисот нанометров - признак ретиналь-фототрофов, чей фотосинтез обходится без хлорофилла. Ретиналовые пальмы вырастают до тридцати метров, а кусты и лианы образуют полутемный полог, сквозь который пробивается только приглушенный, багровый свет.

Уровень кислорода держится на двадцати пяти,

а то и двадцати восьми процентах. Озоновый покров плотнее, чем я привык видеть в симуляциях, и ультрафиолет обнимает небо тонкой вуалью полярного сияния. Метан же, судя по показаниям спектрометра, встречается в следовых количествах, оставляя нишу для самых неожиданных организмов.

Запоминаю каждую деталь: пурпур и фиолет, плотный кислород, тихие шорохи в пологах и яркое ощущение, что эта планета - не просто чужой мир, а результат альтернативного эволюционного пути.

Отщелкиваю замки шлема, расстегиваю страховочные ремни и медленно отталкиваюсь от кресла. Скафандр на мне внутренний, завязанный на системы жизнеобеспечения капсулы, снаружи он бесполезен. Стягиваю его, остаюсь в летном комбинезоне. Ноги чувствуют непривычную тяжесть, будто их сковали тяжелыми цепями, но первый шаг дает понять: я стою. Поворачиваюсь к открытому автоматикой люку: воздух, густой от влаги, врывается внутрь капсулы. С трудом перешагиваю невысокий порог, чувствую, как колени подрагивают при переходе от металла к живой земле. Под подошвами - мягкий, почти губчатый грунт фиолетового оттенка.

Вдох: воздух хлещет в легкие - земляная сладость, примесь сена и едва ощутимая кислинка, как в бутылках старого вина. Делаю второй шаг вдоль бортика капсулы и слушаю: вокруг - негромкий шелест листьев, словно страницы книги дрожат под ветром. Свет здесь странный: неяркий, но живой, переливается всеми оттенками пурпура. Кажется, что каждый звук и каждый цвет - слово в незнакомом языке.

Подхожу к ближайшему дереву - настороженно. Ствол ретиналовой пальмы гладкий, без привычной коры, будто выточен из воска. Цвет - неожиданный: не коричневый, не серый, а глубокий бордово-фиолетовый с переливом, словно покрыт масляной пленкой. Свет будто соскальзывает со ствола.

Кладу ладонь - и отдергиваю: он теплый. Не от солнца, нет. Это внутреннее тепло, как у животных. Растение иное. Я вспоминаю лекции: фотосинтез на основе ретиналя, не хлорофилла. Здесь поглощают не зеленую часть спектра, а синий. Потому вокруг пурпур, фуксия, амарант. Цвета закатного неба.

Листья - широкие, упругие, вытянутые, с разветвленными прожилками, будто сеть сосудов. Ветер трогает их - и они шепчут, тихо, почти по-

человечески. Прищуриваюсь - на краях листьев виднеются мельчайшие волоски, дрожащие, как у насекомых.

Знаю, что такое возможно. Но одно дело - лекции в колледже. Другое - стоять вот так, у подножия живой инопланетной башни, и понимать: это не сон, не модель, не симуляция. Меня ждет нечто большее, чем простая прогулка: мне предстоит научиться читать язык этих цветов и звуков, если я хочу выжить.

Солнце стоит в зените, и пурпурный полог ретиналовых пальм отбрасывает пятна полутени на обожженный атмосферой металл капсулы. Делаю несколько шагов в сторону и тут же ощущаю, что солнце здесь - не такое, как дома: более горячее. Его лучи пронизывают листья, заставляя их светиться где-то между красным и фиолетовым. Перевожу взгляд на корпус - стальная обшивка покрыта царапинами, на одном боку зияет вмятина, как открытая рана. Подхожу к аварийному маяку: индикатор едва горит, батарея на исходе. QES-дисплей мигает помехами, сигнал дрожит.

Обхожу капсулу и нахожу первую проблему: из топливной магистрали сочится тонкая струйка, оставляя масляные следы на мху. Затем смотрю на регенератор воды - фильтр поврежден, выдает

лишь мутную жижу. Запах химии смешивается с землей и сладковатым ароматом листвы. Собираю обломки панели, вырезаю пластину, обматываю изоляционной лентой - она липнет к пальцам, тянется, цепляется за кожу, оставляя черные полоски под ногтями. Вкладываю прокладку в протекающее место. Придерживаю рукой пока она течь не прекращается. Потом разбираю корпус фильтра: пальцы скользят по влажному металлу, вставляю прокладку из куска кабеля, туго вдавливаю ее на место, доливаю воды из фляжки, перезапускаю механизм.

Когда пурпурные тени ретиналовых пальм доползают до корпуса капсулы, я возвращаюсь внутрь. Тесно, жарко, воздух тяжелый. Достаю "черный ящик", запускаю запись. На экране вспыхивают рваные фрагменты: резкий толчок, срыв датчиков, треск металла. Камера дрожит вместе с корпусом, показывая, как расступается подо мной рваное небо. Мелькают деревья - их серо-фиолетовые кроны сплетаются в вязкий, бескрайний полог. И вдруг сквозь разорванное марево проступает тонкая линия на краю мира. Берег. Море.

Около минуты просто смотрю на неподвижный кадр: тонкая золотая черта у самого горизонта,

мерцающая за фиолетовой простыней леса. Море. Настоящее. Не мираж. Его цвет не земной: не синий, не серый, не зеленый. Он напоминает закаты и кровь, раскаленный металл и угасшее солнце.

Пробую определить расстояние по ориентирам, зная примерную высоту финального участка траектории. Сто, может, сто двадцать километров. Через лес. Без дороги. Без понятия, что между мной и тем берегом. Слишком далеко, чтобы идти сейчас. Слишком важно, чтобы остаться здесь.

Закрываю экран. В глазах все еще пульсирует теплая золотая линия.

В капсуле душно. Регенератор выдает теплый, сухой воздух с привкусом железа. Отключаю внешние датчики - если что-то подберется ночью, я все равно не успею. Ложусь в аварийное ложе. Сводит мышцы спины - сказываются падение и перегрузки. Закрываю глаза.

Море. Я знаю, что оно здесь. И рано или поздно мне придется к нему вернуться.

Утро второго дня встречает влажной духотой и дрожащим светом, пробивающимся сквозь кроны. Просыпаюсь с ощущением вязкого сна, будто тело не до конца вернулось из другой реальности. Пурпурный сумрак рассасывается - сквозь фио-

летовую листву просачивается первый бледный свет. Отмечаю в навигаторе время - нужно знать, как быстро вращается эта планета.

Горло пересохло, язык прилип к небу. Пустая фляга на дне контейнера напоминает: вчера я так и не нашел воду. Поднимаюсь, вытягиваюсь - мышцы ломит, гравитация здесь, похоже, чуть выше земной. Не критично, но движения замедлены. Спина потеет - уже жарко. Отхожу чуть в сторону от капсулы, в заросли, опорожняю кишечник, маскирую следы. Возвращаюсь. Осторожно разворачиваю пищевой паек - внутри сублимированная смесь, вязкая и почти безвкусная, с легким металлическим привкусом. Горячей воды нет, запиваю последним теплым глотком из аварийной капсулы. Желудок не в восторге, но выбора нет.

Во время трапезы вспоминаю колледж. Профессор с хриплым голосом, лекция по выживанию на внеземных ландшафтах. Множество бесполезных уловок: от сбора конденсата и строительства шалашей до экзотических ментальных приемов вроде "дельфиньего сна".

Аварийный маяк лежит на крышке одного из контейнеров, серый цилиндр с панелью управления и тремя короткими антеннами. Проверяю

корпус - не треснул ли во время падения. Внутри все цело. Заряжаю резервный аккумулятор, убеждаюсь, что ионные элементы не вытекли. Включаю питание. На матовом дисплее вспыхивает зеленый индикатор - квантовая линия работает, сигнал уходит. Второй режим, резервный, - радиопередача - тоже активен, но толку от него пока мало: я единственный человек в этой звездной системе. Когда прибудут спасатели, этот режим позволит локализовать меня на поверхности планеты.

Теперь у меня есть время. Оставив маяк в тени у капсулы, беру навигатор, включаю локальную карту. Сканирование все еще нестабильно, но очертания рельефа видны хорошо. Определяю стороны света по солнцу, игнорируя возможную погрешность. В метрах трехстах севернее - понижение, возможно, ложбина. Выдвигаюсь туда, пробираясь между стволов ретиналовых пальм.

Лес встречает привычным влажным теплом, нависающими зарослями и странными растениями: глянцевые стволы с сегментированной корой, похожей на пластик; лианы, словно змеевидные антенны, реагируют на движение. Пахнет солоновато, с примесью кислоты. Почва местами мягкая, как просевший мох, местами твердая,

будто стекло. Ни шороха, ни стрекота. Ни одного звука. Фауны нет. Или она затаилась.

Спускаюсь по влажному склону, и наконец слышу звук - неясный, журчащий. Прорываюсь сквозь заросли - и вот он, ручей: узкий, но быстрый, с прозрачной, ледяной водой. Падаю на колени, черпаю пригоршнями, умываюсь. Холод бьет в виски - сразу включаюсь. Мир становится четче. Набираю воду, умываюсь как следует. Чуть в стороне, в кустах, нахожу подходящее место, чтобы сделать гигиеническую стоянку - собираю влажные листья, пробую соорудить что-то вроде губки. Работаю молча, прислушиваясь к себе - вроде, тело справляется. Аллергии нет. Кожа не зудит, дыхание в норме.

Ступаю вбок от тропы, и вдруг взгляд цепляется за неровность в глине у самого берега. Присаживаюсь. Отпечаток ботинка. Почти не различим, но он есть. След.

Встаю медленно. Оглядываюсь. Никого. Вокруг царит такая неподвижность, будто сам лес затаил дыхание: ни шороха, ни движения в кронах, ни колебания травы. Дышу неглубоко. Возможно, след оставлен давно. Возможно - вообще не человеком. Холод скользит по позвоночнику. Я был уверен, что здесь один.

Беру воду, не торопясь. Не показываю спину ручью, пока не отступаю в лес. Слишком много неизвестного. Слишком рано делать выводы. Но теперь я знаю - кто-то был тут до меня. Или... все еще рядом.

Возвращаюсь к капсуле уже с бутылью воды и мокрыми рукавами.

После полудня лес будто плотнеет. Солнце - бледное и медлительное - поднимается выше, но тени остаются вязкими, густыми, словно нарисованными. Дышать тяжело - от избытка кислорода першит в горле.

Проверяю навигатор. Записываю координаты, сохраняю временные метки. Делаю замеры ускорения свободного падения при помощи маятника, встроенного в аварийный комплект - гравитация выше земной на восемь процентов. Это объясняет утреннюю ломоту. Не смертельно, но придется беречь суставы. В атмосфере почти нет облаков, видимость отличная. Пока ноль признаков осадков или переменчивости погоды. Слишком рано для выводов, но планета ощущается стабильной. Чужой, но предсказуемой.

Во второй половине дня решаю выйти за пределы ближайшего периметра. Радиус - около километра. Не углубляюсь в чащу: в этом лесу

легко потеряться, даже с навигатором. Отмечаю виды растений, делаю фото. Некоторые из них словно прислушиваются. Камера фиксирует микроколебания листвы. Жизни полно - но вся она вегетативная. Не видно ни зверя, ни птицы. Тишина.

Возвращаюсь ближе к вечеру. Ем остатки пайка. Пресно, но сытно. Вода из ручья - холодная, чуть горчит, с легкой солоноватостью и металлическим послевкусием. Пью медленно, по глотку.

Сумерки приходят не сразу, а как бы растягиваются. Фиолетовый туман сползает с крон, ложится между стволами. Я сижу у капсулы, прислонившись к корпусу, маяк рядом. Вокруг влажная тишина. Птиц все еще нет.

Маяк лежит на корпусе капсулы - серый цилиндр с антеннами, глухо поблескивает. Проверяю его заново: квантовая линия активна, сигнал уходит. Радиорежим - в порядке, но толку в этой чащобе немного. Главное - место посадки. Нужна ровная площадка. И я ее уже видел - вчера, на записи. Золотая полоска в пыльном мареве. Берег. Море. Именно туда ведет мой путь. К предпоследнему морю. Где может совершить посадку челнок спасателей.

Утро третьего дня приходит вместе с головной

болью. В теле - вялость и напряжение, движения даются с трудом. Сон не принес облегчения. Усталость осталась, просто ушла глубже. Глотаю таблетки из аптечки, вроде отпускает.

Выхожу из капсулы. Воздух плотный, влажный. На коже сразу проступает испарина. Завтракаю молча - порция сухого пайка с синтетическим белком, два глотка воды. Слышу, как капли с деревьев падают в листву. Становится ясно: сегодня нужно идти. Пока еще есть силы и пока погода держится.

Возвращаюсь в капсулу. На внутренней стенке пишу маркером: "Ушел на запад, вдоль ручья, к берегу". Несколько секунд смотрю на фразу. Этого достаточно - по сути. Но потом, не сразу, вспоминаю, как профессор в колледже советовал: "Оставляй позывной. Даже если думаешь, что это неважно. Особенно если так думаешь". Задумываюсь. И в конце, чуть ниже, приписываю: "Дельфин".

Маяк креплю к рюкзаку. Он тяжел, но надежно сидит на лямке. Внутри - рабочая квантовая линия, и этого достаточно, чтобы верить в связь. Наполняю флягу у ручья, плотно закручиваю крышку. Вкус воды все тот же - холодный, чуть резкий. Рюкзак тянет плечи вниз, но это - путь.

Утро еще не успело нагреть землю, тени длинные. Капсула остается за спиной, а я делаю шаг в пурпурный лес.

Иду, вглядываясь в узоры ветвей и смутные тени, дрожащие на границе света. Все кажется одинаковым - чередование узких стволов и тяжелых крон, преломляющих свет так, будто он проходит сквозь толстое стекло.

И вдруг - остановка. Что-то не так. Взгляд цепляется за дерево в стороне. Оно почти сливается с другими, но оттенок - чуть иной. Желтовато-белый, как обожженная кость. Листья на нем редкие, будто дерево чем-то болеет. Неестественно гладкий ствол, местами будто покрыт тонким налетом, как матовым лаком.

Иду дальше, но через несколько шагов оглядываюсь. Оно стоит там же, без движения, без звука. Как призрак.

Продолжаю путь. Воздух прогревается. Свет становится ярче - пурпур уступает место белому. Иду на запад, следуя по склону, где между деревьями тянутся участки лишенной травы почвы. Через час наталкиваюсь на заросли высоких стеблей - выше пояса, прямые, гибкие, с темно-синими бутонами на концах. Осторожно раздвигаю их рукой.

Все происходит за долю секунды: я тянусь к стеблю и вдруг слышу два резких хлопка. Мешочки, набитые спорами, рвутся от простого прикосновения, и из них вырывается плотное облако мельчайших частиц. Споры кружат в воздухе, оседая на кожу, в волосы, на рукава. Вдох заставляет меня закашляться: в нос врезается сухая, горькая пыль. Глаза рефлекторно щурятся, лицо обжигает зуд, где-то глубоко в груди щемит неясная тревога.

Присаживаюсь на корточки, стараясь не двигать руками, чтобы не встряхнуть облако вновь. Ветерок нарушает тишину, и тонкие нити спор начинают медленно опускаться, паутиной опутывая сухую землю. Слышу, как они шуршат, попадая на землю и листья - тихим шепотом чужого леса.

Когда споры наконец перестают висеть в воздухе, я встаю и отряхиваю плечи: мелкие хлопья облепили ткань и кожу. Обхожу редеющие заросли по краю, стараясь не забредать вглубь, чтобы не спровоцировать новую волну выброса. Обычно фитовирусы не имеют нужных рецепторов для проникновения в человеческие клетки и репликации в них. Но на всякий случай достаю аптечку, вкалываю себе иммуностимулятор и

универсальный антидот.

Вечер приближается, и я выбираю небольшой просвет в лесу - ровный участок земли, где трава не так густа. Сбрасываю рюкзак, достаю нож, расчищаю место под ночлег. Расстилаю термопленку, делаю "спальник" из мягкого фиолетового мха. В полумраке включаю термоконтейнер: в нем еще пара порций сухого пайка. Горячая смесь возвращает силы, согревает внутри. Наполняю флягу у ближайшей лужицы под ретиналовой пальмой. С опозданием понимаю, что стоило идти вдоль ручья - все реки текут к морю. Вкус воды пряный, горьковатый.

Раскладываю инструменты: компас, навигатор, маркер. Проверяю карту, ставлю новую метку лагеря. Здесь нет звуков фауны, но лес вибрирует: тихий шелест листвы звучит тревожно. Сбрасываю ботинки, протираю их от пыли. Ложусь на "спальник", глядя на мраморный полог крон. Границы света размываются. Быстро темнеет.

Утро наступает внезапно. В голове стучит соло ударных, каждый мускул протестует, каждый сустав скрипит - этот лес не признает чужаков. Иду вокруг лагеря с полузакрытыми глазами - и снова он: отпечаток ботинка на мягком фиолетовом мху. Достаю из рюкзака камеру, делаю несколько

снимков. Пытаюсь применить навыки скаута, скорее угадывая направление - мох плохо держит следы. Цепочка бесформенных углублений приводит меня к скале. Когда-то здесь был оползень, слой почвы обвалился, обнажив скальную породу. На камне выбит петроглиф: стройный корабль, раскинувший крылья, и человек рядом с ним, поднявший руку. Привет или предупреждение - не понять с первого взгляда. Петроглиф свежий: места сколов не успело обветрить. Фотографирую.

Наверное, я должен был удивиться. Но удивления не испытываю: загадка разрешилась. Кто-то здесь потерпел крушение до меня. Был неподалеку, нашел место падения моей капсулы. Почему-то не вышел на контакт. Колонии на планете нет, иначе маяк засек бы использование радиочастот - есть в нем такая функция. Скорее всего, это одиночка. Когда встречу спасателей, покажу им фотографии. Пусть прочесывают лес.

Наверное, мне стоило бы встревожиться - хотя бы немного. Происшедшее должно вызывать хоть какой-то эмоциональный отклик: беспокойство, волнение. Но внутри - тишина. Факт остается фактом. Мозг фиксирует событие как строку протокола и переходит к следующей.

Может, дело в спорах? Я успел ими надышаться. Заражение мне не грозит Но что, если они несут не инфекцию, а что-то тоньше? Химическую матрицу. Алкалоидные связки. Психоактивный агент. Не яд, а средство, чтобы ослабить тревогу, усыпить реакцию. Сделать меня спокойным наблюдателем.

Я не чувствую страха. Я не чувствую облегчения. Я просто отмечаю: рядом был кто-то. Возможно, он еще где-то здесь. Поднимаю острый камень и выбиваю на скале простейшую фразу на интерлингве: "Ты кто?"

В ожидании ответа на весь день остаюсь в лагере. Ставлю таймер на три часа. Это дает иллюзию порядка. Режим - лучшее средство от бессмысленного ожидания. Пока первый интервал не истек, чищу контакты на солнечных панелях, просушиваю "спальник", перебираю снаряжение, будто собираюсь в путь. Хотя знаю: сегодня не иду. Сегодня я - стационарная точка.

Когда звенит таймер, поднимаюсь на склон, к скале. Подхожу к месту, где вчера оставил метку, сканирую поверхность. Никаких новых следов. Возвращаюсь. Записываю в журнал: *"Связь не установлена. Следов активности нет".*

Проходит еще три часа. Скала не меняется. Воз-

дух становится суше. Лес - все тот же: пурпурный, живой, но равнодушный. К третьему подъему я уже не надеюсь - просто исполняю. Повторяю. Как часы. На этот раз поднимаюсь медленнее, задерживаюсь наверху дольше, как будто это увеличит шанс. Но скала молчит. Ответа нет.

К вечеру температура начинает стремительно падать. Лес перестает шуметь - ветра нет, движение замирает. Все будто прижимается к земле, затаивается. Я сижу у края лагеря, наблюдаю, как пурпурные кроны медленно темнеют, растворяются в синеве. Скала все еще видна отсюда - темнее неба, чуть светлее горизонта.

Записываю еще одну пометку в журнал. Не надеясь, не ожидая. Просто фиксирую: "Ответа нет. День без контакта".

Разогреваю остатки концентрата, ем молча, чувствуя, как пища согревает изнутри. Воздух уже кусается - особенно, когда скидываю куртку, чтобы втиснуться в "спальник". Пленка холодит кожу, особенно запястья и лодыжки. В этот момент тело кажется чужим - как будто я переродился аборигеном.

Ложусь на спину, смотрю вверх. Кроны над головой почти сливаются в плотный купол. Лишь в нескольких местах сквозь них видны тусклые

звезды. Здесь они чуть размытые, будто покрыты тонкой вуалью. Сон приходит быстро. Даже без сигналов, без событий - день истощает. Засыпаю на том же месте, в той же позе, что и вчера. И в этом есть что-то правильное. Постоянство. Протокол.

Утро приходит без звуков. Открываю глаза - пурпурные кроны уже подернуты тусклым светом, но солнца еще не видно. Воздух холодный, неподвижный. Пленка спальника влажноватая от конденсата, пальцы немного скованы. Сажусь, сгибаю суставы, разгоняю онемение.

Промываю лицо водой из фляжки. Ощущаю короткую волну бодрости. Пью остатки теплого раствора из термокружки, грызу пищевой брикет - на вкус как картон с привкусом ореха. Мозг просыпается неохотно, но стабильно: реакция на рутину.

Выбираюсь из лагеря, снова иду к скале. Путь знаком до сантиметра, камни под ногами уже не нужно обходить - ступни сами находят места. Когда выхожу к поляне, сразу замираю. На темной поверхности скалы - новый силуэт. Дельфин в движении, спина выгнута, плавник тянется вперед. Все точно. Не просто дельфин - именно тот, что был на моем первом скафандре. Аэрография,

которую я сделал в колледже, когда придумал позывной. Тот же изгиб тела, даже маленькое пятнышко на плавнике совпадает.

Ниже, неровно, будто пальцем по грязи, выведено: "Ты кто?"

Буквы корявые, как у ребенка. Разные по высоте, одни скошены, другие вылезают за воображаемую строку. Почерк живой, теплый, без системы.

Смотрю на них долго. Не шевелюсь.

Молчу.

Потом достаю устройство и начинаю фиксировать все: фото, спектр, следы рубила. Даже температуру поверхности рядом. Потому что это уже не просто наблюдение. Это - диалог.

Волной наплывают воспоминания. Мне девятнадцать. Колледж. Стены аудитории увешаны картами систем и фотографиями дипломатических миссий прошлого. Профессор контактологии и дипломатии, седой и чуть сутулый, медленно ходит между рядами, каждое слово взвешено:

"Когда вы вступаете в контакт - будь то с человеком, военным или представителем чужой цивилизации - первое, что вам нужно сделать, - это понять не то, что он говорит, а то, чего он хочет. Его эмоции, его мотивы, его страхи.

Пока вы этого не разберете, любая фраза будет белым шумом. Узнали цель - нашли ключ. Почувствовали страх - смягчили напряжение. Поняли желание - предложили решение, от которого невозможно отказаться".

Он останавливается передо мной, смотрит прямо в глаза, и продолжает:

"Контактология - это не набор фраз. Это умение влезть в чужую шкуру. И тогда любые переговоры завершатся вашим триумфом".

Возвращаюсь в лагерь, и тело сразу отзывается тяжестью: голова раскалывается, мышцы сводит судорога, похожая на приступ усталости. Смотрю на карту: до берега семьдесят километров.

И все же контакт... Петроглиф "Ты кто?" - событие, которое случается раз в столетие. Общение, пусть и одностороннее, с, возможно, иным разумом. Это ключ к разгадке природы этой планеты, возможной интриге, которую я не имею права упустить.

Складываю инструмент, смотрю на маяк, зажатый в лямках рюкзака, и на "спальник", который едва держит форму. Каждая мысль - вычисление: шансы выжить в лесу при помощи запасов против биохимии флоры; вероятность дойти до берега при ухудшении самочувствия; ценность

полученных данных и их необходимость в более долгосрочной перспективе.

Рассчитываю: если я уйду сейчас, выйду к побережью к середине третьих суток, но потрачу слишком много сил. Если останусь - сохраню энергию, но рискую не дождаться помощи и пропустить шанс понять этот знак. В колледже меня учили искать баланс между страхом и возможностью. И пока я взвешиваю все "за" и "против", ощущаю, как решение формируется само собой. Я ухожу.

Хворь приходит внезапно. Сначала просто ломит в суставах, потом каждое движение дается через усилие, как будто между телом и воздухом - вязкая прослойка. Лоб горячий, ладони сухие, губы трескаются от внутреннего жара. Не проверяю показатели - и так ясно: температура выше нормы. Слишком. Долго оставаться в лагере - значит оставить себя умирать в ожидании.

Собираю рюкзак на автомате, двигаясь медленно, как в вязком сне. Опрокидываю остатки воды в горло, глотаю сухой паек, не чувствуя вкуса. Гашу огонь, натягиваю комбинезон. Пленку для спальника не беру - слишком тяжелая. Оставляю ее лежать, как отпавшую кожу.

Иду. Шаг - вдох. Шаг - выдох. Каждый шаг отзы-

вается стуком в висках. Все тело протестует. Но я иду. Семьдесят километров до моря. Если дойду - спасусь. Если нет - ну, значит, просто не повезло.

А в голове стучит вопрос, выцарапанный детской рукой на скале: "Ты кто?"

Сперва я мысленно отмахиваюсь. Глупость. Лихорадочный бред. Но он возвращается. "Ты кто?" - и я слышу его не как вопрос, а как щепотку соли на языке, как зуд под кожей.

Кто я?

Мальчик, убежавший от моря.

Песчаный берег, мать кричит что-то на ветру, я бегу вглубь острова, туда, где деревья высокие и тень прохладная. Я не люблю плавать. Мне страшно, когда не видно дна. Море вызывает у меня странное ощущение - смесь вины и притяжения.

Кто я?

Студент колледжа пилотов.

Вспоминаю, как сидим в полутемной аудитории, кто-то рисует на планшете схему переговорного протокола, кто-то дремлет. Я сижу ближе к окну. На моем скафандре - аэрография с дельфином, та самая. Тогда я еще думал, что все просто. Что общение - это структура, грамматика, наука. Профессор поправил меня: "Нет. Главное - понять,

чего собеседник хочет. Тогда даже молчание станет ответом".

Кто я?

Пилот. Астронавт.

Капсула горит в атмосфере. Огонь снаружи и огонь внутри. Сломанные панели. Рваное дыхание. Вспышки боли. Я жив. Жив, чтобы шагать сейчас по этому пыльному лесу, с каждой минутой теряя ориентиры. Лес плывет. Иногда кажется, что деревья дышат.

Шаг - вдох. Шаг - выдох.

"Ты кто?"

И я не знаю уже, кому я отвечаю. Себе? Тому, кто нарисовал дельфина? Или планете?

Сначала я думаю, что лес поет. Но это мое дыхание. Или нет - деревья шепчут, складываясь в слова. "Назови себя", - звучит где-то сбоку, из коры, из неба, из моего горла. Я открываю рот - не звук, а песок. Скрипит на зубах. Глотаю, будто он - ответ.

Под ногами - мхи, камни, потом шершавый металл. Я иду по собственному скафандру? По его аэрографии? Смотрю вниз - дельфин моргает мне из пыли, а потом растворяется в черной воде. Я стою на воде. Или под ней.

Кожа липнет к воздуху. Воздух - как фольга. Он

шуршит при каждом движении.

Открываю глаза - и все равно темно. Лес дрожит. Нет, это я дрожу, а он стоит. Или наоборот?

Шаг. Стук сердца. Шаг. Ритм сбивается.

Море - я чувствую его до того, как вижу. Оно внутри меня: плещется, давит на диафрагму, на язык. Язык набухает солью.

Мне кажется, я уже дошел. Или только собираюсь. Корабль шепчет - статика по проводам, голоса в ушах. Кто-то говорит: "Ложись в капсулу". Я в капсуле. Я в лесу. Я в глазу дельфина.

Что-то хрустит - мои суставы? Песок? Кости дерева?

Тело тянет вперед. Гравитация сменила направление. Я не иду - я падаю. Сотни шагов, десятки видений.

В какой-то момент бред уходит.

Море проступает сквозь деревья - тусклая серая бескрайняя гладь. Воздух дрожит от близости воды, тянет солью, и я почти бегу последние сотни метров. Колени подкашиваются, но я продолжаю идти - словно тело само знает, куда ему надо. Песок проваливается под ногами. Выхожу на берег.

Море - огромное, чужое. Никаких волн, оно будто дышит. Но что-то не так. Небо быстро темнеет - слишком быстро. Порыв ветра хлещет мне в

лицо, срывая капюшон. Еще минуту назад ровная поверхность изгибается, волна сбивает с ног. Я падаю на колени, пригибаюсь - поздно.

Шторм накатывает внезапно: небо сворачивается в серую воронку, ветер ревет, как раненый зверь. Прячусь за валуном, но его сбивает набегающей водой. Меня опрокидывает волной, сносит в сторону. Песок выскальзывает из-под рук, я скольжу по мокрому берегу вниз, в пену.

Слышу собственное дыхание, рваное, поверхностное. Вторая волна накрывает сверху, оглушает. Вода рвется в рот, глаза. Пытаюсь выбраться - безуспешно. Сил нет. Меня затягивает вниз, туда, где темно.

И тут - тишина.

Будто зависаю в подвешенном состоянии. Вода больше не давит, не душит. Все замедляется. Где-то впереди - свет, мягкий, голубоватый. Он неестественно ровный, не принадлежащий ни солнцу, ни лампам. Внутри него - движение. Не человек. Не зверь. Силуэт. Плавник, изгиб, круглая голова.

Дельфин.

Силуэт растворяется. Свет гаснет. Меня выбрасывает на берег. Перед тем как все исчезает, я слышу - не ушами, а внутри:

"Вспоминай".

Слово - как толчок изнутри, как волна, набегающая на берег сознания.

И вдруг - не образ, не звук, а целый пласт времени поднимается откуда-то из глубины. И тогда - волной, без предупреждения - накатывают воспоминания. Необъятные, тяжелые, как сама тьма.

Всполохи света. Дрожь металла. Напряжение в пальцах, в висках. До падения - десять дней и одна ошибка.

Я все еще на борту. За иллюминатором - желтая звезда, слишком тусклая, слишком близкая. Планет - ни одной пригодной. Автоматика пишет: многочисленные аномалии в термоядерной камере. Через десять минут она отстрелит реактор. По инструкции это правильно: оставить капсулу в дрейфе, ждать, пока кто-нибудь подберет.

Но никто не подберет. Я делаю расчет: ближайший патруль будет лететь сюда двадцать дней. Времени нет.

Отключаю автоматику. Подтверждение - трижды. Пальцы дрожат. Ручное управление. Курс - система с обозначением KJ-3117: планета класса M, тонкая атмосфера, возможна посадка. Десять суток в прыжке, у двигателя остается чуть больше

одиннадцати.

Спать нельзя. Если засну, корабль вернет себе контроль. Протокол отстрела сработает автоматически. Активирую "дельфиний сон" - ментальную технику, которую нам давали в колледже. Полушария чередуются, каждое дремлет по очереди. Теоретически.

Практически сразу чувствую, как в голове что-то ломается. Как будто внутри две половины, и одна говорит, но не слышит, а вторая слушает, но не отвечает. Потом наоборот. Связь между ними пропадает. Только пульс в висках и треск системных предупреждений.

Авария. Паника накрывает, как волна. Правое полушарие захлебывается в страхе - оно цепляется за эмоции, за жизнь. Но именно левое включает протокол "дельфиний сон". Оно не чувствует. Не запоминает эмоций. Этот момент - просто вырезан. Прихожу в себя, уже в полете. Знаю курс, параметры, звезду. Не знаю - почему. Все важное, все живое - ушло вместе со страхом.

Правая рука уверенно тянется к пульту. Левая - колеблется, замирает. Правая удерживает курс. Левая хочет повернуть назад. Я чувствую, как тело распадается на две воли. Две личности. Иногда я думаю, а кто-то другой смотрит. Иногда

наоборот. Между ними - трение. Конфликт. Покой против тревоги. Расчет против страха. Каждую минуту я борюсь - с автоматикой, с кораблем, с собой. Засну - и все кончится. Но все больше не уверен, кто из нас "я".

Я помню, кто я. Имя, звание, задачи. Но не помню - зачем. Появляется пустота между действием и смыслом. Несколько дней я живу по инерции. Функция. Движение. Приказ.

Из пограничного состояния меня выводит глухой, вязкий звук сирены. Я уже в совершенно другой звездной системе, курс проложен к единственной планете, на которой существует жизнь. Но память зияет провалами. А полушария все еще функционируют отдельно друг от друга.

"Ты - это я".

Маяк оживает, принимая ответный сигнал на радиочастоте. Мигают диоды - четко, ритмично. Где-то наверху разгорается точка: спасатели уже рядом. Сижу на берегу, прижав колени к подбородку. Ладони дрожат. Тело ломит, но сознание - ясное. Спокойное.

Внутри меня - последнее море. Мертвое. Страшное. Оно едва не забрало меня.

А рядом плещется другое. Предпоследнее. Обычное. Теплое. Его волны тихо шуршат у ног, будто

ничего не случилось. И это странно - как будто два моря, два времени, два мира соседствуют, не замечая друг друга.

Не планета, не авария, не контакт - я сам оказался с дефектом. Расколотый. Сломанный. Тот, кто бежал, и тот, кто возвращался. Тот, кто помнил курс, и тот, кто помнил страх. Я избегал взгляда вглубь, боялся утонуть. А теперь понимаю: чтобы выбраться - нужно не вынырнуть, а погрузиться.

Принять это море. Страх. Память. Ошибки. Себя. И тогда, может быть, я снова стану целым.

В небе вспыхивают посадочные огни. Воздух дрожит. Но я все еще сижу. Смотрю на волны. И впервые - не отворачиваюсь.

Ольга Сажина

Выше тигров и звезд
(в соавторстве с Д.С. Хованским)

"Где не растут цветы?
Здесь не растут цветы.
Кто истоптал траву?
Это был ты"{1}*.*

И рука зачем-то вывела в тетради это самое "ты" после последовательности из десяти чисел - сегодняшних показаний приборов. Слово, а не число стало одиннадцатым наблюдением за Городом, который окружал его и профессора уже месяц. Двадцать девятый день. Утро. 6:47 привычного времени. Гью подвел жирную карандашную черту, и первая из стандартных двадцати четырех частей очередного дня отошла в прошлое исписанных бумажных страниц. Все сложнее стало доставать на Земле эти бумажные тетради - как, впрочем, и бумажные книги, - но ничем другим он пользоваться не хотел. Запаса должно было хватить на это задание, а потом...

{1} Комментарии: 1
Здесь и далее стихи Д.С. Хованского.

Ты шаги сосчитал,

И больше считать не надо, Это твоя награда - Оглядываться назад.

Странное тут небо. Множество подвижных, растянутых в спектральные радуги копий Луны и Марса, неузнаваемые дуги созвездий и пятна абсолютного мрака. Куда летел Город - Гью не знал, с Землей связи не было, сигналы безнадежно запутывались в лабиринтах силовых линий. Скорость? Время? Время в этом гравитационном кривозеркалье стало собственным, отдельно существующим. Свободное время...

- Эй, убийца, - снова позвал профессор, не поднимая головы, не отрываясь от вспыхивающих голографических формул. - Слышишь меня? Проверь еще раз приборы.

Сорок две минуты назад, по-мальчишески подвернув под себя ногу, тридцатилетний профессор Ковальский устроился в кресле, погасил все лампы и включил свою машинку. Красные и зеленые полупрозрачные формулы вырывались на свободу, неестественно освещая взлохмаченную голову профессора, печатая

красным и зеленым то его профиль, то подбородок, то полоску высокого лба.

Застывшая в кресле фигура, окруженная тем-

нотой и мигавшими то тут, то там

формулами, - эта картина повторялась практически каждый день. Что он там

считал? Едва ли Гью было до этого дело. Он проверил приборы. Еще несколько строк

записал в свою тетрадь.

- Проверь еще раз.

- "В ухо свое вцепись, верхом на нем прокатись..." - проговорил Гью только что сочиненную строчку, и стальное ровное эхо прокатилось по кораблю. Профессор не отреагировал, он был занят. Впрочем, даже когда профессор изредка бывал не занят, Эвтерпа и Каллиопа наверняка оставались для него всего лишь каталожными альфой и бетой какого-нибудь далекого созвездия. Гью отвернулся.

Охранный контур работал исправно. А за пределами корабля, за контуром, разворачивался Город, словно созданный сумасшедшим ткачом из миллионов переплетенных разноцветных жгутов - толстых и тонких бесконечно длинных трубок и трубочек. Они окружали их посадочный модуль и занимали все пространство, доступное для наблюдений. День ото дня эти трубки, словно подчиняясь чьей-то невидимой руке, сплетались во все новые пейзажи, то вырастая в гигантские

кудрявые горы, то пугая открывавшимися буквально за одну ночь ущельями.

"Лурды", - так их деловито назвал Ковальский на второй день после посадки. Вероятно, для небожителей высокой науки это слово что-то значило.

"Клубок змей", - мысленно ответил Гью.

Сегодня невидимый ткач ненадолго обрел разум, и пейзаж превратился в равнину, простиравшуюся до самого горизонта, насколько хватало глаз. Только слева, километрах в пяти от модуля, высились не то остроконечные скалы, не то строения. Гью взглянул на гравиметры. Похоже, сегодня на прогулке будет доступна вся эта равнина, вплоть до тех зданий. Зданий... Домов, все так же скрученных из этих трубок. Вчера и позавчера им можно было ходить только по узкому коридору метров в пятнадцать длиной, а сверху, снизу и по бокам гудели и дрожали энергией лурды, созданные неизвестно кем, неизвестно из чего и с какой целью. Вчера коридор, сегодня равнина. Роскошь...

Здесь никого нет.

Лурды как пленкой были окутаны гравитационным полем, из-за которого невозможно было исследовать их строение и состав. Очень сильное

поле удивительно резко обрывалось прямо у поверхности такой трубки-лурда. Значит, искусственные. Значит, кем-то сделаны. Кем-то, кто овладел гравитационной энергией. Но какими тогда безграничными возможностями обладали их создатели?

Они могли бы зажигать и гасить звезды... Но в этом переменчивом Городе не было горожан. Только гравитационные поля менялись, только лурды двигались сами собой, сплетались и расходились, то и дело образуя коридоры - пространство, где можно было свободно передвигаться, выйдя из модуля... И все чаще в этих коридорах гравитация была сравнима с земной. Обнаружив это замечательное обстоятельство, Ковальский сказал что-то про антропный принцип и гуманоидность строителей Города. Гью счел это простым совпадением.

Никого в Городе нет.

За спиной Гью машинка профессора начала мелодично позвякивать. Формулы стали совсем прозрачными, на их фоне разгорались графики, переводя язык символов в разноцветные линии. Уголки подвижного узкого рта Ковальского слегка дрогнули. Результат полностью подтвердил его ожидания. Город вновь, пускай и на достаточно

короткое время, подчинился предсказаниям земной математики. Природа этого нечеловеческого места послушно следовала законам точных наук. Иллюзия неопределенности: то ли поверхность Города подстроилась под расчеты профессора Ковальского, то ли сам профессор сумел так точно предсказать ее поведение. "Это как с женщиной", - подумал Гью и нарисовал в тетрадке замысловатую чешуйчатую вязь с крошечными пастями и раздвоенными язычками.

Ему было все равно. Он здесь для того, чтобы следить за безопасностью и быть телохранителем гениальности профессора Е. А. Ковальского. Есть здесь кто-нибудь или что-нибудь или нет - в конце концов, не важно. Просто каждую минуту нужно быть настороже. За это ему и платили. Гью Вольфендейл был давно уже немолод. Гью Вольфендейл устал. Устал настолько, что с недавних пор одинаково брался и за охрану, и за устранение. Для этого требовались одни и те же навыки. Ему было все равно... Только отчаянно хотелось вернуться домой, закрыть все двери и окна, сесть за стол, включить настольную лампу и... И чтобы никогда больше не зазвонил телефон с короткими: "Гью! Сто двадцать пять за неделю. Алжир. Завтра", "Гью! Девяносто тысяч за четыре дня.

Марс. Утренний рейс"...

- Я прогуляться, - сухо бросил Ковальский.

С начала экспедиции они почти не разговаривали: Ковальский узнал подробности о взрыве своей лаборатории на Земле. Единственной, незаменимой, самой драгоценной для него на свете. Случайно узнал. И относился к Гью соответствующе.

Гью залпом допил кофе и молча встал. Он любил кофе, а еще красное вино, они фиксировали для него начало и конец дня там, где могло не быть ни Солнца, ни звезд, ни Земли. Своеобразные часы. "Ты весь провонял чертовым кофе! - разорался как-то один из заказчиков, будучи в плохом настроении. - Однажды тебя по нему вычислят!" Отчасти заказчик был прав - и то, и другое на Земле становилось редкостью. Чем-то таким архаичным, ненужным, с той старой Земли, для которой космос еще был далеким и полным чудес, а марсианские сафари по выходным существовали только в фантастических романах. Обычно молчаливый в подобных случаях, Гью поднял на заказчика свои большие, почти хрустально прозрачные, цепкие глаза: "Разве моя работа становилась от этого хуже?" Заказчик отвел взгляд.

Гью и Евгений Александрович никогда не завтракали вместе. Гью вообще мало ел и почти не спал - последствия слишком частого использования препаратов по свертыванию крови. Выбросил из головы воспоминания, в которые он погружался в краткие минуты отдыха.

Захлопни, запри на ключ,
Свой покой хорони
От перемен Земли,
От неба и туч.

* * *

Первым взорвался главный корпус лаборатории. Глухой хлопок - и стены двухэтажного новенького домика сложились внутрь, а крыша стала стремительно крениться к земле, как шляпа пьяницы. Несколько секунд спустя взорвались три оставшихся здания: вычислительный центр, архивы и зоопарк. Последним и незапланированным рухнул старый рекламный щит у дороги, на котором витиевато значилось:

"Забудьте собак и домашних котов, Встречайте фантазии из ваших снов! Только у нас - инопланетные звери! Приходите, круглосуточно открыты двери!"

...Зверей нашли в первом Городе, который прилетел в Солнечную систему. Его окрестили первым "небесным тортом" - Рутрум-каэлестис Альфа. Точнее, нашли не совсем зверей, а заготовки, биомассу, из которой легко получались самые разнообразные существа. По большей части безобидные и безмозглые. Сначала они настороженно не нравились землянам. А потом, как это часто бывает, вдруг стали пользоваться бешеным спросом. А еще потом астрономы обнаружили Города Бета и Гамма - они тоже двигались по направлению к Солнечной системе из центральных областей нашей Галактики. Городу Альфа было более десяти миллиардов лет, остальные два Города были много старше...

Немолодой человек, высокий, худой, сутулый, в очках и хорошем костюме, которого могли бы принять за ученого, если бы он попался кому-нибудь на глаза, не торопясь шел по направлению от горящих зданий к дальнему концу лабораторного комплекса. Вторая часть работы была сделана: он убедился в том, что после взрывов вся сколь угодно значимая информация и ценные биологические образцы были уничтожены. Теперь оставалось только перебраться через забор, не повредив и не испачкав новый костюм. Как это

у Брэдбери... "чудесный костюм цвета сливочного мороженого".

Человек в хорошем костюме уже вышел из-под прикрытия деревьев, росших почти у самого забора, когда сзади раздалось чуть слышное рычание. Человек в хорошем костюме медленно повернулся, а Гон-Гур - подарок руководителю лаборатории от последней экспедиции в Город Альфа - оскалил саблезубые клыки, вздыбил серебристую шерсть, напряг все шесть когтистых лап. И прыгнул.

Город Альфа - небольшое дискообразное тело с пирамидальным возвышением, напоминающее торт, за что он и получил свое название, - пересек орбиту Луны и отправился дальше по Солнечной системе давно, пятьдесят лет назад. Сначала ученые приняли его за солнечный спутник с сильно вытянутой орбитой. Астрологи не замедлили отождествить Город Альфа с легендарной Нибиру, гордостью шумерских трактатов и фетишем всевозможных апокалиптических сект. Ученые решили, что Нибиру все-таки существует, а обнаружить ее раньше и рассчитать орбиту не удавалось, потому что это управляемый объект. Кем-то управляемый. Такое известие наделало в прессе много шума. По Земле прокатилась волна

выступлений за и против контакта, потом волна самоубийств, потом волна равнодушия. А потом в Городе Альфа нашли заготовки для зверей. Вместо Нибиру Город прозвали Ноевым ковчегом, подредактировав толкования шумерских трактатов. Звери стали бизнесом, секты жаждали свежих космических чудес, астрономы изучали спектры.

Теперь к Земле приближался Город Бета. По неизвестной траектории. Пояса околоземной противометеорной защиты были рассчитаны и на более крупные тела, но ожидать, разумеется, следовало чего угодно. Активно стали готовиться научные и околонаучные экспедиции. Пресса шутила на тему зверей нового поколения, предприниматели готовились их продавать...

Профессор Евгений Александрович Ковальский возглавлял лабораторию четыре года. Неприлично молодой ученый, вызывавший ревность, а порой и открытую ненависть своих коллег, умел не смотреть по сторонам и не разбрасываться. Своей четкой целью Ковальский, не стесняясь наличия в палитре восприятия мира только черной и белой красок, считал помощь людям - и никогда не ставил после этих слов запятую. Только так! Только твердую точку. На раз-два-три - он физик,

биолог и математик. Теоретик, изначально далекий от конкретных мирских проблем, он был твердо убежден в том, что его теории рано или поздно пересекутся с практикой, и вот тогда... Тогда все станет на раз-два-три!

Города он считал подарком судьбы, доставшимся лично ему - Евгению Ковальскому, и все свои, даже ученические, исследования неизбежно сопрягал с недавно открытыми "планетами". Статьи, монографии - и вот она, слава в научном мире. А после выхода двух научно-популярных книг об устройстве Города Альфа его стали все больше отмечать люди, далекие от науки, но близкие к самым что ни на есть мирским проблемам человечества. То есть к той невероятной выгоде, которую некоторые особенно расторопные и деловые люди уже получали (в основном от продажи зверей) и рассчитывали получить в будущем от Города Бета. Ковальский же больше всего ненавидел рекламный щит, стоящий рядом с его лабораторией. Для него этот рекламный слоган был равно и бесконечно удален как от теории, так и от практики будущих великих дел на пользу людям. От той действительной и - да! - бескорыстной пользы, которую только он, Евгений Александрович Ковальский, мог им подарить.

А сегодня Евгений Александрович прочитал слоган еще раз - на этот раз на упавшем щите, перегородившем улицу. Из-за едкого дыма, которым заволокло все вокруг, кроме этого щита, нельзя было разглядеть практически ничего. Да ничего и

не осталось.

- Да, нет у нас теперь лаборатории, Евгений Александрович, - знакомый бас заколыхался в динамиках, помехи на видеофоне пошли сильнее.

- Да... - едва ответил Ковальский. Его душила какая-то безадресная ненависть.

- И ведь в иностранные лаборатории так просто не пустят! Не поверят, подумают - сами подожгли, а теперь хотят внедриться... Проверять начнут...

- Что вам нужно? - впервые, может быть, с детства Ковальский не узнал собственного голоса.

- Такой урон для науки нашей страны! - покачали головой густые помехи на экране. - Но у нас есть то, что вам предложить. - Помехи замерли, судорожно сглотнули и перешли на шепот. - Первым исследовать Город Бета! Первым в мире...

"Встречайте фантазии из ваших снов!.. Только у нас..." - вертелось в голове Ковальского. Он молчал.

- Мы понимаем, что это должна быть между-

народная экспедиция, и каждая из стран, подписавшая договор о Городах, должна предоставить своего специалиста. Мы также понимаем, что...

- Да, - вдруг сказал Ковальский.

- Понимаете, Евгений Александрович... - голос страшно заторопился. - Международный союз будет собираться еще полгода... Мы решили выделить все необходимые средства сами. И минимум экипажа. Фактически, только двое. Вы и охраняющая вас персона. И вы понимаете, профессор...

- Да.

- Все ваши открытия будут принадлежать нам. Ну а вы вольны делать все, что угодно. Вашей квалификации хватит и на контакт, если потребуется...

Ковальский отключил связь.

Но на другом конце связь включилась снова. Только помехи уже были другие. - Он согласен, ему нужен охранник. Один.

- Танака?

- У Танаки недостаточно опыта для такого дела. - Тогда...

- Пусть будет Гью.

- Но Гью старый и бессовестно дорого берет. Кроме того, этот идиот еще не до конца восстановился.

- Нет, пусть будет Гью. До вылета две недели - успеет. И предложи ему вдвое больше того, что он сам запросит. И еще столько же при благополучном возвращении. Нам сейчас не следует экономить.

- Прекрасно! Будет сделано.

Новые помехи. Новый звонок, переданный по эстафете. - Гью?

- Да, - наемник еле разлепил губы.

- Ты можешь лишиться половины оплаты за такую халтуру, что допустил с лабораторией! Что это за гладиаторские побоища со всяким зверьем?!

- Да, - помедлив, согласился Гью. Разговаривать было больно. - Это моя ошибка, там выжил один зверь.

- Так вот, сделаешь для меня еще кое-что. Речь о космическом проекте. Не бесплатно, разумеется. И тогда мы в расчете. Иначе, сам понимаешь, твоя репутация сильно пострадает. Ты понял?

- Я понял.

- Мне не надо обращаться к Танаке?

- Нет. Я полечу.

* * *

- Убийца, проверь приборы.

В Городе Бета царила музыка, и композитором был он - Евгений Александрович Ковальский. Впервые в жизни ему никто не мешал. Рядом был только человек, лишивший его всего, всей предыдущей жизни, всех устремлений и надежд. Об этом он догадался по шрамам Гью - едва ли их с чем-то можно было спутать. Задушенный наемником Гон-Гур был для Ковальского тупой и злобной кошкой, пригодной только для опытов. Большой и саблезубой домашней тварью, которую этот человек задушил голыми руками. Это забавляло профессора. За месяц пребывания в Городе Бета он приобрел много больше, чем за всю предыдущую жизнь. И все благодаря этому глупому старику, который умеет голыми руками душить саблезубых тигров и за деньги превращаться в такое же послушное, хотя и злое домашнее животное.

Они шли по равнине, а под ногами светились и потрескивали трубки.

- О чем ты думаешь, убийца инопланетных зверей? О том, как выйдешь на пенсию, купишь себе домик с видом на такую вот бескрайнюю равнину

или, положим, океан и будешь доживать свои дни в безмятежности? Все профессиональные убийцы сентиментальны. За эту экспедицию тебе заплатят много. Хватит, чтобы купить... Черт!

Лурды внезапно раздвинулись перед ними, профессор оступился и чуть было не упал в образовавшуюся расселину. Гью подхватил его в последний момент.

- Молодец! - профессор хлопнул Гью по плечу. - Смотри на приборы, старый черт!

Гью ничего не ответил. Только чуть резче обозначились угрюмые складки вокруг рта. Его костистая голова с ежиком седых жестких волос склонилась над датчиками.

Гравитационное поле теряло стабильность, но слишком медленно, чтобы прямо сейчас повернуть назад, к модулю. Едва ли выпадет еще такой шанс - размять ноги и дать отдых глазам, устремив взгляд не на экраны, а просто к горизонту. К тем самым "домам", сотканным из лурдов, в которых никто не живет. Потому что во всем Городе нет других горожан.

Гью хотелось подойти поближе к странным строениям. Что там внутри? Комнаты, залы, коридоры? Есть ли там двери и окна, которые можно закрыть изнутри и остаться хотя бы ненадолго

наедине со своими мыслями...

- Нет, ты мне скажи... Вот тебе заплатят за эту экспедицию. И ты - разумный человек вдруг столкнешься с неразрешимой проблемой: деньги надо куда-то тратить. Куда же тратит деньги разумный человек? Он следует вкусам других разумных людей, конечно. Вот ты мечтаешь, скажем, о домике, а почему? Задумайся. Потому что другие разумные люди веками говорят о том, что домик - это хорошо. Они болтают это днями, годами, веками, пишут об этом в книгах, создают рекламные объявления... А ты, мой милый убийца, - живой человек, подверженный живому человеческому любопытству, живейшей зависти и - главному человеческому качеству - внушаемости. Сначала ты купишь дом, потом самую модную мебель, потом еще что-нибудь эдакое... Заведешь себе инопланетную зверушку, кстати. Точно! А потом задушишь ее к чертовой матери!

Профессор счастливо засмеялся. Два дня назад все формулы сошлись. Гью он ничего не сказал, да тот бы и не понял. Отныне все будет по-другому.ью молчал. На приборе две строки не желали вставать рядом, сталкивались друг с другом, вышибали снопы искр и вновь расходились.

- Осторожно! - вдруг вскрикнул профессор.

Лурды разошлись, потом сошлись снова, полностью отрезав их от корабля.

- Куда ты глядел, идиот старый?! - заорал профессор, но вдруг осекся и резко замолчал.

- Проклятье... - нервы Гью не выдержали. Он начал метаться, производя измерения, пытаясь найти выход... Измерения показывали, что поле становится все более нестабильным. И едва ли он мог заранее предсказать этот всплеск. Но нестабильность могла обернуться и удачей! Должна была обернуться, если верить приборам. Через семь минут и двадцать одну секунду здесь должен образоваться коридор!

- Да не суетись ты так, - вдруг спокойно сказал Ковальский.

Гью взглянул на его улыбающееся лицо. И устало подумал, что давно ждал чего-то такого... Он не знал, чего именно, и не представлял, как это проявит себя, но оно должно было случиться. Звериная интуиция, воспитанная профессией, давно призывала Гью быть настороже. Уж слишком спокойно держался профессор последние дни. Он больше не занимался расчетом траектории Города и был поглощен только абстрактными формулами - как фокусами, как проверкой каких-то своих математических построений. И много и

весело болтал о всякой ерунде.

- Почему бы и не сегодня, а? Как считаешь? Лично мне сегодняшний день очень нравится. Солнышко припекает, ласточки - вон, вон, смотри! - ласточки полетели! - профессор расхохотался, а Гью посмотрел на часы. Еще немного...

- Болван, ты меня слышишь? Я тебе говорю: ласточки полетели. Один разумный человек говорит другому разумному человеку, что летят ласточки, мог бы и взглянуть, между прочим. Ты думаешь, где мы находимся?

Гью молчал.

- Ты думаешь, что такое этот Город? Ведь нет никаких Альфа, Бета, Гамма. Есть единый, понимаешь, один-единственный Рутрум-каэлестис - "Небесный торт", для понимающих высокую латынь. Просто размеры Города во много раз превосходят всю нашу Солнечную систему. Просто он не такой, каким убогое людское воображение мыслит себе город или даже планету. Он не кругленький и не сплошной, он прилетел и заполнил собой...

Оставалось три минуты и сорок секунд до открытия коридора, который должен вывести их к стабильной зоне, ближе к кораблю. А потом...

- Ты меня вообще слушаешь? Эй, человек, зем-

лянин! Не чувствуешь, как старомодно, пыльно и грязновато это звучит, почти по-неандертальски. Давно уж пора назваться как-то иначе, да и самим измениться. Наша с тобой родная планета, наша любимая Земля давно в Городе, понимаешь? Ну или Город в ней, как тебе будет приятнее.

Гью слушал. И слышал гораздо больше, чем говорил профессор.

Первый шприц выскользнул из окровавленных пальцев. Вторым Гью сделал себе укол и затаился до утра неподалеку от сгоревшей лаборатории. Дождался, пока разъехались пожарные машины, пока полицейские не прошерстили лежавший неподалеку криминальный район. В шестом часу утра вывернул изодранный пиджак темной подкладкой наружу, снял очки и пошел по главной улице, широкой и освещенной. В этот час служащие дорогих ресторанов обычно выносили мусор и объедки, привлекая бездомных. Гью почти прошел эту улицу, но тут ноги отказали, и он рухнул под забором, около мусорного бака. Навстречу шли двое. Утренний полицейский патруль.

- Глянь, опять бомжи трюфеля не поделили, - прокомментировал один. - Живой? - второй наклонился над Гью.

- Висяк... - сумрачно сказал первый. - Слушай,

давай перебросим его через забор, а? Пусть на соседнем участке с ним парятся. А у нас конец квартала, отчет на носу.

Второй взял руку Гью, нащупывая пульс. - Нет, живой он.

- А тебе разница?.. - буркнул первый.

- Да что мы, не люди, что ли! Вызывай "скорую"...

- Гью, ты меня слушаешь? - профессор смотрел нетерпеливо. Сейчас он объяснит, он все объяснит на раз-два-три! - Как, по-твоему, смогли бы чуждые звери прижиться на Земле, перенять формы, схожие с земными, чтобы ты их потом душил? Это не совпадение, не признак гуманоидности Города. А сафари на Марсе, где ты сторожишь задницы миллиардеров от укусов всяких ползучих сколопендр? Откуда сколопендры-то, а? Раньше, в романтические времена Скиапарелли, их просто не было, они потом появились. Их породил Город. Город меняет нашу планетную систему. И людей. Я начал понимать это еще тогда, когда обнаружил, что реально Город Бета расположен не там, где его наблюдали астрономы. Мне надо было попасть сюда, чтобы убедиться в этом окончательно, расшифровать гравитационные свойства Города. Мы давно в

нем, Гью. И мы давно видим в окружающем нас космосе только то, что позволяет видеть Город: он искажает пространство, меняет траектории фотонов. Все высокоточные открытия астрономов о дальнем космосе за последние сто лет - фикция. В настоящем космосе, который там, за пределами Города, нет большинства тех звезд и галактик, что изучают астрономы. И летаем мы только так и только туда, куда разрешает Город. Теория Кеплера, да и теория относительности скоро перестанут работать, как только Город изменит свои поля... - Профессор почувствовал, что сбился на лекцию, досадливо тряхнул копной рыжих волос и продолжил: - Эти все наши теории - как если бы муравьи пытались вывести глубокомысленную теорию всего, наблюдая, как люди жарят шашлык на полянке. Или ковыряют в носу. Ну, поковыряй в носу! Давай! Для убедительности.

Гью молчал.

- Вот ты все время на часы смотришь, ждешь своего коридора. А знаешь ты, куда он нас выведет?

- Ближе к кораблю.

- Нет, мой хороший. Ошибочка в расчетах. Этот коридор выведет нас прямехонько на Землю. Могу координаты дать. А знаешь почему? Потому

что мы на Земле. Считай это естественной эволюцией нашей Солнечной системы.

Этакий город-паук с лурдами-ножками представился Гью. Паук, снующий по Солнечной системе как по нежной шелковой ткани и комкающий ее своими лапами.

- Наблюдай, Гью, тебе же положено по профессии. Звери похожи на земных, потому что мы становимся похожими на Город. Теперь подобия домов, пока еще не слишком похожих на наши, но стремящихся к этому... Он приспосабливает нас к себе. И мы давно не те. Мы не люди, Гью, понимаешь? Мы давно не те, за кого себя выдаем, потому что Город и в нас тоже.

Там, где всего минуту назад возвышались строения, теперь не было ничего. Ни комнат, ни коридоров, ни залов... Да их и не было там никогда. Правила менял Город, а не его, Гью, смешные фантазии. И даже не расчеты профессора Ковальского. Кукловод свернет балаган, кукол не спросясь...

Коридор открылся. Гью показалось, что он видит не лурды, а зеленую лесную тропинку... и деревья вокруг.

- Мы не люди... - повторил Гью.

- Уже больше ста лет, а может быть, и еще

больше. Только это все постепенно, - профессор вдруг стал серьезнее. - Все, что можно сказать: Рутрум-каэлестис подчиняется недоступным нам законам сверхвысоких энергий. Что это, по-твоему?

Ковальский кивнул на переплетения лурдов. - Это струны. Слыхал о таких? Их энергии - это пожар рождающихся вселенных! Когда-нибудь Город улетит дальше и перестанет влиять на Землю, но пока нас знатно потаскают эти веревочки... Однако мы заболтались. Пора домой.

Гью молчал. Но что-то, видимо, стало с его лицом.

- Ну-ну, что ты так серьезно воспринял это все, Гью? Человек несколько раз полностью меняется от рождения и до смерти. Почему бы ему не измениться еще раз, под воздействием... как это для публики... могучей космической энергии? Звезды, которые бесконечно умнее и прекраснее убогого человеческого мирка, принесли нам великий дар! Пора уж шагнуть куда-нибудь от загаженной и проеденной до дыр старушки-Земли, пора понять, что мы стали больше, чем люди. Стряхнуть шелуху стереотипов. Так и будет заявлено для прессы: мы космические существа... или что-то в этом духе. Порталы, туннели, изощренное ору-

жие - вот что будет доступно теперь.

- Для публики, прессы? Не хотите же вы рассказать всем, что они... не люди?

- Разумеется, хочу. Я - как и ты - хочу и буду заниматься своей работой и получать за нее деньги, награды, славу и все остальное. Разумеется, я обнародую свое открытие. Правда - великая польза для всех, кого мы звали людьми, и чем раньше они прозреют, тем лучше. Эйнштейн - просто школьник по сравнению со мной.

В коридоре перед ними зеленела трава, мелькали незабудки. - Значит, идем домой, Женя? - вдруг спокойно спросил Гью.

Профессор снова рассмеялся. Как хорошо и логично все увязалось! Правда, польза, деньги - все разом, почему бы и нет! Красиво и просто.

- А ты быстро схватываешь. Именно что "идем". Город меняет расстояния. Пошли... ты устроишь очередной взрыв, мы скажем, что наш корабль взорвался при посадке на Землю или что-то еще в этом роде, и...

- И что мы погибли, - спокойно добавил Гью.

- Что? - этому слову в его "мечтаньях радостных, чудесных" место как-то не

нашлось, палитра профессора была уже просто одноцветной.

Строчки, сталкивавшиеся в голове Гью, сошлись, как сошлись лурды:

Ударят капли по стеклу и вниз сбегут,
Качнется ветка.
Забарабанит по стеклу,
Как крыльями по клетке
Невольница - в твоем плену,
В закрытом сердце.
Открой замки, дверь распахни наружу, Взвейся!
Тьма горькая в твоем плену,
В закрытом сердце...
Пусти наружу, пусть идет,
Мой мудрый друг.
Пусть лучше сердце...

Человеку, задушившему голыми руками Гон-Гура, не составило труда сломать шею профессору Евгению Александровичу Ковальскому - композитору и дирижеру этой планеты и математику Земли. А еще - кукле Города, чье сердце, в воображении Гью, как ягодка земляники качалось на тонком жгутике древнего лурда. Или как вишенка на торте, которым отравился жадный

сластена.

...Пусти наружу, пусть идет,
Мой мудрый друг.
Пусть лучше сердце не заснет,
Пусть лучше сердце.
И вдруг природа зазвучит, взмахнет крылами,
Вдруг с неба дождь пройдет -
Забарабанит,
Наполнит до краев тебя
И будешь слышать,
Наполнит радостью тебя...
А тьма не дышит...

Вспыхивают и гаснут звезды, рождаются и умирают галактики. Однажды уйдет и Город. Поползет себе дальше в глубины космоса. А люди пусть остаются людьми, и тогда они всегда будет выше тигров и звезд.

Гью снял ботинки и не спеша побрел босиком по густой траве полного тысячи тонов и оттенков цветущего летнего леса.

Андрей Загородний

Белка

Как только мы оказались на даче, Селев тут же заправил штаны в носки. На мой вопрос о цели посмотрел задумчиво, потом расположился на скамейке в зеленой беседке перед входом в дом и объяснил:

- Понимаешь, у коллеги день рождения был, в ресторане отмечали, а за соседним столиком литераторы сидели. Дама какая-то вещала томным голосом: "Сделайте вашего героя запоминающимся. Пусть, например, он заправляет штаны в носки". Представляешь - идиот-герой, заправляющий штаны в носки? Хотя Супермен ведь трусы поверх штанов напяливал в качестве особой фишки. Получается, правда нужно быть запоминающимся. Пусть я не Супермен, до трусов не дотягиваю, но для носков-то гожусь!

Помолчали, вокруг все зеленело и цвело, жужжали все, кто жужжать умел.

- Подумалось, может, из-за клещей. - Моя догадка выглядела весьма приземленной.

- Ну и из-за них, конечно, - согласился Селев.

Я быстро заправил штаны в носки.

***

С Селевым мы подружились почти сразу. На меня место под его руководством свалилось даром небесным. Кому нужен специалист со свежей кандидатской по моделированию мертвых языков? Никому. Как оказалось, никому, кроме Селева. В тот момент он как раз создавал кафедру межпланетных контактов, причем, как ни удивительно, на факультете философии. Втолковал руководству, что раз философия есть суперзнание, отпочковывающее все другие науки, то контактам здесь самое место, поскольку такой науки еще не придумано. Дифирамбы философии он, кажется, из советской идеологии почерпнул, хоть в нее никогда и не веровал. Но ему было все равно, при каком факультете числиться - где получилось, там и получилось. Я же стал первым и пока что единственным сотрудником.

***

По верху забора деловито пробежала белка, в зубах она несла огрызок кабачка. Я обернулся к Селеву.

- Разве белки едят кабачки?

- Здешние грызут - это точно. - Он хмыкнул и добавил: - Не жалко, этих фруктов у соседей завались.

Захотелось возразить. Просто так, без напора, чтобы было о чем разговаривать.

- Нет, так нельзя. Рушатся тысячелетние экологические связи, белки смещаются в огороды, елки опылять некому, лес страдает.

- Лес страдает, а злокозненные зверьки способствуют размножению бахчевых культур. Вит, ты и разгадал секрет урожайности кабачков. Пиши докторскую.

Посмеялись. Что же до докторской, он меня почти сразу уговаривать начал, но я пока сопротивлялся - от кандидатской отдохнуть не успел. Хотелось расслабиться, поработать несколько лет, как все люди - по восемь часов в день. Например, на дачи к друзьям поездить, а не вкалывать по двадцать четыре часа с лицом, озаренным сиянием грядущей карьеры.

Ошибался: день на даче оказался последним спокойным, да и то не целиком. В шесть часов у Селева зазвонил мобильный, мы как раз доедали шашлык, хорошо хоть уже доедали, а не только еще собирались готовить.

Сначала Селев только слушал и хмыкал в микрофон, потом расхохотался, сообщил, что уже откупорил вино и за руль сесть не может, на чем закончил разговор. Махнул рукой в сторону белки, возвращавшейся за новым кабачком, и поморщился: "Шутники". Обычное дело: наткнувшись на название нашей кафедры, даже очень серьезный человек испытывал юмористические пароксизмы.

Мы действительно пили красное сухое, и Селев разлил по стаканам его остатки. В конце концов, не дожидаться же, пока последняя порция мяса совсем остынет. Я проверил время - можно было посидеть еще пару часиков, потом заказать такси, ночевать в гостях на даче я не планировал.

- Не беспокойся, машины сюда быстро приезжают, город ведь рядом. А то и подхватит кто-нибудь, соседи дружные, сами предлагают. - Послышался звук мотора, и Селев закончил: - Вот хоть он.

"Он" оказался не соседом, новенькая машина немелкого класса не проехала мимо, а остановилась около калитки. Селев вышел за забор, поговорил с молодым человеком в летнем костюме и вернулся.

- Из администрации, на шутку уже не похоже, собираемся. Что-то нашли и за тарелку с при-

шельцами приняли. Не отвертишься, хорошо если не у военных какая-нибудь фиговина с неба хлопнулась, из-за них потом с безопасниками разбираться.

***

Ничего имеющего форму тарелки на месте посадки не торчало, а вот военных - пруд пруди. Оцепление, проверка, внутренний и внешний периметры охраны.

- Серьезно! - Я даже присвистнул прямо в присутствии заместителя мэра. А что такого? У меня с деньгами все равно жидко, а как у заместителя мэра - не мое дело.

За оцеплением картинка выглядела буколически. Перелесок, зеленая травка, несколько шаров разной некрупной величины, в разной степени блестевших на солнце. Впрочем, вблизи оказалось, что из-под одной сферы торчит раздавленная корова, подтверждая факт неожиданного приземления.

Заместителя мэра тут же оттеснил зам губернатора, выглядевший так, как каждый выглядел бы на его месте - человеком, ничего не понимающим и... Никогда еще мое прибытие не вызывало на лицах высокого начальства такой радости. По-

нимаемо - мы здесь вроде бы специалисты, и не важно, что изрядно от увиденного офигевшие.

- Взломаем, - сообщил оказавшийся рядом полковник.

- Вы уверены, что атмосфера внутри совместима с земной? - вопросительно посмотрел на него уже успевший взять себя в руки Селев. И добавил: - Лучше обсудить это с генералом.

Военный начальник с ним согласился, хоть мы и не поняли, который из двух аргументов его убедил: вопрос об атмосфере или предложение о гипотетическом генерале.

Я оказался менее устойчивым к туннельному переходу из теоретической науки в прикладную и еще часа полтора хлопал глазами, внутренне терзаясь на насущные темы "что же это такое", "неужели не снится" и "что же нам-экспертам теперь предпринять". Но все решилось без человеческого вмешательства - одна из сфер раскололась, выпустив наружу двоих коротконогих пришельцев.

Полковник, уже разобравшийся, что я здесь в качестве специалиста по инопланетным языкам, как-то по-детски подтолкнул меня в спину. Я шагнул вперед и, все еще не придя в себя, зачем-то спросил: "Хау ду ю ду?" Зачем? Мой акцент и

англичанина в тупик поставил бы. Да и распространен ли на инопланете этот малознакомый мне язык - большая загадка. Чтобы загладить ошибку, я добавил: "За силим, нитахкалгга".

- На каком языке вы говорите? - послышалось из-за спины.

- На шумерском, - перехватил вопрос Селев. И авторитетно пояснил: - Возможно, их раса посещала Землю раньше, вероятность подобрать общий язык увеличивается со временем.

Мое высказывание действительно имитировало шумерский - удобный язык, поскольку из-за акцента комплексовать не приходилось. Впрочем, правильно строить фразы я тоже не умел, диссертация моя касалась только отдельных слов.

Проникнувшись объяснением Селева, я использовал египетское, или скорее коптское, "уджай" и закончил древнегреческим приветствием "хайре".

Услышав первые же обращенные к ним звуки, пришельцы замахали руками, если можно так назвать отростки, торчавшие у них из спин. Я бы даже сказал - хвостами, но известно, что хвосты у разумных существ не растут. Селев же подошел к прилетевшим и мужественно потряс соответ-

ствующие ладони. Вернувшись, сообщил, что легкий тактильный контакт воспринимается всеми расами как проявление дружелюбия. Про себя же он наверняка добавил "весьма вероятно".

На этом идеи по установлению взаимопонимания исчерпались, я добавил на всякий случай русское "добро пожаловать" и глуповато замолчал. В конце концов, развитая межпланетная цивилизация должна и свои методы контактирования применить.

Цивилизация не применяла, пришельцы так и стояли, слегка помахивая руками. Поняв, что мой потенциал исчерпан, на передний край опять выдвинулся Селев. Речей произносить он не стал, а приобнял гостей и предложил прогуляться по окрестностям, благо погода располагала. Так они и двинулись втроем вдоль опушки, я следом на расстоянии в почтительные метра два, а сзади, еще более почтительно - полковник и двое в штатском. Остальная же армия держалась совсем на удалении и даже танком не рычала - если, конечно, у них был с собой танк.

Гости оживленно осматривались, то выдвигаясь вперед, то отходя в сторону. Тщательно исследовали наиболее толстые деревья, наклоняя лица к самым корням, ощупывали и иногда

даже комично к ним прислонялись. Вдруг на нижние ветви спустилась белка, инопланетяне оживились еще сильнее, начали подпрыгивать, привлекая ее внимание, а потом попытались бежать следом за зверьком.

- Ты что-нибудь понял? - обернулся на ходу Селев.

Я уже перестал надеяться на продвинутые технологии пришельцев, а на свои устаревшие языки не надеялся с самого начала. Поэтому мой ответ прозвучал грустно:

- Только то, что они не кусаются. Больше ничего, я же до сих пор только древними языками занимался.

- Если цивилизация более развитая, то и язык у них более древний. - Укором это не прозвучало, но грусти в голосе Селева было не меньше, чем в моем. - Наша теория универсальности основных разумных понятий тоже не помогает, надо было все-таки на дельфинах отрабатывать. Или на осьминогах.

Идею потренироваться на обитателях моря Селев высказал еще зимой, но руководство заявило, что даже себе отпуск на юга не оплачивает. В ответ Селев согласился ехать на Ледовитый океан, если декан найдет там дельфина. На том идею и

похоронили.

- Давай назад повернем, не круглые же сутки контактировать. - За день я изрядно устал, а обвальные впечатления добили меня окончательно. Не говоря уже о вкладе шашлыка с красным вином.

Мы покрутили головами и обнаружили, что пришельцы из-за деревьев еле видны. Вот был бы переполох, если бы гости потерялись!

- Свистни им! - зачем-то сказал я.

Бывают такие ступозные моменты, когда слушаешься, голову не прилагая. У Селева, похоже, мозг как раз такой момент и переживал. Профессор сунул два пальца в рот и засвистел. Пришельцы тут же показались из кустов и быстро засеменили к нам. Селев подмигнул и поднял указательный палец: дескать, учись, студент. Оставалось пожать плечами - сами инопланетяне никогда не свистели, значит, просто отреагировали на громкий звук.

Прогулка закончилась почти в сумерках, и гости, не проявив никакой прощальной вежливости, забрались в свой космолет, видимо, спать. Нас это несказанно обрадовало, тоже хотелось спать - и смертельно.

***

Не тут-то было. Только я добрался до постели, как ожил телефон. Странно, что он не трезвонил с момента, когда я открыл дверь. Наверное, спецы не дали новости слишком бурным потоком просочиться в народ. Звонила Катя, моя бывшая девушка - расстались с ней пару месяцев назад после мелкой ссоры. Без особой вражды - просто надоели друг другу.

- Это Кэт. - Она всегда так себя называла, а я язвил: "Потому, что радистка", она на радио работала. - Я в новостной отдел перешла, так что ты мне очень нужен. Рассказывай по-быстрому, что там в Подгоренском лесу случилось? Не отнекивайся, все знают, что тебя туда пустили.

Похоже, поспешил я с утверждением, что расстались мы без вражды. Не могла она не понимать, чем мне такой вопрос грозит. Пусть подписок я и не давал, но это пока спецслужбы в растерянности, да и не знала она об этой растерянности. Кэт определенно хотела, чтобы я выболтал главную военную тайну и меня расстреляли. Так что отнекиваться я все-таки стал. Это привело к бурной дискуссии и закончилось угрожающим "еду к тебе".

К собственному удивлению, вошедшей Кате я обрадовался. Соскучился, наверное. Похоже, и ей встреча не казалась неприятной. Во всяком случае, начатый по телефону спор угас после пары-тройки реплик, и Катя всего за полчаса вытянула из меня все, что хотела, а я из нее - только обещание придержать все вытянутое хотя бы дня два. На этом разговор закончился, но выспаться мне все равно не удалось, да и заснуть, понятное дело, тоже.

***

На следующий день нас опять доставили к тарелке, другого названия космическому транспортному средству никто не придумал. Катя наврала: на месте, откуда ночью убрали дохлую корову, размахивал газетой и цитировал мои вчерашние слова полковник. Одна радость - имени разгласителя военной тайны он не знал. Почему мои слова попали в печать, а не в радиопрограмму, осталось загадкой - у разгневанного военачальника спрашивать было бессмысленно, а признаваться в своем неумении хранить секреты - небезопасно.

День мой начался с попыток понять, как же с пришельцами разговаривать, и обещал теми же

попытками закончиться. Разговаривать не получалось, звуки, издаваемые гостями, выглядели однообразно не только для человеческих ушей, но и для моего спектроанализатора.

Зато у Селева все шло не так и плохо. Для начала они продолжили осмотр все тех же окрестностей, потом посетили соседний поселок, причем почетный караул нас на этот раз не сопровождал - гулять отправились только два пришельца, Селев и я с бесполезным, зато тяжелым анализатором.

- Смотри, - объявил Селев. - Простые жесты они понимают.

Он дождался, пока кусты зашуршали, и резко вскинул руку в том направлении. Пришельцы дружно повернулись и быстро двинулись исследовать причину шевеления листьев. Взмах рукой вдоль тропинки, и мы продолжили экскурсию.

- Здорово! - съязвил я. - И не надо бормотать "посмотрите направо, посмотрите налево". Когда нас из университета выгонят, в экскурсоводы пойдешь.

- Это только начало, - не обиделся Селев. - Не получится разговаривать - будем флажками махать, как на флоте.

- Ага, три главных сигнала: "идите сюда", "подите прочь" и "ловите белку прямо здесь".

Неспешным шагом мы вошли в пригородный поселок. Гости тут же завернули в магазин, где испугали продавщицу, осмотрели все полки и взяли на память кучу разных мелочей.

- Вернись заплати, - попросил Селев. - Чек на кафедре оформим как полевые расходы. - И добавил: - У них, похоже, коммунизм, раз товарно-денежных отношений не знают.

Я продолжал злиться из-за своей бесполезности. Поэтому возразил:

- Или феодализм - берут по праву сюзерена.

Сюзерены довольно смотрели на нас, слегка помахивая руками.

За углом обнаружился припаркованный кем-то кабриолет. Селев тут же забрался на заднее сиденье и хлопнул рядом с собой ладонью. Инопланетяне жест поняли и взгромоздились на указанное место, даже несмотря на то, что анатомия их к автомобильным диванам приспособлена не была. Стул справа от водительского был демонтирован, а садиться за руль, не имея ключа, то есть возможности привести машину в движение, было глупо, так что мне места не хватило. Впрочем, я и не претендовал, не нравятся мне самовольные вторжения на чужие территории.

Из подъезда выбежал хозяин автомобиля. На

лице его читались слова, готовые выплеснуться, как только расстояние сократится до гарантированно летального. Подбежал, разглядел инопланетян и застыл как статуя, забыв все накопленные лексические единицы.

Селев помахал ему рукой:

- Покатайте нас немного. Ваша техника произвела сильное впечатление на гостей Земли. - Видя, что мужик из ступора не выходит, добавил: - Внукам расскажете, как пришельцев на машине катали.

Так что мое предположение, что кабриолет с места не сдвинется, оказалось ошибочным. Их троих отвезли прямо к звездолету, а я даже не сообразил отправить с ними анализатор. Так и потащил его на себе пешком.

***

Поездка на автомобиле гостям понравилась. Во всяком случае, так я трактовал их оживление. А вот на лицах военных и инженеров оживление отсутствовало. Пока нас, а точнее - хозяев, не было, они тоже пытались получить удовольствие: лазили внутрь летательного средства с ответными визитами, но поняли не много.

- Вообще никаких органов управления. - Это

я подслушал разговор каких-то технарей. - Что докладывать будем? Восьмой отдел хоть жизнеобеспечением отчитается, а мы?

- Не отчитается. - Второй подслушанный страдал оптимизмом в еще меньшей степени. - Они тоже ни одного выключателя не нашли.

Продолжения услышать не удалось, подошел Селев, за ним генерал, да не просто, а с количеством звезд таким же, как у полковника. Только размером побольше - и звезды, и сам генерал. А вот смотрел он на нас с тем же самым выражением лица, то есть с надеждой. Похоже, акции наши не падали, несмотря на отсутствие научных прорывов. Хотя на кого еще надеяться, если общались с пришельцами мы, пусть и невербально. Да и зачем генералу научные прорывы? Генерал - гарант порядка и, возможно, чьего-нибудь спокойствия. Наука нужна нам и, хочется надеяться, человечеству. Но "нужна" и "имеется" - совершенно разные вещи, анализатору удалось расшифровать кое-какие звуки, но получалось, что они отражали лишь основные эмоции, а больше никаких результатов: слов мои алгоритмы выделить не сумели. Может, пришельцы информацию передавали неизвестным нам образом, а звуки использовали только для просодики? Поди

разберись, да всего за день-другой.

***

Утром третьего дня я открыл глаза с мыслью, что опять сплю один. К тому же ощущалась полная неопределенность: помирились мы с Кэт или ограничились деловым свиданием расширенного формата. В конце концов, она же по делу ко мне приезжала. Зато прямо с утра выяснилось, что инопланетяне нас поделили. Более крупный предпочитал общаться с Селевым, я же достался тому, который поменьше. Я тут же назначил своего самкой и стал ехидно подмигивать Селеву, который, соответственно, пришелся по вкусу самцу. И мы оба утешались самим фактом такого деления - можно было считать, что отношения развиваются и можно продолжать.

Транспорта у порога не оказалось, и я наивно посчитал, что интерес к нам со стороны начальственных лиц падает. Доберусь сам, зато, глядишь, можно будет спокойно тусоваться с пришельцами, надеясь на новые подвижки. В принципе, способ неплохой - лучшие идеи приходят, когда никто за твоей спиной не стоит, не подглядывает и не подгоняет.

Показалось, что все так и будет. Гости с утра

пораньше занимались физкультурой - то ли передавали друг другу, то ли отнимали один у другого местную земную палку. Мы наблюдали, анализатор коллекционировал восклицания. Но спокойно предаваться этим глубоко научным занятиям не получилось, не дали - часов в десять нахлынули журналисты: и наши, и зарубежные. Почему они не появились еще вчера, сразу после Катиной публикации, непонятно. Подозреваю, что отечественных держали вдалеке, пока новость не просочилась через границы, а тогда уж получилось как всегда - сенсацию от своих спрятали, чужим отдали. Но все равно навалились на нас скопом - и те, и другие: "Спросите мнение уважаемых гостей о... куда рептилоиды вторгнутся в первую очередь?.. что они хотели бы узнать про?.. нравятся ли наши?.." Отвечать нечего, не рассказывать же про вчерашнее вторжение в чужой кабриолет. Пресс-конференция за пресс-конференцией, инопланетяне, весело помахивающие руками, и мы двое, не способные перевести ни одного слова.

Во время короткого перерыва рядом нарисовалась Кэт.

- Та-ак! - Показалось, что это "та-ак" она будет тянуть бесконечно, и за это время можно немного

передохнуть. - Не замечаешь, игнорируешь.

В этом хаосе я вообще никого не видел.

- Виноват и не исправлюсь, - сообщил я и добавил: - Если четвертая власть не замечает, что творится со мной, то к чему мне замечать четвертую власть?

Зря, наверное, огрызался. Может, потому мы с Катей и разбежались, что слишком много друг друга подкалывали?

- Сама посмотри, сидим на даче, думаем над проблемами общения. Ну, чтобы через двести лет, когда человечество к звездам метнется, все оказалось подготовлено. Вокруг белки урожай собирать помогают, клещи трудолюбивые, остальное разнообразие зверушек. Благодать! И вдруг хлоп - применяй умения, которые планировал еще лет сорок изобретать, да и те сорок - исключительно с точки зрения наивного оптимизма.

Неожиданно для меня Кэт прониклась. Или притворилась?

- Хорошо, вечером поговорим, сообразим что-нибудь.

Или это она мне свидание назначила? Ну и ладно, закажу вечером еду повкуснее, и обсудим.

***

Как только СМИ-шабаш попытался продолжиться, Селев взял слово:

- Уважаемые журналисты и репортеры, наши гости с... - Точка отправления инопланетян оставалась, конечно, загадкой. - Из космоса не ради разговоров сюда прилетели. Их цивилизация вложила в экспедицию огромные ресурсы, контакт установлен. На ряд вопросов Земля получила ответы, остаток своего ограниченного времени пришельцы посвятят ознакомлению с нашей цивилизацией. И уверьте своих читателей, а также зрителей, что выведывать они ничего секретного не будут.

Наверное, Селев неплохо играл в покер - ни про краткосрочность пребывания, ни про вложенные чужой расой ресурсы мы понятия не имели, тем более и Земля не получила никаких ответов, если не считать устаревшего еще позавчера вопроса о нашем одиночестве во вселенной.

Так просто журналисты не разошлись бы, но появившийся на переднем крае генерал профессионально разрулил ситуацию. Он не командовал и тем более не повышал голос. Но так строго смотрел в зал, что даже самые прожженные жур-

налюги поняли - ловить больше нечего.

***

Вечером Кэт появилась у меня, даже не позвонив. Ладно бы в другой момент - любая уважающая себя женщина уверена, что ее ждут всегда и постоянно в любое время, - но ведь сейчас не время, а сплошной форс-мажор! Пришельцы, пресс-конференции, генерал-полковник, в конце концов.

Катя сразу объявила, что не информацию выжимать приехала, а мне помогать. На проявленный мною интерес к ее идеям по расшифровке "звездного" языка сообщила, что ничем подобным загружаться не собирается, а поскольку давно со мной знакома, уверена, что надо просто разложить все по полочкам.

Она действительно знала меня давно, и я грустно рассказал, что техникой доставшиеся нам инопланетяне не интересуются, компьютерные экраны игнорируют, а предпочитают гулять вдоль лесных опушек. Впрочем, годятся и парки, и даже скверы. То есть на достижения цивилизации внимания не обращают, а вот от зверья, даже от жуков всяких и муравьев, приходят в состояние экзальтации.

- Чему удивляетесь? - отмахнулась от моих переживаний Кэт. - Техника своя у них в разы сложнее и интереснее, а вот жизнь на Земле ничуть не хуже. Может, даже и лучше, разнообразнее.

- И без вашей журналистской хватки понятно. Наверняка их цивилизация по мере развития тоже природу уничтожает. Нам с Селевым при этом что делать? - Получилось слишком пафосно, и я добавил: - Во всяком случае, мы проблему понимаем.

- Что делать вам - вопрос комплексный. В том смысле, что вам мешают собственные комплексы. Ученые всегда хотят больше, чем могут, профдеформация такая.

Я хотел сказать, что у всех такая профдеформация, но не успел вставить слово, а потом решил не нарываться, поскольку Кэт уже перешла к "раскладыванию по полочкам".

По ее мнению, мы и так достигли больше, чем надо для получения всяких орденов и званий. Контакт установили, и можно сказать, тесный, инопланетяне узнали, что на Земле им рады. Лично с пришельцами подружились, гуляли и разговаривали, пусть даже не понимая ничего. В результате человечество избежало межпланетной войны и приобрело во вселенной авторитет.

В том, что межпланетная война стояла на повестке, я изрядно сомневался, так же, как и насчет вселенского авторитета, но Катины идеи впитал. Действительно, завышены были ожидания и у нас с Селевым, и у всего человечества. Ведь на самом деле неплохо получилось. Во всяком случае, дружественность выразили обе расы, причем на переднем плане этого выражения оказались именно мы двое. Пожалуй, действительно можно было рассчитывать на известность, пусть даже утверждение Кати об учреждении для нас новой Нобелевской премии основывалось на незнании принципов этой самой премии.

***

Телефон мелькнул экраном, но не зазвонил - вечно забываю выключить беззвучный режим. На этот раз во благо - звонок разбудил бы Катю. Я убежал в коридор и ответил оттуда. Селев.

- Спи спокойно, пришельцы улетели.

Узнаю научного руководителя - разбудить, чтобы посоветовать спать дальше.

По любому утро было не раннее, и я занялся стратегическими раздумьями, как бы бесшумно сварить кофе. Замкнутый круг - без кофе стратегия не складывалась, и я забрался обратно в

постель.

Прозвучала барабанная дробь - соседский мальчишка съезжал по лестнице на электросамокате.

- Что это? - проснулась Катя.

- Белка. - Не знаю, почему меня потянуло на шутки.

- Думала, может, дятел? В детстве у меня под окном жил дятел. Только странный, такой - как трава.

- Зеленый дятел. Редкий. - Это мне вспомнился школьный зоологический кружок.

Катя прижалась ко мне, и я добавил:

- Если бы я знал, что в детстве под твоим окном жил зеленый дятел, то любил бы тебя еще больше.

***

Мы опять сидели на даче у Селева, доедали шашлык под красное вино, разговаривали. Я поглядывал то на наши заправленные в носки штаны, то на окружающую зелень. В поисках клещей. Как и в прошлый раз, вокруг все зеленело и цвело, а вот белка тащила кабачок не по верху забора, а по земле вдоль него. Неудивительно: овощи за неделю изрядно подросли.

- Белка, бе-елка... - Селев как бы пробовал слово

на вкус. И вдруг спросил: - Как звали первых космонавтов?

- Гагарин, понятное дело, потом Титов, потом не помню. Еще была Терешкова, тоже первая, но по половому признаку.

Лицо Селева показало - ждал он чего-то другого.

- Как думаешь, почему наши друзья цивилизацией не интересовались и не разговаривали, считай, совсем?

- Ну, если профессор не знает, то чего ждать от научного сотрудника, - ушел в оборону я.

- Не знает, - наклонил голову Селев, - но имеет гипотезу. Точнее, она только что в голову пришла. Первого земного космонавта звали Белка. Или Стрелка - точно не помню.

Пауза позволила мне повспоминать пришельцев. Прогулки на природе, внимание к фауне, да и вообще... Пожалуй, что-то в идее Селева было, логично ложилось. Спорить на этот раз не хотелось, но я все-таки уточнил:

- Первой была Лайка. - Подумал и смягчил: - Но ее в один конец посылали. А наши улетели, значит, наши - Белка и Стрелка, те собаки тоже в паре летали.

И, вспомнив наставления Кати, добавил:

- Давай твоя гипотеза между нами останется. Дураками перед всей планетой выглядеть не хочется.

Юрий Лойко

Я есть цвет

Цвет. Столько мучений, чтобы найти свой оттенок. Искусство. Настроение. Чувства сворачиваются в клубок, и каждую секунду рождается образ, способный изменить настроение всей работы. Взгляд цепляется за детали, кисть дрожит в неведении, хотя минуту назад я мог видеть замысел во всех деталях.

Стою на скалистом обрыве с привязанным к стволу дерева мольбертом. Ветер бросается неистово, переворачивает палитру и срывает холст, уносит в насупленную желто-коричневыми тучами даль.

Лазурный океан волнителен. Молнии распарывают тучи и рассекают воздух. Улыбка радуги содрогается от попыток ее изобразить и - пресловутый цвет ускользает. Руки не опускаю, тяну их к стихии и вожу пальцами так, словно непогода на чужой планете - новый холст. Рана в тучах затягивается, рождается свежая палитра. Закрываю глаза и открываю вновь - пустота от непонимания обволакивает сердце. Вижу неве-

домые цвета.

Просыпаюсь и протягиваю руки в пустоту, в каждой зажаты кисти, очертания холста растворяются в темноте. Сердце колотится, как молот. Смотрю в окно: ночь не снимает черные покрывала. На горизонте всплеском сиреневого и серого размазывается по небу сонное светило. Привет, Зинон, планета из соседней Галактики. Столь далекие перелеты возможны с механизмами Киншина, они переносят человека на большие расстояния, используя волны мозга во время творческой работы. Низкий поклон академику Андрею Киншину за его открытия по трансформации энергии мозга в энергию перемещения. Не нужно тратить многие года, всего лишь - пятьдесять, и ты на месте. Восстановление после перемещения может занимать недели: апатия, слабость, галлюцинации, но впечатления перекрывали затраченные силы.

***

Взгляд падает на холсты рядом с кроватью. Неделя выдалась плодотворной: сколько веяний от неба и леса, холмов и птиц! Спрыгиваю с кровати и хватаю сумку с палитрой одной рукой, другой - бережно сложенный мольберт. Забываю

о завтраке, сне и о многом другом, ведь наступает новый день, врата неизведанного открываются вновь.

По улицам ползут горчичные полосы света, небо наполняется радостью солнца. Взбираюсь на холм и ставлю мольберт, разворачиваю холст. Вскидываю руку, как дирижер. Начинаю короткими мазками оживлять, переносить видения как можно ярче, сильнее. Пшеничное солнце, лимонные облака, светло-желтые деревья. Обдумываю работу спустя несколько часов и отворачиваюсь от своих стараний. Безмолвно и беспощадно.

Работы выставляю на ярмарке вечером того же дня. Страх и разочарование не покидают, даже когда местные жители покупают несколько картин. Переселенцы с Земли, странники, прилетевшие осваивать колонии за хорошее вознаграждение в пригодной для жизни атмосфере.

Один мужчина вынимает деньги и протягивает мятую купюру со словами о сказочном мысе Айя. Удивительный мир для творца на берегу мощных скал. Настроение цветовой гаммы напоминают незнакомцу о тех местах. Спрашиваю о мысе, но человек тяжело вздыхает и называет село Гончарное, где он бывал много лет назад, но пришлось уехать по личным причинам. Он берет

картину под мышку и уходит.

Деньги небольшие, если обменять на земную валюту - хватит на билет до Сириуса, от него до Марса, а там и до Земли недалеко. Меня сковывают досада и боль. Соединить их становится задачей едва ли выполнимой. Разочарование хватает за горло от одного взгляда на итог моих изысканий: мазки да и только. Красиво, живо, но вычурно и серо. Я вижу иначе, цветами, не способными передать мое состояние. Вот и летаю с планеты на планету, где найдется нужный цвет, чтобы его оттенок смог передать состояние, переполняющее душу чувство экстаза.

На Землю все же не спешу, долго смотрю на купюры зинонских денег перед окном электронной кассы и вставляю их в щель. В ответ выпадает билет до Антареса, планеты на краю Галактики в созвездии Антиса. Выхожу в зал ожидания космопорта и думаю о Лене. Я обещал ей вернуться к Новогодним праздникам, но задержусь на столько, сколько позволит совесть. Ее голос непрестанно звучит в голове: "Артем, дни и месяцы кажутся вечностью, когда думаю о тебе. Я едва свожу концы с концами. Просто подумай, как нам выживать? Как мне ждать тебя долгими скупыми вечерами?" И полные слез глаза. Глаза жены, как

чаши терпения, сливающие по каплям грусть.

Поправляю под мышкой сумку с красками, сажусь в корабль и погружаюсь в сон на время полета. Просыпаюсь с мыслью о Лене и цветах памяти. Ящик в дальнем углу комнаты воспоминаний приоткрылся и приподнял занавес над семинаром в университете изобразительных искусств. Третий курс. Застываю у мольберта и не моргая гляжу на развернутую палитру цветов у мольберта. Холст вынес мои порывы сознания через яростные мазки толстым слоем краски. Точки, линии, смешанные чувства и комок в горле от бессилия.

- Новинов Артем, в чем дело?

Иван Петрович, скрепив руки в замок, стоит рядом и смотрит поверх очков на смелые попытки ученика. Глаза подернуты мудростью, брови вскинуты, тронутые сединой волосы лежат так, словно мое смятение нагнало на них смерч.

- Я сам не знаю, Иван Петрович.

- Не просто так я задал вопрос, если один из лучших учеников ничего, кроме мазни, показать не может!

У дальней стены, прикрыв рукой обнаженную грудь, позирует голая девушка. Гляжу на нее один раз и переношу цвета по памяти, но потуги

выше моих сил, они обволакивают отчаянием сознание.

- Еще раз спросить?

- Я не могу передать цвет моего настроения.

- Вот как? А как вы собираетесь быть художником? Напомню: не становиться, а быть?

После недолго молчания отвечаю:

- Я хочу не быть, а ощущать себя художником. Открывать новые горизонты цвета.

Некоторые ученики оборачиваются и бросают на нас издевательские взгляды.

- Великими художниками рождаются, а не становятся, Артем Новинов. Как только вы поймете свой образ мира, вы перенесете его на холст. Пока я вижу мазок без намека на талант.

***

Антарес богат на оттенки красного. Если на Зиноне чаще других преобладал желтый, то кровавые мотивы вгоняют душу в состояние паники, близкой к безумию. Пишу восходы и закаты на вершине скалы, омываемой реками багровых вод. Снова и снова перемешиваю краски и долго настраиваюсь, но смотреть на итог мучений решаюсь спустя часы, иногда дни. Дорабатываю ночами, прислушиваясь к ветру в

трубах пристройки к сараю у одного из землян, поселившегося на Антаресе по программе заселения и освоения кислородных планет. Дышать здесь трудно, воздух сильно разряжен, последние деньги уходят на кислородные маски. Показываю владельцу сарая свои работы, он вглядывается и молча кивает. Спрашиваю про некий мыс Айя и получаю ответный взгляд, полный подспудного чувства грусти. После недолгих уговоров платит гроши за надуманные закаты и восходы. Надуманные, ведь они по-прежнему не мои, не от сердца. Пора на Землю, к Лене, на родные места.

Земля.

Космопорт родной планеты наполняет внутренним покоем, безмятежным духом творчества. Предвкушение работы, потерянное на чужих просторах. Сажусь в метро и еду, полный тяжелых мыслей, к жене. Лена встречает с натянутой улыбкой на губах. Синяки под глазами, нелепо завернутые в пучок волосы и высохшее от бессонных ночей лицо не скрывает ее природной красоты в движениях и голосе. Мы садимся на кухне и за чаем говорим несколько часов. Конечно, я рассказываю истории и непроизвольно нащупываю в кармане пустой кошелек.

- Прости, - говорит Лена дрожащим голосом,

- Просто ждала тебя, потеряла счет времени раньше, чем поняла, что схожу с ума.

Взгляд жены гуляет по блеклому гарнитуру кухни и опасливо задерживается на мне. Молчание бьет по ушам. Она прикрывает рот рукой, пальцы заметно дрожат.

- Где ты был все эти годы?

Слезы набухают и стекают с ресниц на щеки, растягивают мокрые следы на коже.

- Лен, скоро все наладится.

- Где ты был? - повторяет она, едва сдерживая плач. - Нет, я знаю, ты ищешь признания. Но почему я одна даже сейчас?

Вместо ответа сажусь рядом и обнимаю Лену за плечи, прижимаю к себе так сильно, как могу. Мы прикасаемся лбами и сидим в молчании.

- Я потерялся в себе, не могу бросить мечту стать художником. Во время учебы я твердо знал: без свободы мысли я никак не найду свое состояние. Свое настроение.

- Меня едва не выставили на улицу, - вдруг меняет тему Лена. - Ты присылал деньги, спасибо, но их едва хватило на проживание. Если б я не работала в магазине, то давно бы уехала в неизвестность.

Глажу Лену по голове и осматриваю заставлен-

ный коробками коридор. Вещи в них пылятся месяцами, некоторыми мы пользуемся и кладем обратно, чтобы переезжать снова. Будь то прихоть хозяина квартиры или решение сменить город в поисках нового заработка.

- Прости, прости, я не могу остановиться. Поехали вместе.

- Куда на этот раз? - Лена отстраняется и закрывает лицо руками.

- На Антаресе я поговорил с бывшим землянином и узнал о селе Гончарное. Оно в лесу у мыса Айя, на берегу моря. Я никогда там не бывал, но многие художники посетили его на пленэрах. Моя последняя возможность найти дверь в свой мир и перенести его на холст.

Лена встает и покидает кухню. Возвращается спустя минуту и вздыхает со словами:

- Я никуда не поеду, Артем. Не могу все бросить ради твоих мечтаний. Не сейчас, у меня работа, здоровья мало и никакого желания переезжать в который раз! Посмотри, посмотри на все эти коробки, пакеты! Сколько еще квартир мы сменим, сколько денег отдадим чужим людям прежде, чем у нас появится хоть что-то свое? Свой уголок?

- Для этого я стану художником. Просто найду себя в цвете.

- Сколько раз я слышала одно и то же, Артем.

Лена садится на стул и содрогается от рыданий, но успокаивается после того, как глажу ее по спине и прикасаюсь губами к мокрому от пота лбу.

- Тебе нужно к врачу, милая.

- Оставь меня, прошу. Чем скорее ты найдешь себя, тем скорее мы вернемся к нормальной жизни.

Разговор не поддерживаю и встаю за плиту, чтобы приготовить ужин. Вечер проходит неспешно и скупо. Как и последующая неделя. Минуты становятся часами, часы - днями. Струны нервов натягиваются от меня до жены и не позволяют лопнуть их прикосновением острых пальцев обиды.

***

Комнату в селе нахожу после серии звонков, собираю вещи, но ловлю себя на мыслях о призвании. Оно прячется где-то рядом, ощущаю его кожей, втягиваю носом сладкий запах встречи с самим собой на скалистых берегах мечты. Где-то за ними, томно раскрывая рты, кричат преподаватели и родители. Кричат о том, что пора найти обычную работу и спокойно жить. Отры-

вок из школьных лет хватается за плот жизни и открывается во всей красе. Одинокими вечерами и ночами набрасываю рисунки в тетрадях и блокнотах, вывожу линии с напряжением не только в руке, но и мыслях. Виски пульсируют, губы дрожат от волнения, хотя мне десять лет. В комнату входит отец. Бесшумно кладет руки на мои плечи, наклоняется, обдавая прокуренным и влажным дыханием. Его вопросы сыпятся камнями на голову, бьют по макушке. Без дрожи в руках он хватает наброски и рвет на части. Кладет учебники с грохотом и ненавистью. "Пора получать знания, учиться и готовиться к жизни." Так он говорит из года в год. И всегда прав. Всегда.

Море представляется мне непознанным миром надежд и испытаний души. Стоит прикоснуться, осмелиться и - безграничность накроет с головой.

***

Собранную в дорогу сумку прячу в шкафу и решаю остаться. Задумчиво сижу на кровати в день отъезда. Лена, посвежевшая за время короткого перемирия, садится рядом.

- Если ты не решишься, то не простишь себе

этого никогда. И я себя не прощу, если каждый день буду видеть тоску в твоих глазах. Через год сорвешься на меня и станешь пить. Нет, нет, езжай, но вернись, только вернись.

Сказать на такое нечего. Встаю и целую жену в губы. Сухо, но крепко. Сердце стучит в груди и ушах, отдается болью в глазах. Пишу ей адрес, где буду жить, и выезжаю. Дорога растягивается на вечность, время просачивается в поры на коже и оседает во мне несмываемым грузом вины. Уже в автобусе до Гончарного, на закате дня понимаю: неделя с Леной растапливает куски понимания, чего же мне не хватает, но не смывает пятна цвета с других планет. Оттенки, тысячи и тысячи оттенков желтого и красного обретают формы чувств. Во время разговора на кухне в день возвращения мир подернут бордовой дымкой, за окном догорает алый костер злобы. Дни и ночи после беседы наполнены песочным сиянием тепла и надежды. Чувствую эти цвета как никогда: напряжение и печаль, смешанные с принятием и безысходностью.

Гончарное наполнено платиновым свечением. Изнутри, из каждого дома. Закрываю глаза и смотрю снова - темнота. Лишь манадироново-желтый свет из окон ложится прямоугольниками

на землю. Сплю, гуляю, знакомлюсь с местными жителями, вдыхаю и пью полной грудью морскую свежесть, делаю наброски в лесу у подножия холмов. Ничего странного не замечаю в мыслях и людях. Разве что цвета меняются день ото дня и преобладают те, что я откладываю в ящики памяти. Оттенки. Наброски состояний природы на холсте складываю и убираю, иногда разрываю на части. Смотреть на них не хочется. Собираюсь в поход на озеро в лесу. И чуть позже осмелюсь найти дорогу к заветному мысу. Местные жители говорят, на пленэр ходит старый художник и рисует часами, достигая невероятной живости и совершенства техники.

Поздним вечером вспоминаю: телефон лежит дома на тумбочке у кровати. Пусть лежит. Спрашиваю у хозяйки, дородной женщины лет шестидесяти о связи.

- Позвонить? Конечно, Артем, обращайся, - с улыбкой на шершавых губах говорит Матрена Ивановна. - Вот вы, художники, все такие. Лишь бы не думать о городах и родственниках.

Утро следующего дня подергивает холмы туманной дымкой. Стою на пороге и сонными глазами вглядываюсь в небо: серый цвет переливается неведомыми оттенками на заре и

вытесняет другие краски. Около двух часов в пути, из головы не выходят желтый и красный, немного синего припрятано в душе и оставлено место для серого. Путешествия по чужим планетами делают физический глаз шире и взгляд просторнее.

Тропа витиевато гуляет меж соснами и выводит-таки к вырезанному осколку стекла у основания холмов, заросших соснами. Подхожу и вижу девушку с румянцем на щеках от утреннего холода. Воздух в низине стынет и не прогревается с заметным упорством. Платье облегает тщедушное тело незнакомки, глаза скорбно опущены, кончики пальцев изящно водят по стоячей воде.

- Доброе утро, - слышу мужской голос.

Поднимаю застывший взгляд и вижу седеющего человека неподалеку. Он сидит за мольбертом и выглядывает, прищуривается проваленными в глазницах глазами. На исхудавшем лице их едва можно разглядеть - две черные точки среди вертикальных борозд морщин.

- Доброе.

Девушки не вижу, озираюсь несколько секунд, едва не сажусь на землю от изумления. Ставлю вещи, зажмуриваюсь, открываю глаза вновь. Ничего не меняется.

- Располагайтесь, коллега. Меня зовут Геннадий Седов, я живу здесь недалеко, в полузаброшенной деревне с населением в двадцать человек. А вы из города?

- Из города, - выдавливаю из себя слова и подхожу к Геннадию. - Артем Новинов меня зовут. Наслышан про вас и про озеро, вот и затеял прогулку по лесу, но с моими вещами она отнюдь не приятна.

От волнения и встречи не пытаюсь рассказать о девушке, слишком призрачно видение.

Замечаю на холсте старого художника отважную игру цвета - деревья, небо и озеро размазаны с ненавистью в сердце. Лишь приглядевшись, открываю сочетания цветов. Я чувствую их глубину и на мгновение задерживаю дыхание. Над ним застывает облако цвета карамельного заката и его отражение в озере проступает серебром. Серебром?

- Как же так, уж простите!

- Сразу к делу, - Геннадий кивает, - вы мне нравитесь, Артем. Говорите смелее.

- Вы нарисовали отражение облаков в воде, но они не передают оттенки зари.

- Еще как передают. Следи за моей рукой.

Ставлю вещи рядом и застываю. Внимание пе-

реключается на руку художника. Он перебирает пальцами и начинает водить ими над собой, совсем как девушка на зеркальной глади озера. По небу неторопливо плывут пропитанные ванильно-карамельным светом облака.

- Смотришь на них?

- Да.

- А теперь встань за мной, вглядись в отражение.

Замечаю, но не сразу, как оттенки зари преображаются, вода поглощает цвет и отдает свои оттенки облакам.

- А вы правы.

- Теперь подойдите ближе и сравните игру света.

- Света в отражении?

- Именно.

Подхожу к воде и опускаю глаза. Проступает ваниль, припудренная серебром. По спине бегут мурашки, ладони пропитываются потом от борьбы с волнением.

Спустя время рисую так долго и упорно, как только могу. Цвета мирятся с моим присутствием. В конце дня решаюсь смотреть на свои работы: вижу брошенное в лесу стекло, окруженное соснами. И на пропитанной зеленым живой стене

из деревьев лежит свет воды: металлический, смешанный с серебром.

Напрягаю память, ничего не могу понять. Приподнимаю дрожащие от усталости руки над палитрой. Чувствую дрожащими пальцами, они касаются свежей краски на холсте и впитывают состояние. Оторопевший от напряжения, но довольный, возвращаюсь в комнату к восьми часам вечера. Матрена Ивановна заглядывает и выдерживает паузу.

- Артем, вы не хотите поесть? Я приготовила для вас картошку, молоко.

- Спасибо.

Сажусь за стол, поглядываю в окно. Где-то у сосен прячутся мысли, выглядывают и наблюдают. Они ждут своего часа, чтобы соединиться с чувствами и показать путь к мечте.

- Вы, кажется, собирались позвонить Лене.

- А? Да, хотел. Не одолжите завтра телефон?

- Хоть сейчас.

Матрена кладет телефон на стол передо мной и тихо выходит. Смотрю на затертые кнопки и набираю номер. На другом конце почти сразу отвечает вялый голос жены. Слова камнями срываются с ее губ и летят в пропасть боли.

- Лена? Лена! Милая!

Вскакиваю со стула, он падает, и гулкий звук бъет в сердце, гонит мысли из леса сознания. Пустота тотчас наполняется страхом.

- Артем, милый, - шепчет Лена в трубку. - я в больнице, не пойму, что со мной. Температура под сорок, голова раскалывается, грудь сдавлена, врачи разводят руками.

- Дорогая, прошу тебя, не говори много, отдыхай...

Пытаюсь сглотнуть слюну, горло саднит от сухости и рвущегося крика. Опускаюсь на пол и слышу сопение по ту сторону телефона.

- Найди свой цвет, - кряхтит Лена из последних сил. - Найди, найди.

Короткие гудки.

Не сплю до утра. Наполняюсь игрой света зари, замечаю мелькание теней за соснами. Запихиваю в себя еду и срываюсь с места с сумкой и мольбертом в руках.

На пороге останавливает Матрена. Смотрит в глаза, сочувственно кивает.

- Я слышала ваш разговор, уж простите. Помогите ей, Артем, всей душой помогите.

Безмолвие окружает и сбивает ритм шага. Идеи и чувства беспокоят листву, отчаяние ветром бросает пыль под ноги. Озеро выныривает из леса

внезапно. Сдираю с себя остатки сна и дышу как можно глубже.

- Вы сегодня рано, - слышу где-то рядом.

Геннадий привычно прикрыт мольбертом.

- Что-то случилось?

- Жена больна, счет идет на дни, если не на часы. При этом она умоляет закончить работу.

- Так же просила моя Кира.

Вздрагиваю и задерживаю дыхание от волнения.

- Моя дочь. Она была удивительной девушкой, любила природу и людей, пока не уехала в город учиться на ветеринара. Помогать животным - ее мечта с детства, но город сломил ее волю и здоровье. Больница, лекарства, бессонные ночи. И что же? Здоровью конец, ведь мегаполис не для творческих людей, он глушит крик души и возвышает плоть. Но я не знал, не знал до последнего дня, что она больна. Не хотел ее отпускать в большой мир, понимаешь? Я много работал, забывался в работе, пропитываясь красками мира и накладывая на палитру собственные чувства. Так в моей жизни появился мыс Айя. Затем - озеро, где любила гулять Кира, я нарисовал его так, как никогда не рисовал. В день смерти дочери в реанимации. Если бы я чаще ей звонил, выходил

из своей скорлупы... Если бы.

Стою и вижу рябь на воде, потемневшей от теней туч. Солнце подмигивает лучиком света из-за сопки. Брызгает свежестью дождик.

- Не теряйте времени, езжайте к ней и прихватите себя истинного, - добавляет Геннадий.

- Да, себя. И я есть цвет.

Иду по тропе, петляю между сопками и выхожу к обрыву. Отвесному и скалистому цвета пепла после сожжения мостов к прошлой жизни. Вскрикиваю от увиденного: исполинское, безграничное и глубокое синее покрывало моря. Внизу сдерживают натиск волн глазные яблоки гор - шарообразные валуны. Из воды щерятся ввысь начищенные ветром и намытые дождями скалы, утренний свет ложится на изрытые трещинами пологие склоны ало-желто-пурпурными мазками. Иду вдоль обрыва и нахожу спуск по витиеватой тропе к плоской скале с видом на каменного носорога, пьющего море. Мыс Айя, играющий светом нового дня и серыми оттенками моря до горизонта. Смесь желтого с Зинона, красного с Антареса и ванили, серого, синего с Земли. Скала-рог, зуб из воды серо-желто-синего цвета. Святой и небывалый. Он сжимает сердце и разворачивает взгляд в глубины души.

Море становится голубоватым у носорога, но сизым и серебристым у горизонта, и апельсиновым с зеленоватым оттенком где-то в середине холста. Отхожу на несколько метров и любуюсь работой. Смотрю на живое море и на сотворенное силой сознания море на холсте, на скалы и их новые копии, оживающие у меня под онемевшей рукой. Вдруг краски сбрасывают с себя оковы утра и дня, одеваясь по-новому. Осматриваюсь. Наступает вечер, снимаю холст и ставлю новый. Голова кружится, горло сдавлено, рвется крик восхищения, глаза слипаются, но руки уже пишут мир. Мой мир через краски Айя, припудренные оттенками с других планет.

Просыпаюсь на обрыве. Лежу на скале, в спину упираются камни, рука распростерта над пропастью. Одно движение - и сольюсь с морем, камнями на веки вечные. Поднимаюсь и кричу от боли. Наверняка тело покрыто синяками. Смотрю на холст. Теряю время, оно карамелью тянется вдалеке от меня. Не в силах оторвать взгляд от гармонии красок на картине. Начинаю понимать: желтый с Зинона - смесь заката и восхода на Земле, красный с Антареса - неистовые языки света над горизонтом в преддверии заката и рассвета. Божественная игра. Вперемежку с

игрой света на мысе Айя и мягким серебром из озера скалы обретают жизнь, вторую жизнь в моем сознании. Мысли и чувства выходят из леса и бросаются ко мне, они возвращаются.

Собираю вещи, бреду в изнеможении по тропе. Прохожу озеро и бросаю короткий взгляд на отражение неба. Оно смешивается с теплотой ало-серой глубины едва заметного тумана над гладью воды. На другой стороне наблюдаю Геннадия. Он изящно, напряженно взмахивает кистью. Рядом, поджав колени и положив голову на плечо отца, пристроилась девушка в платье вечернего отражения облака в воде. Коса ручьем стекает на грудь и застывает в изнеможении от чувств смотрящего. Устало опускаю глаза. Он рисует, он с дочерью, он счастлив здесь, на родном месте Киры. Сила воображения, призвание и любовь ломают устои жизни и затягивают петлю на шее больших городов. Гена и Кира сильнее смерти.

***

Вернувшись в село, безмолвно собираю вещи и в беспамятстве преодолеваю путь до города.

Потный, пропахший морем, солеными брызгами и красками, стою в больнице у кровати Лены. Белая, как голый холст ранним утром на холме, милая приоткрывает глаза и вдыхает ртом воз-

дух. Изумление застывает на ее лице.

Разворачиваю свои работы одну за другой, ставлю на мольберт. Цвета наполняют скудно освещенную вечерним светом палату. С соседних кроватей встают люди, но я вижу их тени, наполнить их жизнью и цветом не решаюсь. Замечаю лишь Лену, раскиданные по подушке волосы и кожу, украшенную румянцем.

- Боже, боже, - вылетает из ее горла.

Сажусь рядом, мы вместе смотрим на картины. Две картины мыса Айя утром и вечером. Смесь оттенков наполняет жаром, сознание - очарованием, чувства - смыслом и верой в происходящее.

- Море, оно синее, голубое и серое и движется, я вижу, я..

- Тише, дорогая, тебе нельзя говорить, - волнительно говорю и касаюсь ее щеки своей щекой. - Я нашел свой цвет. Мы нашли его.

Все смотрят на работы и видят ползущие по скалам восходы, закаты, они сменяются переливами от звезд на ночном небе. И даже тогда каменный носорог светится от собственного сияния, подаренного цветом айя.

***

Время становится нашим другом. С каждым часом Лена улыбается шире, температура спадает и через два дня мы дома разбираем балкон от запылившихся работ. Переезжаем в Гончарное, снимаем комнату у Матрены Ивановны. Я пишу каждый день новые оттенки леса, отражение света на соснах и елях, игру ветра в кронах и пытаюсь отразить - сначала в сознании, а потом красками - сгустки рассвета на кончике рога и исполинского Зуба у мыса.

Лена помогает, подсказывает, как доработать настроение цвета и договаривается с арендой зала в городе. Первая выставка собирает десятки зрителей, вторая - сотни, третья - десятки тысяч. Через год покупаем дом в селе и квартиру и в городе.

Помогаю Матрене Ивановне деньгами, ее домик преображается после ремонта.

Геннадий у озера не появляется. Ищу деревню, где он живет, но местные жители говорят: он меняет место жительства с незавидной частотой. Надеюсь, мы снова встретимся и найдем цвет озера в память о Кире. Не цвет отражения, а истинный, живой и вечный цвет озера. И облаков.

Александр Тарасенко

Человек, который не хотел умирать
(Из записок симпосиарха)

1. Ремарка редактора

Премного благодарен вам, друзья мои и сотрапезники, за приглашение присоединиться к вашей доброй компании. О застольных беседах в этом гостеприимном доме слышали многие, но участвовали в них немногие. Надеюсь оправдать ваше доверие. Поверьте, было очень интересно послушать истории, рассказанные представителями разных профессий: биологом, корабельным врачом, океанологом, химиком и бывшим прогрессором. Тут я все же сделаю примечание: как говорят, бывших прогрессоров не бывает, поскольку прогрессорство - не профессия, а призвание. Что, коллеги? Прогрессорство - диагноз? Может быть, и так, очень похоже на правду. Мне трудно судить, ведь я перебрался сюда с Земли сразу же после закрытия этого славного проекта. Вижу, вы согласны с тем, что прогрессорство было славной страницей в истории Океании! Да,

тогда-то сюда хлынули желавшие расселиться в здешних прекрасных местах, среди них оказался и я. Поэтому я мало знаком с этими прославленными мужами.

Так вот кажется мне, что на этом симпосии представлена почти вся наша Академия наук, но уж точно ваши рассказы много занимательней докладов этих седых мужей! Мне даже захотелось собрать их в качестве Приложения для своей диссертации "Земляне в иных мирах: проблемы и решения". Скажу прямо: буду рад опубликовать эти беседы, если, конечно, вы не возражаете. О нет, не торопитесь с ответом, но прежде обдумайте мое предложение. Для любого издателя подобные разговоры - находка. Уверен, они буду интересны многим читателям, как на Океании, так и на Земле. Вот за такую перспективу, уверяю вас, стоит выпить этого прекрасного вина. Поднимаю свой кратер за это!

Я же как сегодняшний рассказчик поделюсь с вами не случаем из собственной практики, как то делали предшествовавшие мне. Вы же понимаете, очень трудно выбрать наиболее интересную историю, такую, чтобы занимала она не только рассказчика, но и его слушателей. Именно этот конфликт интересов часто не могут увидеть на-

чинающие авторы, искренне, до слез и соплей, сострадающие своим героиням. Вообще же, у любого издателя такого материала много - и не только собственного. Мы подобны исповедникам, или, лучше сказать, психоаналитикам, к нам приходят с такими историями, что просто трудно сохранить, так сказать, тайну исповеди. Хотя, признаюсь, далеко не все достойно того, чтобы это слушать, а уж тем более - публиковать, но приходится терпеть, чтобы не обижать гостей.

Не хочу обращаться к техническим, собственно редакторским историям, то есть говорить о том, как небольшая опечатка или даже несвоевременный пробел могут полностью изменить смысл текста. Наиболее смешные опечатки я встречал в свою бытность литературным редактором в одном из русскоязычных журнале, еще на Земле. Что я имею в виду? Приведу в оригинальном звучании два примера, кое-кто наверняка их поймет, а затем попробую перевести, послушайте и вкусите красоты слова: "офицеры посовещались и разошлись по дамам" или "он взял ее за писку". Вот и вас развеселили эти перлы! Подобные ляпы, пропущенные невнимательными авторами, поднимают настроение сотрудникам любой редакции и скрашивают их серые будни. Это

служит некоторым утешением раздосадованным редакторам и корректорам.

Скажу еще кое-что, важное: при нашей монотонной работе очень полезно общение с умными людьми. Так что приглашаю вас к нам; вот как устанете от безрезультатных попыток примирить теорию с практикой, заходите: будем кофием кофейничать и разговорами разговаривать. Известно, что такое общение обогащает обе стороны. Позвольте себе интеллектуальный отдых от опытов.

Но сегодня поведаю вам о материале, присланном в редакцию вдовой нейрохирурга, всю жизнь проработавшего в одной известной лаборатории. Она уверяет, что это - предсмертная записка ее супруга к дневникам коллеги, когда-то пропавшего во время шторма. Охотно этому верю, ведь мне она немного знакома, а о ее муже, скромном служителе науки, я слышал только хорошее. Материал очень интересный, но, знаете ли, не все интересное можно выносить на общий суд. К тому же заканчивается история на весьма пессимистической ноте. Пока я не решил, стоит ли его публиковать, послушайте и дайте совет. Рассудим вместе.

К сожалению, я не обладаю ораторским да-

ром, да и рукопись не из простых, в ней много интересных деталей, так что будет разумней ее зачитать. Данное сочинение стоит подробного ознакомления. Итак, начну, послушайте.

2. Необходимое пояснение

Невероятная история, изложенная здесь на нескольких страницах, никогда бы не увидела свет, не случись с ее героем несчастья. По сути, он не просто герой истории, он - ее автор, творец, на протяжении десятилетий терпеливо осуществлявший свой замысел. Моя же роль заключалась только в работе с оставшимися после него записями, ибо выглядят они отрывочными и нерегулярными набросками, сделанными от руки в нескольких блокнотах. Они стали важным фактором в раскрытии тайной истории этого, не побоюсь сказать, гения. Но главное, я - свидетель и хронист, снабженный дополнительной информацией из первоисточника. Наверное, даже более того: я - невольный, по долгу службы, соучастник. Именно поэтому я осознаю свою личную ответственность как обладатель важных сведений.

Уверен, вас удивляет его способ изложения собственных мыслей, но дело в том, что автор был человеком весьма необычным, не находившим

времени на работу с современными методами письма и фиксировавший свою жизнь что называется "на ходу". Такая манера доставила мне много хлопот во время разбора его записей. Почерк его сильно менялся в зависимости от периода жизни, а точнее - от тела, которым он обладал в то или иное время, или от его физического состояния, ибо постигшая его в конце жизни невропатология затронула как устную, так и письменную речь. Первые записи были сделаны еще в школьные годы, к чему вернусь позже, и может быть эта любовь к блокнотам происходит именно из той поры. Многие страницы, исписанные на протяжении десятилетий, сильно испачканы, что было вызвано, как следует полагать, непростыми жизненными перипетиями автора, а также природной небрежностью. Правду сказать: прослыл он человеком весьма рассеянным и небрежным. Порой эти качества мешали ему в работе и даже приводили к досадным ляпам в докладах и научных публикациях, как это случилось, например, когда он вместо "нейрофизиология двигательной и сенсорной регуляции" прочитал "нейробиология двигательной и сенсорной регуляции" - пустяк для посторонних, но не для посвященных в тему.

Хотя, похоже, в своей варварской диспенсации он относился к бумаге еще хуже, чем в прежних, когда ему посчастливилось быть обычным человеком, рожденным и сформированным на Земле.

В общем, кроме первого из блокнотов, еще юношеского, записи сделаны весьма некорректно, они явно не предназначались для чужих глаз. Довелось же мне помучаться с этими анналами! Но они стоили таких трудов.

Сразу оговорюсь: здесь предложена очень краткая история жизни нашего героя, максимально правдивая и переданная без искажений. Этого человека я наблюдал почти ежедневно на протяжении многих лет, по большей части в нашей лаборатории или в Университете. Лишь о его нынешнем бытии мне ничего не известно, так как спустя десятилетия совместной работы мы наконец-то расстались и географически пребываем далеко друг от друга, в разных полушариях Океании. А кроме того, он ведет образ жизни дикаря, спрятавшегося от цивилизации в джунглях на необитаемом острове и питающегося только тем, что "Бог пошлет". Сотрудники станции по наблюдению за приматами говорят, что он и его подруга не появляются в зоне их контроля.

Думаю, мое свидетельство следует считать наи-

более достоверным и ценным, ибо я выступаю как лицо незаинтересованное, желающее лишь поведать правдивую историю научного поиска, к несчастью, увенчавшегося успехом.

А вот верить всему сказанному или нет - дело личное. Решайте сами.

3. Предыстория

Началась же эта история еще в первые десятилетия нашего присутствия на Океании - планете, чья невероятная, первозданная красота сильно контрастировала с дикой отсталостью ее жителей. Наверное, так оно и должно быть, ведь, например, наша Земля с каждым тысячелетием изменялась в худшую сторону в то время, как окультуривались, скажем так, населявшие ее народы, а кроме того, повышался их технологический уровень. Просто какой-то закон обратных квадратов! Океанию же местные и пришлые гуманоиды еще не успели превратить в технологическую мусорку. Эта нетронутая цивилизацией красота в конце концов и соблазнила нашего героя. Впрочем, не его одного...

В ту далекую пору он уже работал нейрохирургом, а эта специальность, как вы помните, тогда была весьма востребованной. Мы наконец-то

смогли, пусть и на короткие расстояния, прыгать сквозь подпространство, за что долго платили высокую цену. Для таких слабых существ, как гуманоиды Земли, подобные путешествия не проходят даром. Да и среди первых переселенцев для нейрохирургов находилось немало пациентов: далеко не все земляне адаптировались на Океании легко и безболезненно. Увы, дорого мы, переставшие считать себя младенцами Космоса, платили за оставление родной колыбели!

А наш герой, следует отметить, считался хорошим специалистом, что я, как непосредственно причастный к упомянутой сфере медицины, подтверждаю. Наверное, так получилось по той причине, что свою профессию он принял от родителей. Отец его погиб в катастрофе, в которой он и сам был тяжело ранен, но выжил, в чем свою роль сыграло его отменное здоровье. Тогда он заканчивал школу и отличался приятным видом и развитым телом. Овдовевшая мама сама вырастила сына, привив ему любовь к медицине. Вообще-то он собирался посвятить себя музам и стать поэтом, но вдруг изменил решение, что, как тогда полагали, было вызвано настойчивыми уговорами родственников, которые побуждали его получить "хлебную", так сказать, профессию.

Знавшие эту семью считали, что в профессионализме мама нашего героя превосходила своего мужа. Это вовсе не удивительно, ведь ее родители были известными врачами, и она, как прежде ее сестра, после школы сразу же пошла по их стопам. Подобный выбор профессии тем более имеет смысл, когда вся семья работает в собственной частной клинике.

Кстати, отмечу отдельно: после трагедии она так и не вышла замуж, всецело посвятив себя воспитанию единственного ребенка и прокормив его во время учебы, то есть на протяжении многих лет, пока он не получил степень доктора медицины. Они всегда были неразлучны, а сын испытывал большую привязанность к матери, всегда выказывая ей свою любовь. Такие отношения между ними умиляли окружающих. Так что ему на роду было написано стать хорошим специалистом. И он, как принято говорить, не посрамил чести семьи. А мама его, конечно же, была очень счастлива.

Мы познакомились с ним только здесь, на Океании. Вы помните, что при основании Университета, нашего первого и главного вуза, предпочтение отдавали гуманитарным факультетам; естественных же насчитывалось меньше, но все

же медицинский среди них числился. Данный перекос объяснялся тем, что Университет возник на основе Колледжа прогрессоров, а для этих сеятелей добра гуманитарные науки - всякие там теология, философия, психология, социология - были наипервейшими. И все же, несмотря на изначальное небрежение естественно-научными предметами, медицина здесь процветала наряду с биологией и химией, ведь не все жители нашего северного острова, Атлантиды, посвятили себя работе с аборигенами. В эпоху прогрессоров естественники сильно страдали из-за наложенных на них ограничений, довольствуясь безлюдными полюсами да северными широтами, куда еще не заплывали варвары. Но врачи здесь, наоборот, процветали, ведь война и болезни везде и всегда способствуют развитию медицины, а биологи и химики как будто вернулись на машине времени в эпоху архаики на Земле.

Мне посчастливилось остаться при Университете после выпуска, а вышло так из-за того, что в новой лаборатории по исследованию мозга было место для молодого магистра с хорошими оценками. Для начала меня взяли на должность младшего лаборанта - как по этому поводу шутили друзья: скальпель для профессора на оселке

натачивать. Но я нисколько не обижался - уж очень хорошее место было, далеко не каждому выпускнику так везло. Тем более, что на него изначально хотели взять симпатичную выпускницу факультета химии, но по мнению жены нашего шефа - человека, чьи научные достижения соответствовали его возрасту - уж слишком та была молодой для такой ответственной работы.

Вот тогда мы, новые сотрудники, и познакомились. Он произвел хорошее впечатление не только на меня; наверное, так бывает с теми, кто настолько посвящен в свою тему, что не имеет времени, сил, да и желания, заниматься карьерной гонкой. Такие люди - редкостные экземпляры, они приятны коллегам и угодны начальству. А он действительно жил только своей темой, и это чувствовалось даже в его небрежении всем остальным, включая внешний вид. В отличие от меня, рожденного на Океании, он прибыл сюда специалистом с докторским дипломом и некоторым опытом работы. А пригласил его руководитель нашей лаборатории, после того как на Земле познакомился с ним на конференции по краниологии, где оба они выступили с докладами. После они даже монографию вместе написали по патофизиологии головного мозга пе-

реселенцев с Земли, а мне доверили оформление Библиографии. А это, признаюсь, тяжелая работа, особенно, когда научный труд пишут таланты, не разменивающиеся на технические мелочи. Хорошая книга получилась.

Он сразу активно подключился к различным разработкам нашей лаборатории, и даже иногда помогал мне дельными советами во время моей учебы в докторантуре.

Как видите, все начиналось вполне благополучно.

3. Странное решение

И вдруг этот доктор медицинских наук и соавтор нашего профессора попросился, как когда-то говорили, в действующую армию. А ведь он только недавно, какой-нибудь год с небольшим, возглавил лабораторию и устраивал всех сотрудников тем, что был постоянно занят наукой и не совал нос в администрирование, особенно в финансы. Он даже на конференции вместо себя посылал подчиненных, включая меня. Для нас его решение стало шоком! Конечно, прогрессоры остро нуждались в медиках, а во время активных боевых действий такая нужда только обострялась. По общему согласию, жизнь про-

грессора считалась священной, а потому как бы по умолчанию на ее спасение щедро выделялись большие средства. Но реальность всегда вносит свои коррективы в человеческие представления, и прогрессоры нередко становились калеками, а порой и погибали. Так что медики, особенно - опытные, в их среде всегда ценились. Поначалу прогрессоров было мало, проект только набирал силу, и всякий раз ощущалась нехватка кадров. Из-за этого служители добра очень медленно внедрялись в варварские общества.

В те дни формировалась команда для большего из наших двух судов, которое вместе с флотом эолян отправлялось в боевой поход против обнаглевших пиратов. Все понимали, что сражение будет не из легких - торговая империя Эолы прежде никогда не давала достойный отпор пиратам, что вызвало у них чрезмерную гордость. Даже воинственные северяне старались дружить с ними; впрочем, это-то не было сложным делом из-за отсутствия конфликта экономических интересов, ведь пираты промышляли только в южных широтах, вотчине эолян.

Вот наш коллега и предложил свою кандидатуру в качестве главного лекаря на корабле. Что же, каждый человек волен сойти с ума своим путем.

Морякам, конечно, это было в радость, но специалисту такого класса не следовало посвящать себя опасностям походной жизни. Да и возраст у него был далеко не юношеский - по земным меркам уже за шестьдесят. Я порой ловил себя на мысли, что мой коллега как-то начал сдавать, но относил это в основном к малоподвижному образу жизни. Слишком много времени он проводил в лаборатории, операционной и аудитории. Кажется, даже университетский городок он давно не покидал. Куда ему оперировать в трюме! А морская болезнь, мучившая многих из нас?! Поэтому такое решение стало неожиданностью для всех коллег.

Как и предполагали, сражение оказалось не из легких. Хотя силы были равными, что за десятилетия прогрессорства случилось, кажется, единственный раз, но пираты дрались, словно приговоренные к смерти. Да такими они по сути и были - сорвиголовами, искателями удачи, целовавшими смерть в уста. Так о них говорили люди знающие. Бежали же они только после того, как случайно выпущенная стрела вышибла мозги из головы их предводителя. Увы, среди союзников было немало погибших: большинство в рядах эолян, а из наших только двое, одним из коих оказался врач-волонтер.

Во время боя он получил смертельное ранение, которое не было бы столь опасным при наличии быстрого транспортного сообщения. Но Конвенция прогрессорства запрещала показывать аборигенам наше истинное лицо, так что корабль атлантов смог отплыть домой только после бегства врага, и уже в наступившей вскоре темноте главного врача перегрузили на срочно присланный гидроплан. По его требованию вместе с ним погрузили и молодого пирата, при абордаже заскочившего на наш борт и получившего тяжелое ранение в голову. Врач умер уже на подлете к порту, но прежде успел поговорить с самым опытным из наших нейрохирургов. Последними словами умиравшего, якобы, были: "Ты справишься".

Увы, десантно-грузовой транспорт не оборудован медицинским отсеком, для десантников обычно хватало первой помощи. А его скорость оказалась недостаточной, чтобы перегнать смерть.

Опытному специалисту, которому смертельно раненый доверил свою жизнь, прежде неоднократно случалось вытаскивать пациентов, что называется, "с того света". И все же медики не поспели за Танатосом, который уже заплатил

Харону за перевоз нашего коллеги в the final destination. А вот варвар выжил. Его опасное ранение в голову оказалось менее смертельным, чем раны корабельного врача. В итоге мы все решили так: жизнь - лотерея, в которой медицина бессильна вытянуть счастливый лот.

Как же мы тогда ошибались!

4. Новое бытие

И вот со всем этим возникла серьезная проблема. Известно, что в ту пору наши писаные и неписаные законы запрещали знакомство варваров с миром атлантов. Издавна аборигены не могли достичь Атлантиды из-за ее удаленности от зон их обитания, климат которых для отсталых культур был более благоприятным, чем природа нашего острова, покрытого сосновыми лесами. После того, как прогрессоры явились к варварам под видом более развитой древней культуры, было решено, что никого из них мы не берем с собой, а также не указываем на их примитивных картах расположение нашего дома. Поэтому появление дикаря, да еще пирата, в нашем мире власти должны были расценить как серьезное правонарушение.

Но странным образом все разрешилось благо-

получно, по-тихому. Абориген долго восстанавливался после операции, которая даже в нашей лаборатории считалась достаточно сложной. Его оперировала опытная бригада; к сожалению, я тогда находился в долгой командировке в курортной зоне на севере Атлантиды, так что не смог поучаствовать в этом интересном деле. Как и многие другие сотрудники лаборатории, я не имел доступа к необычному пациенту, так что даже не видел его воочию. Да и не до того мне было: решался важный вопрос - назначение нового руководителя лаборатории, и мне как наиболее достойному кандидату пришлось разрабатывать свое видение нашего дальнейшего развития, корректировать рамки научного поиска, что давно было пущено на самотек, встречаться с руководством Университета, и даже составлять предварительные сметы. Странно, но назначение на вдруг опустевший пост как-то затягивалось, и все мы пока занимались проектами наших спонсоров. Мне даже показалось, что никто не проявлял желания занять место погибшего, а наш профессор, когда-то принявший меня на работу, ныне наслаждался покоем пенсии и писал учебники и мемуары. Мой тесть выглядел счастливым человеком и не желал вновь обременять

себя никакими производственными хлопотами.

Вообще же, всю эту историю старались не афишировать. Мы же здраво рассудили: руководству видней. Именно это помогало каждому из нас не беспокоиться о своем будущем.

Так прошло что-то около двух месяцев. И вот однажды в университетском кафе, куда я зашел под конец обеденного перерыва и занял отдельный столик, чья-то тяжелая рука легла мне на плечо и грубый, с заметным акцентом голос сказал:

- Да не усохнет твой мозг, добрый человек!

От неожиданности я пролил пиво из полного бокала на жареный картофель. Так со мной разговаривал только погибший доктор медицинских наук. Я сделал неопределенное движение, намереваясь обернуться и вскочить, но голос повелительно сказал:

- Сиди спокойно, не привлекай внимания.

В кафе уже было мало народа, но все же я последовал совету.

На стул напротив опустился высокий молодой незнакомец. Его молодость явно не соответствовала властному тону. Был он одет и подстрижен, словно местный, только на большие, как у всех аборигенов, уши, легли специально оставленные пряди. Лицо с крупными чертами было тща-

тельно выбрито, отчего его нижняя половина казалась светлее верхней. Наверное, прежде борода скрывала грубый шрам на щеке. Еще один шрам, длинный, свежий, но хорошо залеченный, виднелся под бобриком темных волос. И все же он не казался атлантом или землянином. Незнакомец смотрел на меня с усмешкой.

- Как же это прекрасно - наконец-то побриться! - сказал он проведя ладонью по лицу. - Ты понимаешь, ты никогда не носил бороды...

- Мы знакомы? - спросил я сквозь какое-то смутное подозрение. Мне никак не удавалось разобрать его странный акцент.

- Уже много лет, мой дорогой, - сказал он и улыбнулся, обнажив крупные зубы.

- Не может быть! - воскликнул я настолько эмоционально, что на нас обратили внимание другие посетители.

- Ты не веришь в силу науки? - спросил он с кривой усмешкой.

- Да верю я! - вырвалось у меня признание еретика на суде святой инквизиции. - Но что случилось? Похороны были такими торжественными и многоречивыми, что я даже прослезился!

- Спасибо, - сказал он спокойно. - Жаль, я не смог присутствовать лично...

В растерянности я сжал руками голову, бормоча: "Не может быть!" А он вдруг пододвинул к себе мой обед и быстро расправился с ним. Похоже, пиво ему доставило наибольшее удовольствие. После он откинулся на спинку стула, протяжно отрыгнул и приказал:

- Пойдем на разговор!

Мы ушли в университетский парк, где нашли укромную беседку, и там он подробно, с новыми деталями наших давних разговоров, поведал историю своего чудесного перевоплощения. Рассказ его сильно затянулся, так что в тот день я уже не смог работать, но просто ушел домой, в котором на время отъезда семьи царила тишина, и хорошо этак выпил. Мне было над чем подумать.

5. Поиск бессмертия

На своей прежней работе, в крупной лаборатории на Земле, он с самого начала участвовал в проекте по поиску бессмертия. Уже давно такая мысль не казалась бредовой, а после того, как многие земляне перешагнули возраст в символические сто двадцать лет, фантасты и прочие фантазеры стали указывать на невероятное долголетие библейских патриархов. С таких чисел, говорили они, следует начать путь в потенци-

альную бесконечность. Их критики в шутку советовали обратиться к легенде о Вечном жиде - мол, пример получше Адама! Но все же мечта всегда влечет за собой, пока не погибает в конфликте с реальностью.

Итак, правительство и частные спонсоры выделили большие средства, для их реализации подобрали профессиональную команду с известными администраторами во главе, появилось немало статей и монографий с новым взглядом на старую проблему, так что положительных результатов ожидали в ближайшем будущем. Были опробованы разные методики, но они, несмотря на вал публикаций, оказались безрезультатными. Группа, в которой работал наш доктор в качестве правой руки ее руководителя, шла путем естественного омоложения тела. Главной идеей было осознание того, что тело стареет много быстрее мозга, что к тому времени уже стало общепризнанной концепцией, а ментальная усталость от жизни наступает вследствие невыносимого давления изношенной физики, что и пытался доказать мой коллега. Согласно его данным, примерно в возрасте шестидесяти лет, а у тружеников умственного труда чуть позже, это давление начинает прогрессировать слишком

заметными темпами. Казалось путь был найден, оставалось лишь шаг за шагом пройти по нему.

И вот здесь возникло главное затруднение: еще не существовало проверенных методологий и технологий, позволявших существенно освежить собственное тело человека. Как ни бились над этой проблемой в других институтах, но заметных результатов пока не достигли. Наоборот, случалось, что молодящиеся старики, или "безнадежные оптимисты", как их прозвали в насмешку, умирали от сердечного приступа во время любовного торжества с молодыми, так сказать, "лаборантками". Оно и понятно, еще древние философы учили воздержанию от чрезмерных эмоций, включая радость. Верить же положительным результатам анализов на короткой дистанции - только себе вредить. "Вы еще предстательную железу с мошонкой от молодого пересадите старику, - шутили критики. - Тогда и старый козел омолодится!"

Неудачи методик, опробованных разными группами, привели команду доктора к неутешительному заключению: единственным выходом оставалась только пересадка мозга стареющего человека в тело молодого, так сказать, "донора". В самом деле, можно постепенно, шаг за шагом

заменить кости, важные органы и даже кожу, но как обновить сосуды, включая капилляры, а с ними также мышцы и подкожно-жировой слой? То есть, как к новым костям и органам прилепить еще и новое мясо с прожилками? Да такая постепенная замена вместе с непростой реабилитацией после каждой пересадки займет десятилетия и будет стоить неимоверных средств! С целью поспеть к старости такой путь омоложения должен начинаться уже по окончании школы, а затем, спустя десятилетия, возобновляться заменой самых первых из обновленных деталей. Полный абсурд! Так что пересадка мозга в новое тело тогда казалась единственным выходом.

Но с этим возникла проблема, вызванная достижениями современной медицины: люди, даже молодые, умирали по разным причинам, что и требовалось исследователям, но обычно страдало само тело, а не мозг. Ведь для успешного опыта подходило только молодое, а главное - здоровое и неповрежденное тело, желательно того же пола, прежний владелец которого "вовремя" оставил его. Добровольцев же отдать молодое тело старику не находилось даже среди ученых, даже среди фанатиков. В самом деле: мой дед рассказывал, как его преподаватель, очень добрый и

отзывчивый человек, поделился своей печенью со своим отцом, страдавшим циррозом, но ведь одно дело - поделиться органом, обладающим хорошей регенерацией после резекции, и совсем другое - отдать свое собственное тело, то есть, по сути, жизнь! Оставалось только надеяться на случайную смерть от серьезной травмы головы, но и здесь поджидали немалые трудности: при совершенстве нашей медицины отыскать такого пациента оказалось весьма нелегко, да к тому же он сам или его родственники должны были своевременно согласиться на использование тела погибшего и в случае удачной операции не претендовать на близкие отношения с "воскресшим", если так можно назвать пациента. В самом деле: что если бы вдруг какая вдова стала преследовать того, чей мозг пересадили в тело ее горячо любимого и безвременно ушедшего мужа? Хорошо, если вдова молода и красива, но ведь и законная жена пересаженного в новое тело мужа имеет на него права, какой бы старой и неприглядной она ни выглядела. И хорошо, если мегеры поделят мужчину полюбовно: одна удовлетворится интеллектуальным общением с ним, другая же получит плотские утехи, а то ведь может дойти и до поножовщины а-ля-Кармен...

Оставалось терпеливо ждать, но при щедром спонсировании именно это не представлялось возможным. Андроидов же на Земле еще не запустили в производство, так что нельзя было опытным путем испробовать на них разрабатываемую методику. Впрочем, позже оказалось, что и этот вариант не оправдал надежд...

Из этого тупика был найден неожиданный выход - переселение на Океанию. Вот здесь-то у нашего доктора все и получилось. В славную эпоху прогрессорства, когда аборигены постоянно воевали, решить проблему с донорским телом было много проще. Так оно и вышло - после битвы с пиратами на нашей палубе оказался именно такой экземпляр с тяжелым ранением в голову. "Как будто рыба в лодку к рыбаку заскочила!" - прокомментировал рассказчик. Но неожиданно и сам наш лекарь был серьезно ранен в то время, как он помогал пострадавшим. И вдруг все сложилось наилучшим образом: тела в клинику доставили вовремя, в состоянии клинической смерти, "теплыми", как сказал рассказчик, и операция прошла успешно. Концепция, как кажется, оказалась верной, опыт дал положительные результаты. После долгой реабилитации пациент освободился из-под круглосуточного присмотра

в клинике и переселился в квартиру погибшего врача.

Признаюсь, я был настолько ошарашен, что смог лишь задать самый глупый в той ситуации вопрос:

- Кого же мы будем хоронить в следующий раз?

- Пока еще рано об этом думать... - ответил он рассеянно.

6. Перемены

Так и случилось: прошло немало лет, пока мы снова вернулись к нашей теме. За эти годы многое переменилось. Прежде всего, направление поиска бессмертия, условно названное "замена тела", было признано неперспективным из-за физических и даже этических проблем.

В самом деле, каковы фактический и юридический статусы нашего коллеги? Ведь "эго" человека, его сознание, язык на котором он думает, его воспоминания и знания определяются не телом, но мозгом. В таком случае кем следовало считать нашего нового доктора медицинских наук? Прежний был официально и с почестями похоронен, статьи, которые он не успел издать, что называется, "при жизни", выходили в свет

с рамкой вокруг имени автора, так что предъявить публике его же, но в чужом теле, да еще теле дикаря, тайно вывезенного с места боя, не представлялось возможным. Скандалу бы мы познали более славы. Пришлось нашему "обнуленному" сотруднику сменить имя и фамилию, и теперь его звали Адам. Была в этом нескрываемая символика.

Все же администрации как-то удалось выправить ему новые документы, по которым можно было существовать здесь, а посвященные молчали о случившемся. Никто не хотел брать на себя ответственность в случае неудачного исхода.

Кроме того, еще понадобилось придать чужому телу облик современного человека, что во многом удалось, так как высокие, по два метра, варвары поражали не столько ростом, сколько косматым видом и природной грубостью. В этом-то современные мастера красоты проявили весь свой профессионализм. Вот только говорить вообще без акцента он так и не научился, вероятно потому, что речевой аппарат взрослого аборигена не был приспособлен для земных языков. Английский звук "th" давался ему хуже всего, а всякая попытка бегло произнести его вызывала у окружающих невольный смех, ибо казалось, что

этот рослый красавец со шрамом на щеке показывает им язык. Но все это сходило ему с рук, так как посторонние считали его горцем, выходцем из какого-нибудь малого народа Земли.

А тут еще после кровопролитной Битвы народов вдруг закончилась эпоха прогрессорства, и мы открыли свое истинное лицо аборигенам. С ними мы отныне старались соблюдать величайшую осторожность, чтобы ненароком не вызвать волнений и восстаний. Теперь и вовсе стало трудно рассчитывать все также "тишком" получить чужое тело. Прежде его можно было вынести с поля боя после того, как противник бежал, бросив своих павших. Попытки пересадить мозг человека в андроида - вот уж, казалось, найден идеальный выход! - пока не увенчались успехом: уж слишком они были разными, человек естественный и человек искусственный.

Кроме того, спонсоры вкладывали все больше средств в другое направление в нашей сфере науки, каковым считалось ревитализация мозга. Исследователи склонялись к мысли, что замена тела не проходит для мозга бесследно, так как в нем новая генетическая память налагается поверх "кэшей" прежнего тела. Из-за этого происходит психологическое разбалансирование,

некий "сбой программы". В силу всех этих перемен перспективной концепцией пока считалась ликвидация барьера между мозгом человека и телом андроида, что было возможно, как думали, если бы удалось мозг стареющего пациента довести до контролируемого инфантилизма, избавив его от багажа прожитой жизни. К сожалению, эти многообещающие направления уже разрабатывали другие лаборатории. Так что нам пришлось заняться разными проектами, спущенными сверху мудрым руководством.

Ну а пока что обладатель нового тела наслаждался жизнью, начатой как бы "с нуля". Шестидесятилетний ученый, которого уже одолевали первые позывы геморроя и простатита, получил тело молодого, на вид не более тридцати лет, и физически развитого аборигена. Окружающие стали замечать его в частых связях с женщинами, даже обладавшими весьма достойной внешностью, что в прежней жизни с ним, запущенным и невзрачным мужчиной, никогда не случалось. На вопрос о том, что же так притягивало к нему особей слабого пола, наблюдавшая его сексолог из университетской клиники ответила просто: "Предчувствие оргазма". Что же, ей виднее, она его и в сауне наблюдала, и на пляже, где-то на

южных островах, так что имела возможность составить о нем профессиональное мнение. А еще стал он частенько появляться в тренажерном зале и на стрельбище, где на зависть бывшим прогрессорам показывал отличные результаты в стрельбе из лука. Ведь в самом деле: мозг его принадлежал доктору медицинских наук, а тело - пирату. А на свое прежнее место он совсем не претендовал.

Кажется, бытие снова определяло сознание. В общем, было над чем задуматься...

7. Тяжелое заболевание

И вот спустя годы случилось с ним несчастье. А именно - тяжелое сердечное заболевание, в просторечье именуемое любовью.

На одном из небольших и необитаемых островов в южных широтах, где он побывал в командировке, повстречалась ему привлекательная дама-приматолог. Была она притягательна не только умным лицом, но и, как после я узнал, всем остальным. Общее приятное впечатление не портили даже приплюснутый нос, легкая кривизна ног и неразвитая грудь. Да и была она уже не первой молодости; хотя современная медицина позволяет испытывать бурные страсти и

дамам бальзаковского возраста, но все же качество чувств ниже. Зато обладала она пышными темными волосами, которые в нужный момент распускала, красиво встряхивая головой. Проглядывалось в ней что-то такое, ради чего многие мужчины готовы были пожертвовать семейным счастьем и карьерой. Пожалуй, природная сексуальность в ней дополнялась хорошим жизненным опытом по приручению самцов. А по-настоящему занимали ее только обезьяны, да не какие попало, а именно те, подобные которым на Земле уже давно перевелись, если они вообще там существовали. Преследовала ее idée fixe о возможности эволюционного всплеска среди этого вида гоминидов при благоприятных условиях. Именно их и старались создать приматологи на отдаленном острове - впрочем, пока безуспешно. Была же эта энтузиастка движима интересной, но маргинальной интерпретацией одной из древних легенд, согласно которой так называемые "боги" на самом деле были андроидами, внедренными пришельцами в стадо местных гоминидов. Однако злые языки острили, что тянулась она к ним именно из-за их высокой сексуальной активности. Ну что же, могло быть и так, как говорится: "подобное к подобному", хотя известно, что из

зависти разное говорят, не всему стоит верить.

Так вот после знакомства с ней потерял наш ученый головушку, а точнее, свои мозги. Однажды за кружкой пива он признался: "Я даже ее морщинки у глаз целую!" Воистину, беда не приходит одна - она приходит с любовью. В результате так оно и случилось: сойдя с ума от любви, следующее тело решил он подобрать среди этих гоминидов. Отпуск он провел в их среде, и его там приняли, чему в немалой степени способствовал авторитет его пассии. На следующий год все повторилось. Постепенно на станции была создана достаточно оборудованная для операции лаборатория. Но главное: отважился он на этот рискованный шаг не в одиночку, а на пару со свей любимой женщиной. Похоже, было у них там все вполне серьезно.

Да при виде такой трагедии Шекспир истек бы слюной от зависти, а у Ньютона случилась бы сильнейшая поллюция!

А так как остров входил в категорию необжитых, а дама служила директором станции, то все им удалось провернуть с профессиональной расчетливостью. Посвященные из наших коллег увлеклись их идеей и немало способствовали ее реализации. В конце концов, жажда открытия

не знает моральных барьеров. Да и Адаму пора было что-то делать с телом, которое все чаще одолевали некорректные соматические реакции. Невропатология была налицо. Кажется, у него начиналась дизатрия - гримасничание при произнесении английских "th" и "w" стало еще ужасней. По его просьбе, пренебречь которой было верхом неблагодарности, я сам оперировал эту парочку; к тому времени у меня уже был накоплен необходимый опыт. Все прошло успешно, их тела вместе с легкой яхтой "пропали" в океане во время шторма, а после стационарного наблюдения, с которым решили особо не затягивать, пациентов выпустили на волю, в новый Эдем. Кстати, природа и мягкий климат того обезьяньего острова способствовали такой ассоциации. Да и приматы там были очень добрыми, без устали дарившими любовь друг другу. А чем еще, скажите, заниматься в Эдеме?

Итак, получалось, что на протяжении тысячелетий обезьяна неосмысленно эволюционировала в человека, чтобы спустя тысячелетия человек добровольно стал обезьяной. Похоже, мир сошел с ума.

Когда же эти новоявленные Адам и Ева взялись за руки и, семеня лапами, ушли вдоль кромки

воды, я долго смотрел им вслед. "Почему мы с женой никогда не гуляли так по берегу океана? - подумалось вдруг. - Чем мы хуже?" В глазах же растроганных дам было написано: счастливые создания, вместо утомительной работы и домашних хлопот у них будут океан, пальмы и любовь. Много любви, да и бананов немало. Наконец, все наши вошли в геликоптер, и пилот поторопил меня, указывая на надвигавшиеся тучи. Опираясь на трость, я медленно пошел к остальным. Невероятная усталость вдруг одолела мои члены...

8. Правда

А после того, как влюбленная пара получила тела гоминидов-долгожителей, а с ними и полную свободу от всяких социальных барьеров, наш коллектив стал таять. Как будто этот необычный человек был неким стержнем нашей компании даже в своей варварской диспенсации. Кто-то перевелся в другие учреждения, иные ушли на более перспективные проекты, а некоторые в поисках научного счастья даже подались на Землю. Казалось, все мы хотели забыть этот эксперимент. Между прочим, тот хирург, что пересадил мозг нашего героя в тело пирата, уже давно ушел от нас и пропал из виду. Кажется, он еще успел

поработать на Земле, а после купил там скромную виллу и маленькую яхту где-то на островах в океане. Говорили, что выглядел он счастливым человеком, вполне удовлетворенным своей карьерой. Из команды, работавшей над поиском бессмертия, остался я один, а сам проект, как я уже упомянул, потерял свою значимость для Университета, так что меня оставили здесь доработать до пенсии. Скажу откровенно: никогда еще я не был так благодарен руководству. Совсем не хотелось перемен после того, как всю жизнь проработал на одном месте.

Понимая, что нашему делу пришел логический конец, я почувствовал себя душеприказчиком своего бывшего коллеги, ныне вволю гулявшего по диким джунглям. Мне досталась его библиотека, книги в которой были исписаны убористым почерком. Создавалось впечатление, что он читал и писал одновременно. Здесь было, что почитать. Но кроме того, обнаружились несколько блокнотов, сложенных в какой-то неприметной коробке. Следовало позаботиться о всем этом, пока я еще был в штате сотрудников. От нечего делать, а может быть в надежде найти что-то ценное для нашей темы, которая незаметно стала смыслом жизни, я принялся неторопливо пролистывать

затрепанные блокноты и невольно увлекся чтением. Неожиданно выяснилось то тайное, что часто в корне меняет мнение о человеке.

Оказалось, при нашем знакомстве он на самом деле представлял собой двух человек. Дело в том, что в той давней катастрофе на Земле пострадали отец и сын, и пострадали они очень сильно, по сути - смертельно. После падения их геликоптера у отца были травмированы грудная клетка и печень, а у сына - голова. Родственники распорядились доставить умиравших в их частную клинику; тогда в операционной находились только близкие. Они-то и приняли тяжелое решение - пересадить мозг отца в черепную коробку сына. Таким образом они как бы спасали обоих, только, если можно так сказать, "по частям". Вообще-то, первоначально эту идею предложил сам отец, замирающими губами прохрипев ее по связи, а его жена была вынуждена согласиться с ним. Операция прошла успешно, а о ее истинном предназначении знали только родственники. Тело отца с мозгом сына кремировали, а сын с мозгом отца продолжил жить. Тогда-то мне стала понятной его "сыновняя" любовь к матери.

Этому специалисту в теле юноши, конечно же, было скучно учиться в медицинском вузе, но

он молчал и поражал преподавателей своими успехами. Как же он ухищрялся, чтобы скрыть свой действительный уровень знаний! А молчать ему приходилось уже потому, что в случае обнаружения правды его могли обвинить в инцесте с собственной матерью. В ту пору он и научился скрывать свои достижения от широкой огласки. Тем не менее, он вел записи в блокнотах, первый из которых был начат еще его сыном, прежним обладателем тела, по всему видно - романтиком, делавшим милые зарисовки к своим размышлениям и виршам. Первая запись, сделанная отцом, была краткой: "Я плакал, читая твои слова, сынок..."

Итак, это было началом его пути в науке. А дальше он пошел этим путем, с каждым перевоплощением подтверждая успешность своего необычного метода.

Теперь же он продлевает свою жизнь в теле сексуально активного гоминида, помня о нашей договоренности о следующей операции. Она должна состояться после того, как он каким-либо способом сообщит о своем желании вернуться: например, явится на станцию приматологов и нацарапает своей лапой несколько слов для ведущего специалиста нашей лаборатории: меня

или того, кому я поведаю всю правду о наших исследованиях. Так мы между собой договорились.

9. Анализ

Однако боюсь, что сам я уйду прежде, чем Адам захочет вернуться, и кто тогда будет помогать ему? Как оценит все случившееся мой преемник? И какое тело затребует себе наш экспериментатор в следующий раз? Кто согласится явно или тайно помогать ему в этом? Вопросы, искать ответы на которые мне страшно. Все чаще я вспоминаю фразу одного кюре, брошенную им на встрече гуманитариев и естественников: "Верно сказал мудрейший Экклезиаст: "Создал Бог человека правильным, но они устремились к замыслам многим"". Тогда ее не восприняли серьезно - трудно услышать всю глубину мысли сквозь синтаксис древней речи, - но теперь мне кажется, что в ней прозвучало осуждение нам.

Последнее время я стал стареть и болеть; полагаю, вызвано это ослаблением витального тонуса, осознанием бессмысленности своего дальнейшего существования. Еще в студенческие годы я определил смысл жизни так: "оставить по себе добрую память". С тех пор пролетели десятилетия упорного труда. Все, что я мог сделать, - сделал,

а теперь пора и на пажити Небесные. Надеюсь, для ученых, даже таких неудачников, как я, там уготовано хорошее место. Уверен, тамошние специалисты управляют Вселенной, а значит в инобытии нам будет чем заняться.

Погоня за ускользающей, словно во сне, нитью жизни - занятие для дураков. Да и вправду, зачем людям бессмертие? Даже до ста двадцати лет интересно жить тем, кто еще не все приобрел в этой жизни, кто не перерос хватательный рефлекс ребенка. А что делать ученому, да и вообще любому творцу, который вдруг понял, что исчерпал себя? Получать почетные научные степени и шамкать с присвистыванием во время торжественного спича, на самом деле думая лишь о скорейшем визите в туалет? И как же трудно перенести вид молодой девчонки, почтительно выказывающей тебе восхищение, но бездумно дарующей свою любовь глупому юноше!

Вполне вероятно, что человек исчерпывает себя не столько физически, сколько метафизически, интеллектуально. Пока мы точно не знаем, поможет ли новое и здоровое тело мозгу снова плескать идеями. Мы также не уверены, что мозг, омоложенный после контролируемого инфантилизма, продолжит свой прежний путь в науке.

Все это - лишь мечты фантастов, порождающие гипотезы в головах ученых.

Впрочем, мой бывший коллега нашел себе интересное занятие и теперь вместо получения научных наград вместе с любимой самкой оглашает джунгли песнями в честь Афродиты. Он доказал верность своей теории и под конец получил вишенку на торте. Пусть там им будет так хорошо, чтобы не хотелось назад. Впрочем, совершенно не исключено, что с годами его мозг совсем запутается в наследственных памятях разных тел. Или даже вытечет вместе со спермой, как учили в древности. Да будет это истечение приятным, а деменция - мягкой!

Я же потратил всю жизнь на помощь этому талантливому, не боявшемуся риска ученому в его изысканиях, и какое-то время его концепция вдохновляла всех нас, но в конце концов он превратился в обезьяну, а я - в старика. А чем одно лучше другого? И когда я наконец-то возглавил лабораторию, вдруг оказалось, что и сказать-то мне нечего. Все то, о чем я мечтал в молодости, уже сделано молодыми талантами. А я оказался исполнительным и добросовестным служакой с хорошим окладом, этаким смотрителем коллекции черепов и заспиртованных мозгов. И в

этом качестве я долго занимал место, достойное лучшего кандидата.

Таким я и покину этот свет. А своему бывшему шефу от души желаю познать осень Эроса. И пусть его любимая закроет ему глаза и оплачет его.

И напоследок еще кое-что.

В моих ушах все еще звенит, будто я сам слышал его, крик несчастного юноши за мгновение до падения их геликоптера:

- Папа, я не хочу умирать!

Ты не умер, мальчик, просто папа прожил твою жизнь за тебя...

Анна Самарина

Эридан

МЕТ 00:00:00
Бортовая операционная программа (БОП): номинально (авт.)
Навигация: стаб., Δ0.0001°
Сенсоры: угловое смещение Δ0.0008°
Время: ΔT = 0.000с (синх.)
Связь: задержка 0.0003с

По корпусу корабля пробегает легкая, почти неощутимая вибрация, словно кто-то неожиданно перерезал удерживающий его канат. Мягкий толчок, я зажмуриваюсь, считаю до пяти и открываю глаза. Все. Передумывать поздно.

В наушниках раздается голос оператора:

- Отстыковка подтверждена. Автопилот стабилен. Перевожу челнок в автономный режим.

Ровно, сухо, без эмоций. Как будто меня здесь нет. Впрочем, чего я ждал? Дружеского хлопка по плечу?

Я смотрю в иллюминатор. Материнский корабль "Анхиал" медленно уходит в чернильную

темноту. Огромное дрейфующее чудовище, испещренное тонкими мерцающими линиями навигационных огней, грузовых отсеков, шлюзов... Там, в его чреве по-прежнему копошатся сотни людей, следят за системами и процессами, поддерживают жизнь этой невообразимой махины. Мне нет до них никого дела. Анхиал. Тот, кто остается у края бездны. Нам не по пути.

Обвожу взглядом кабину. Темно-серый металл, приборная панель моргает холодным синеватым светом - ничего лишнего, ничего личного. Я пристегнут ремнями так крепко, будто это не ради безопасности, а чтобы я не сбежал.

Глухой треск в наушниках:

- Челнок на стабилизированном курсе. Ожидаемую точку прибытия подтвердите.

Я молчу. Слегка ослабляю ремни для комфорта. Я здесь пассажир, моя задача - поддерживать свои жизненные функции, наблюдать, слать отчеты. Не свихнуться и вернуться на базу. В теории. Бортовая система оповещает меня равнодушным писком - ожидаемая продолжительность миссии - 36 часов, точка назначения АС - Прайм.

Оператор настойчиво повторяет:

- Подтвердите, Эридан.

Это мой позывной. Ребята в штабе явно не

слишком напрягались, чтобы придумать что-то оригинальное. Как еще назвать миссию в Эриданской суперпустоте? Точно. Интересно, из них кто-нибудь читал, что на самом деле Эридан - река, текущая в никуда? Не думаю.

Нехотя нажимаю кнопку.

- Подтверждаю.

Странное чувство, будто меня слышат не только на Анхиале. Не свихнуться, забыл?

ЭйСи - Прайм. Первичная аномальная сингулярность. Первое зафиксированное космическое тело, нарушающее все известные физические законы. Мне не очень-то нравится, как это звучит. Если назвать что-то первым, обязательно будет второе.

Боюсь, что это - я.

***

Я никогда не знал имен своих родителей. Наверное, потому что они пропали прежде, чем я понял, что их можно называть как-то иначе, чем мама и папа.

Отец, вероятно, был автомехаником или кем-то вроде того. Его руки пахли машинным маслом, и, поскольку я тогда еще не знал, что это, мне казалось, так пахнет сам отец. Лежа в кроватке,

я всегда безошибочно чувствовал дома он или нет. Позже, впервые уловив знакомый запах на улице, я расплакался и принялся искать папу, убежденный, что это такая игра. Что он просто спрятался, и стоит мне его найти - все станет как прежде. Бабушка только качала головой и жаловалась соседям на мое буйное воображение, а я все продолжал поиски, пока не понял, что это бессмысленно.

Кем была мама - не знаю, но до сих пор помню, как стучало ее сердце, когда она прижимала меня к груди. Помню светлые волосы, пряди которых я любил ловить пальцами, и то, что она постоянно просыпалась по ночам, чтобы поправить мое одеяло. Мама всегда была рядом, пока однажды просто не перестала быть. Но я помню их обоих так отчетливо, будто мы виделись только вчера.

Бабушка ужасно злилась, когда я говорил о них. Кричала, что отведет меня к врачу, и что родителей у меня никогда не было. Я не мог понять - разве так бывает? Но их действительно не было: ни на фотографиях, ни в документах, ни в чужих воспоминаниях. Я долго не понимал, почему никого, кроме меня, это не удивляет, но, в конце концов, перестал спрашивать.

Но бабушка, хоть и ругалась, заботилась обо

мне. По-своему. Иногда даже жалела. Но мне всегда казалось, что она нарочно прячет мои самые любимые игрушки. Стоило мне привязаться к новой машинке, как та бесследно исчезала. А бабушка только сердилась, что я вечно все теряю, и грозила ничего мне больше не покупать. В общем, я так и не смог ее полюбить. Может, это и хорошо.

***

МЕТ 12:00:00
БОП: номинально (авт.)
Навигация: стаб., Δ0.005°
Сенсоры: угловое смещение Δ0.0020°
Время: ΔT = +0.34с (дрейф)
Связь: задержка 8003.8с

В иллюминаторе - чернота, проколотая редкими, тусклыми точками единичных звезд. Где-то там позади терпеливо завис Анхиал, как маяк, напоминающий мне о реальности. Можно вывести его изображение на экран, но почему-то не хочется. Интересно, они действительно ждут, что я могу вернуться, или просто соблюдают протокол? Звезды дрожат, будто это всего лишь отражения на воде. Эридан - река без конца и начала. Греки

верили, что в ее водах покоится Фаэтон, сбитый со своей солнечной колесницы. Не повезло.

Мне кажется или где-то впереди, почти за гранью видимого, тьма глубже, чем должна быть? Пробегаюсь глазами по приборной панели - ничего критического, все в пределах нормы. Почти.

Что ж, посмотрим. Хотя колесница у меня так себе. Да и солнца здесь нет.

***

С Максом у нас не было ничего общего - школа часто сводит людей, пути которых вряд ли могли где-то еще пересечься. Я был типичным ботаником, он - не менее типичным бунтарем. Я часами сидел над книгами, он рисовал на их полях. Я обожал физику, он ее списывал. Классика.

Но зато Макс никогда не смеялся, когда я рассказывал про родителей, не задавал глупых вопросов, а просто приглашал к себе домой ужинать. Его мама готовила пиццу и всякие вредные вкусности, которые в нашем доме были под запретом. Мы весь вечер болтали о неважных вещах, шутили и обсуждали нелепые теории Макса, например, о том, что директор школы на самом деле - пришелец и работает под прикрытием.

- И зачем ему это? - спрашивал я, почти не сдер-

живая улыбку.

- Эксперимент, - уверенно отвечал Макс. - Он нас изучает. Сам посмотри, урок длится 45 минут, но на самом деле мы там сидим часа два, очевидно же!

Спорить было бессмысленно.

Иногда мы листали его блокнот с комиксами - директор там, конечно, выступал в роли межгалактического суперзлодея. Мне это казалось не очень-то вежливым, но Макс уверял, что в будущем продаст эту идею и заработает миллион. Наверное, так бы и вышло, если бы он не исчез.

Я в тот день подумал, что Макс заболел или, может, снова затеял что-то глупое. Но его не было ни дома, ни в школе. Сначала я спокойно спрашивал соседей и учителей, но те только удивленно пожимали плечами, словно я говорил о человеке, которого никогда не существовало. Я кричал, бегал по коридорам школы, требовал прекратить эту дурацкую шутку, пока бабушка не забрала меня домой.

В тот день я почти поверил, что мне действительно нужна помощь врача.

***

МЕТ 24:00:00
БОП: отклонения в параметрах (авт. коррекция)
Навигация: нестаб., смещение Δ0.015°
Сенсоры: угловое смещение Δ0.007°
Время: ΔT = +2.1 с (дрейф)
Связь: потери пакетов 3.2%, задержка 21334.3с

Вдох. Выдох.

Корабль тихий, тише обычного. Настолько, что даже фонового гудения систем почти не ощущается. Воздух сухой, стерильный. Приборы начинают возмущаться, но система пока справляется без моего вмешательства. Хотя какое вмешательство, я же пассажир. Глупо воображать себя Фаэтоном, если даже не держишь поводья.

Звезды пропадают. Моргаю и они снова на месте, но, кажется, немного не там... Подмигивают, двоятся, наслаиваются друг на друга, будто кто-то забыл убрать трафарет с карты.

Что там впереди? Я прищуриваюсь, напрягаю глаза, пытаюсь ухватиться за разницу. Не получается... Вообще я ожидал увидеть хоть что-то

знакомое. Разорванную материю, аккреционный поток, вращающуюся корону света... Как это показывали в моделях, как я это себе представлял. Но там... Никакой черной пропасти, никакой тени, никакого провала. Там вообще ничего нет. Ничего, за что может зацепиться взгляд. Ни текстуры, ни цвета. Вырезанное пространство. Пустота. Абсолютное ничто.

Я отвожу глаза.

Удивительно, но мне совершенно не страшно. Впрочем, нет, ничего удивительного. Страх рождается из любви к жизни. Как вообще все в этом мире так или иначе рождается из любви. А я слишком хорошо научился ничего не любить.

***

Мне было девятнадцать, когда я снова стер человека.

Торопился, схватил, не глядя свой кофе в Старбаксе, сделал глоток, закашлялся и, не сдержавшись, выплюнул обратно в стаканчик. Горло першило, в носу зажгло так, будто я случайно вдохнул целую пригоршню перца. Что мне вообще налили?! Раздраженно посмотрел на наклейку - Spicy Espresso... Ева. Черт...

Она стояла рядом и пыталась скрыть улыбку,

натянув обеими руками широкий ворот свитера до самого носа, но встретившись со мной взглядом, не выдержала и рассмеялась во весь голос. На глазах у нее выступили слезы. У меня тоже, от перца.

- Простите... - прохрипел я, - перепутал стаканчики. Я куплю вам новый.

- Ничего, - она широко улыбнулась, промокнув глаза салфеткой, - это того стоило.

Мне кажется, когда я закрываю глаза, я до сих пор слышу ее смех. И, как и в тот день, прошу прощения.

- Ева, - она протянула мне руку, - хотя мне кажется, вы уже знаете...

- Адам, - машинально ответил я.

На этот раз хохотали уже мы оба. Люди в кафе начали недовольно оборачиваться. Ничто так не раздражает по утрам, как чужое веселье.

Мы гуляли, держались за руки, делали дурацкие селфи, снова пили кофе... Я не помню, о чем говорили, помню только как смешно она двигалась, словно пританцовывая, как щурилась от солнца, запрокидывая голову, как с жаром доказывала какую-то ерунду, а я был готов слушать часами, разглядывая ее веснушки. Мне казалось, что у нее на лице отпечаталась целая вселенная

с галактиками и созвездиями, а в это время она незаметно становилась вселенной для меня.

Тем же вечером я целовал ее у ворот подъезда, и фонари на улице слепли от стыда и зависти. Я думал, что если не сделаю этого, то буду жалеть всю жизнь. Получилось наоборот.

Проснувшись, я хотел набрать ее номер, но его у меня почему-то не оказалось, хотя я точно помнил, как вбивал его в память. У меня заныло в животе. Сжимая в руках телефон, я бросился в кафе.

- Ева еще не заходила?

- Кто? - бариста сонным равнодушным взглядом оглядел полупустой зал.

- Ну девушка, которая каждое утро заказывает spicy espresso. Рыжие волосы, косая челка...

- Spicy espresso? Да кто пьет такую гадость?

Пальцы дрожали. С третьей попытки я открыл галерею. Ни одного снимка с прошлой недели. Евы не было. Вчерашнего дня не было. И меня не стало.

Я, наконец, все понял. Изменился, научился жить иначе. Не трогать вещи, которые мне нравились. Не ходить дважды в те места, где мне было хорошо. Не смотреть людям в глаза. Не привязываться.

***

МЕТ 35:00:00
БОП: крит. отклонения
Навигация: нестаб., смещение Δ0.1°
Сенсоры: угловое смещение Δ0.05°
Время: ΔT = +4.7с (дрейф)
Связь: потеря пакетов 12.8%, задержка 43362.9с

Темнота уже другая - слишком ровная, однотонная, как идеально выглаженный черный бархат. Сенсорная панель давно моргает желто-красным цветом, но я не хочу проверять, что там, я и так знаю, достаточно посмотреть в иллюминатор.

Я ждал, что и без того редкие звезды здесь совсем исчезнут, но, все оказалось хуже - такое ощущение, что они просто сломались, расплылись небрежными мазками, как на картинах импрессионистов, скрутились в спирали и потекли, не удержав форму. Все видится таким нереальным, будто я лечу через призрачные отблески того, что здесь когда-то было, но больше не существует. Даже корабль я больше не чувствую цельным, воздух в кабине стал гуще, он вязкий и липкий, как теплый кленовый сироп. Тело ка-

жется тяжелее и слушается с задержкой, словно моим глазам нужно время, чтобы понять куда я хочу взглянуть, а рукам просчитать траекторию своего движения.

Я не вижу ЭйСи. Просто чувствую - мир в ее направлении становится рыхлым и мягким, будто в него можно провалиться. Вернее, я уже проваливаюсь.

Очень жарко, но меня почему-то знобит.

Шесть часов до предполагаемого контакта.

***

Они выбрали меня вовсе не потому, что я лучший. Не потому, что у меня уникальные навыки или безупречная техническая подготовка. Я просто подходил. Без семьи, без друзей, без привязанностей. Никто не будет задавать неудобные вопросы, если я не вернусь. Опытный, эмоционально стабильный, привыкший работать в экстремальных условиях, разве можно было предположить, что со мной что-то не так?

Брифинг я слушал рассеянно - слишком много людей, слишком много взглядов и еще больше слов. К чему это, если все равно никто из присутствовавших не понимал, с чем имеет дело?

- Ошибочно приняли за сверхмассивную

черную дыру... - монотонно бубнил научный координатор миссии, - свет вблизи искажается хаотично, нарушая законы гравитационного линзирования... некорректные задержки передачи сигнала без объяснимых причин...нестабильные координаты...

За столом кто-то кашлянул.

Я бегло пролистал выданный мне аналитический отчет. "Данные указывают на постепенную деградацию структуры пространства вблизи объекта. Зафиксировано расширение зоны аномалии".

Интересно, в чью голову пришла столь гениальная идея отправить туда живого человека?

- Аппаратура ненадежна, - донесся до меня ответ на вопрос, который я не задавал, - все, что приближается, либо выходит из строя, либо передает невозможные данные. Сенсоры фиксируют противоречащие друг другу параметры, достоверность цифр не подтверждается. Объект нарушает законы физики, компрометируя сам принцип измерения...

И опять так много слов для того, чтобы сказать главное: человеческое восприятие - единственный инструмент, который мы пока не тестировали.

Что-то мне подсказывало, что это не так.

Они говорили и говорили, убеждали меня, что миссия простая. Что я должен приблизиться к ЭйСи - Прайм, зафиксировать параметры аномалии, ее влияние на мое сенсорное восприятие, передать данные. Что все системы работают в автоматическом режиме, и моя задача - просто наблюдать и слать пакеты. Что возможны визуальные и когнитивные искажения, но на расчетном расстоянии они безопасны. И главное - миссия предполагает возвращение.

Забавно. Ничего из этого не имело значения. Даже то, что на самом деле вся эта авантюра - всего лишь проверка чьей-то безумной гипотезы. По большому счету, выбора у меня никогда не было.

Я не боялся исчезнуть. Я на это надеялся.

***

MET 36:00:00

БОП: крит. отказ, восстановление (0xE4F)

Навигация: позиция недоступна (NAV_ERR_04)

Сенсоры: грав. градиент нестаб. (GRAV_ERR_07), опт. данные недоступны

Время: сбой модуля (TIME_ERR_01)

Связь: потеря сигнала (COM_ERR_09), посл. пакет 34:59:41

Света больше нет. Я не помню в какой момент он исчез, или когда я вдруг разучился его замечать. Космос больше не черный - у него вообще нет цвета. За бортом не темнота, не пустота, не вакуум, там ничего. Направления больше не существует, но течение все еще здесь, оно играет со мной, тянет на глубину, сначала медленно, затем быстрее и быстрее, пока все, что я знаю и вижу не начинает блекнуть, как старый снимок, забытый на солнце. Эридан - река, уносящая в небытие все, что коснулось ее вод.

Мне кажется, я все еще в кабине, но ее стены размылись, как акварель на мокрой бумаге, словно само понятие границ между внутри и снаружи исчезло и перестало иметь значение. Мне хочется поднять руку, убедиться, что у меня все еще есть форма, но руки тоже нет, и в то же время она везде. Я закрываю глаза, но ничего не меняется. Я вижу не глазами, я вижу всей своей сущностью, я чувствую челнок, как если бы он был продолжением моего тела, я чувствую пространство, как если бы оно было воздухом в моих легких.

Я больше не человек. И, возможно, никогда им не был.

Кто я?

Впереди что-то есть. Нет, не так. Впереди больше нет. Есть она. И она повсюду.

Я должен был ощутить ужас. Меня готовили к этому, в деталях описывая возможные ощущения при контакте с аномалией, неделями тренировали справляться с дезориентацией, удерживать реальность, цепляться за свою идентичность. Предупреждали, что, если я подойду слишком близко, она поглотит меня, что мое сознание распадется безвозвратно и я престану быть.

Но я не чувствую потери. Это обретение.

Я вспомнил ее. Не здесь, не сейчас - в другом времени, в другом мире, в другой версии реальности, когда она была свободна. Когда мы были одним целым. Когда, кроме нас, не было ничего. Я не понимаю, как такая связь могла оборваться? А может она и не обрывалась, может, я просто забыл?

Меня учили иначе. Что я родился в день, указанный в метрике, что у меня было детство, что я ходил в школу, занимался астрофизикой... Я вижу их - лица, места, события, которые должны были заставить меня поверить в то, что я - человек. Но это не так. Все, что случилось со мной - лишь пролог, путь ко мне настоящему, путь к ней.

Я слышу ее голос, хотя она и не говорит, я чувствую ее прикосновение, хотя она не может меня коснуться. И я знаю, что она ждала меня. Я знаю это так же, как знаю, что во Вселенной есть звезды, даже если я их не вижу. Что вокруг одной из них вращается крошечный голубой шарик, который я считал своим домом. Что на нем жили люди, которых я любил. Мама, Макс, Ева. Я знаю, что они были, даже если никто, кроме меня, их не помнит.

То, что земные ученые считали ничем, оказалось всем. ЭйСи вовсе не пустота, она отрицание пустоты. Безграничная, изначальная, истинная, настолько иная, что сама Вселенная не смогла ее вместить и спрятала здесь, в самой сердцевине пространства, запечатав в кармане реальности. Она подлинная древняя тайна, которую невозможно осознать. Живая, запертая бесконечность. Все законы Вселенной созданы лишь для того, чтобы удержать ее, существующую вне любых законов.

Я знаю, что я не один, на самом деле, я никогда не был один и никогда больше не буду. И еще я знаю, что, когда падаешь, то уже не можешь остановиться. Но это не падение. Это возвращение домой. Это признание.

Я не сразу понимаю, что со мной происходит. Странное ощущение приходит осторожно, медленно, словно подкрадывается с самых краев сознания, еще не став мыслью. Сначала легкое, невесомое и настолько незаметное, что я пропускаю тот момент, когда оно, как гигантская морская волна, накрывает меня полностью, и я, даже не пытаюсь сдержать слезы от того, насколько оно прекрасно. Чувство, у которого нет правил и описания, растет, ширится и заполняет собой всего меня без остатка. Оно не похоже на страх, экстаз или даже счастье. И совсем не похоже на то, что люди обычно называют любовью.

Но это она и есть.

Любовь без границ между мной и ей, между сознанием и материей, между живым и неживым. Мы - одно целое, и это единственно возможная для нас форма существования. Мы - то, что осталось от настоящего мира, когда Вселенная решила, что он больше не должен существовать.

И вот в этот момент меня заполняет настоящий ужас. Мне нельзя любить.

Паника разливается внутри, липкой дрожью охватывая все мое существо, и тут же откатывается, исчезая без следа. Правда раскрывается передо мной сразу и полностью, во всей своей

безжалостной ясности. Словно я всю жизнь жил в комнате с окнами, нарисованными на стенах, и вот, наконец, вышел наружу. Мне нечего бояться. Страх был порожден разделением, которого больше нет. Я был ключом, всегда был им, но сейчас, наконец, понимаю, что ключ и замок - одно и то же.

Я никогда не стирал людей, они вовсе не исчезали. Я стирал то, что связывало их с реальностью. Вселенная сдерживала их, прикалывая как бабочек булавками к координатам времени и пространства. Я убирал булавки.

А ЭйСи всегда была свободой, абсолютной, невыносимой, для которой Вселенная построила эту клетку из законов и правил. Материя, гравитация, время - все это было создано только для того, чтобы ограничить ее. Звезды, планеты, люди - лишь второстепенные сегменты огромной конструкции, удерживающей ЭйСи в небытии.

Я освобождаю ее и чувствую, как реальность дрожит, словно долго натянутая струна, которую, наконец, отпустили. Удерживать больше нечего. Материя больше не материя, гравитация больше не гравитация, время больше не время.

Мир рушится не с грохотом, не с треском, не со вспышкой света - он просто перестает иметь

смысл. Он просто больше не нужен. Границы исчезают, и все, что они сдерживали, разливается в бесконечность, которая существовала до них и будет существовать после.

Я открыл эту дверь. Я больше не Адам, не имя, не точка в пространстве. Я больше не кто-то.

Я просто есть.

Как и она.

Как и все.

Григорий Неделько

Пленники Симулякры

Реальность не исчезает, если вы перестаете верить в нее.
(Филип К. Дик "ВАЛИС")

Симулякр - нечто искусственное, заменяющее что-то настоящее, часто - человека.

Ботинки вдавливали и взметали пепел. Двое молодых людей, девушка и парень, бегали друг за другом, весело крича. Высокий юноша-шатен с короткими волосами наконец догнал свою подругу, красавицу с густыми черными локонами, схватил ее в охапку и потащил куда-то. Красотка сучила в воздухе стройными ножками, смеялась в голос. Улыбаясь, парень поставил возлюбленную на обломок старинного здания. Черногривая тут же обернулась и припала к губам своего спутника. Пара слилась в долгом, страстном поцелуе.

Вокруг валялись железобетонные глыбы - точно светлые островки в темном океане. Арматура опасно оттопыривала металлические усы. И на

всем лежала тяжелая печать легкого, рассыпчатого пепла...

...- Почему, я не понимаю, почему нельзя было сохранить хотя бы Симулякру? Что внутри у людей, что в голове?..

Они сидели на блоке, прижавшись друг к другу. Положив голову на плечо молодому человеку, девушка задумчиво говорила, и было непонятно, обращается она к спутнику или в пустоту.

- ...Разрушить так легко, а создать? Зачем, ну зачем? Ведь уже один раз... а что один раз? Что случилось там, в реальном мире?

- Война...

- Да, но из-за чего она началась? Ты ведь изучал историю.

- Из-за желания каких-то безумцев властвовать над миром. Как обычно.

- Значит, опять во всем виноваты фашисты?

- Наверное... Слушай, я не знаю. Со времени Войны прошло много лет, да и современные историки не особо вдаются в подробности. Подозреваю, что им ничего не известно.

- Но как так получилось? Симулякра же была лучше...

- Она и сейчас лучше.

- Откуда ты знаешь?

- Наташ, тебе что, подумать больше не о чем? Посмотри, какой прекрасный вечер, как...

- ...приятно пахнет пепелище, - закончила за друга девушка. - Слав, мне просто интересно. Если бы мы раньше выяснили причину, то смогли бы предотвратить...

- Очень сомневаюсь.

- Ну Сла-ав! Почему ты такой?

- Какой?..

Шутливая перепалка вновь переросла в шумные игры. Слава принялся щекотать Наташу. Громко смеясь, та пыталась защищаться.

За этим веселым занятием они не заметили, как к ним подошли два человека в пепельно-черных костюмах. В Симулякре почти никто не надевал одежд светлых тонов: то ли атмосфера искусственного мира действовала так угнетающе, что люди подспудно стремились укрыться в чем-то столь же темном, то ли просто мода изменилась. Оттенки черного стали самыми популярными у кутюрье, архитекторов, дизайнеров. Но те двое - рослые, мускулистые - носили странную одежду: она словно бы сливалась с окружающим миром.

- Мы вас не отвлекаем? - громко произнес один из "визитеров" и гадко ухмыльнулся.

Слава отпустил Наташу, оба посмотрели на

вновь пришедших.

- Что вам нужно? - поинтересовалась девушка.

- Ну, как тебе сказать... - вступил в разговор второй, - ты.

Выхватил из-за пояса и наставил на пару черный ПБ.

- Да-да, это пистолет-бластер. Дорогой и очень эффективный. Если не хочешь, чтобы он прожег в твоей голове во-от такую дыру, встань и отойди от крали. - Второй, судя по всему, был крайне доволен собой, наслаждался ситуацией.

- Слава...

- Тише.

Парень встал с блока, сделал несколько шагов в сторону - и вдруг прыгнул на человека с оружием, сбив его с ног. ПБ отлетел в сторону. Второй зарычал и начал колотить Славу; тот пытался отвечать. Завязалась потасовка.

Тем временем первый, не обращая внимания на проблемы, которые возникли у его товарища, бросился к Наташе. Красавица не успела среагировать и оказалась в руках нападавшего. Она вырывалась, но ничего не могла поделать. Мужчина повалил ее на землю лицом вниз, придавил коленкой, заломил руки, отцепил от пояса наручники и защелкнул на тонких, изящных

запястьях.

- Ну, а теперь приступим к делу. - И он, загоготав, принялся рвать на девушке одежду...

- Как, как ты мог ее отпустить?!

- Чтоб ты знала, она передо мной не отчитывается. Кроме того, она уже взрослая...

- Взрослая? Это в двадцать-то лет?!

- Что ты переживаешь, с ней Слава...

- Я не доверяю ему. И к тому же сомневаюсь, что он сможет постоять за Наташу.

- Слава - хороший, взрослый, трезво мыслящий парень...

- Откуда ты знаешь? Ты и видел-то его всего пару раз!

- Естественно, потому что ты запрещаешь ему приходить.

- Разумеется! Я и к нему запрещаю Наташе ходить.

- Ну и зря. Девочка ведь полюбила, это сразу видно, а ты встаешь на пути...

- Ну, а ты у нас как всегда самый умный! Где же был ум, когда тебя увольняли с работы?

- Не начинай...

- А я и не начинаю - начал ты! Если бы не твое пристрастие к алкоголю...

- Так. Все. Хватит.

Валентин Егорович развел руками, как бы давая жене понять, что диспут на этом окончен, и поднялся с темно-коричневого дивана.

- Конечно, беги от проблем, как всегда делал! - бросила вдогонку Вера Матвеевна.

Пройдя в спальню, седой мужчина открыл ящик, достал пятнадцатизарядный пистолет. Далеко не новый, перешедший от предка - ветерана Войны, - но по-прежнему в рабочем состоянии. Рядом лежала коробка с патронами. Зарядив оружие, Валентин Егорович сунул его за пояс и прошел в коридор, чтобы одеться.

- Зачем тебе пистолет?

- На улице неспокойно. Да и ты говорила, что с ними могло что-нибудь случиться.

- Валя, только осторожнее, ладно?

- Ладно, - буркнул отец и вышел за дверь.

- Если они опять гуляют...

Но Валентин Егорович уже не слышал, что говорит жена. Он нажал кнопку вызова и сел в открывшийся с легким скрипом лифт. Кабина, исписанная изнутри граффити, номерами телефонов, названиями футбольных клубов и прочей "информацией" в том же духе, стремительно скользнула вниз.

Миновав закуток вечно спящей консьержки и

выйдя на улицу, мужчина поежился. Было холодно. Внезапно налетевший порыв ветра поднял в воздух пепельную крошку и начал кружить ее в загрязненном вечернем небе...

Тяжелое тело навалилось на Славу и придавило к земле. Противник нанес удар, которого юноша не смог парировать, из рассеченной губы потекла кровь. Парень, призвав на помощь силы, перевернул здоровяка и оказался сверху. Последний не ожидал такой прыти. Он схватил Славину руку, но вторая оставалась свободной - она-то, сжатая в кулак, и била снова и снова. Не обращать внимания на боль, не чувствовать ее, ведь на кону... Мысли о беззащитной Наташе отвлекли молодого человека, но и этого было достаточно - хук, мощный, зубодробительный, Слава на секунду потерял ориентацию в пространстве. "Черный" человек скинул врага, выругался и потянулся за ножом...

Тем временем девушка дергалась и извивалась, пытаясь скинуть с себя насильника, только слишком сильно придавливало колено и наручники сковывали движения. Она чувствовала, как потные грязные руки рвут блузку, а потом тянутся к трусам, чтобы стащить их. Наташа громко закричала, но это лишь раззадорило негодяя. Он

начал обзывать ее "шлюхой", перешел на мат. Она почти видела - неким внутренним зрением, - как он стягивает с себя штаны...

- А ну стоять, сукин сын, пока я не отстрелил тебе хозяйство! - Голос прорвался сквозь мрачную пелену и рассыпался искрами надежды.

Насильник обернулся и с удивлением увидел седого человека, державшего в руках пистолет старой модели.

- Ты кто такой? - Лицо громилы, удерживавшего Наташу, обезобразила гримаса ярости.

- Тот, кто сделает из тебя евнуха, если сейчас же не отпустишь девушку.

- Да она небось даже не целка...

- А ну живо!

Сплюнув, человек в черной одежде нехотя повиновался. Он встал и, отойдя в сторону, стал застегивать штаны. Подонок улыбался, но во взгляде читалось разочарование.

Воспользовавшись ситуацией, Наташа перевернулась на спину, увидела отца.

- Папа... Слава...

- Скажи своему подельнику, чтобы отпустил парня, - приказал Валентин Егорович.

Однако другой преступник уже понял, в чем дело. Он поднялся на ноги, оставив Славу лежать

на земле с разбитым лицом.

- Зря ты встрял, папаша...

- Меньше всего мне хочется выслушивать угрозы от всякой швали вроде вас.

Неудавшийся насильник сделал приятелю знак подойти, а когда тот встал рядом, неожиданно сунул руку в карман. Валентин Егорович, уверенный, что мерзавец хочет вынуть оружие, приготовился стрелять... но в кого? Там, где секунду назад находились два амбала в черном, лишь завывал в пустоте ветер...

- Гулять с этим Славой очень опасно! Он тот еще тип! - Вера Матвеевна была на грани истерики.

- Мама, прекрати! - В голосе дочки зазвучал металл. - Если бы не он...

- Если бы не твой отец! Его надо благодарить! Хорошо, что он когда-то встретил вас там и потому знал, где искать...

- Мам!..

- Ты еще слишком молода и не понимаешь...

- Хватит, я больше не хочу спорить! - И Наташа, не обращая внимания на слова матери, направилась к себе в комнату.

- Я запрещаю гулять с ним, слышишь?! И вообще - гулять! - кричала вслед Вера Матвеевна. Она так переживала за дочь, что едва сдержи-

вала себя. Заныло сердце. Женщина порылась в аптечке, нашла лекарство с забавным названием "Антисердин" и запила большую круглую таблетку стаканом воды. - Вот и сиди у себя в комнате, - громко и хрипло произнесла она, - а на улицу выходить не смей!

"Что она, интересно, сделает? Запрет меня?" - подумала Наташа.

Девушка села за компьютер, включила его. Когда операционная система загрузилась и открылось окно ICQ, тут же всплыло сообщение от Славы.

"Привет, любимая! :) Как ты?"...

Слава отправил приветствие и, дожидаясь ответа, еще раз посмотрел на предмет, лежащий на компьютерном столе. ПБ неизвестных модели и марки, тот самый, что выронил бандит, с которым дрался юноша. Полдня Слава провел в поисках хозяина этого оружия. Интернет давал почти безграничные возможности, вот только никто не знал ни о людях в черных одеждах, ни о странных пистолетах-бластерах. Но парень не сдавался -продолжал искать. Жаль, что наручники не удалось сохранить: Наташин отец выбросил их сразу после того, как открыл при помощи инструментов...

"Привет, дорогой, я в порядке! :-) А ты?" - Долгожданный ответ от Наташи.

Радостно улыбнувшись, Слава склонился над клавиатурой, напечатал: "Вот и чудно, солнышко! Главное, помни, я всегда рядом! :)))" - и нажал "Enter".

А затем добавил в список контактов номер, отправив по нему запрос со словами "Это я"...

Руслан, если верить ему, был другом одного парня из машиностроительного института, где учился Слава. Интернет-знакомый утверждал, что знает о ПБ, о людях в черном и "обо всем остальном". Что такое это остальное, Руслан не решился написать по аське. Тогда они со Славой договорились о встрече в кафе "Тихий вечер"...

...Внутри заведения было людно. Молодого человека это устраивало: он не принадлежал к робкому десятку, однако меры предосторожности нелишни. Здесь можно не опасаться, что новый "приятель" выкинет какой-нибудь фортель.

Руслан уже ждал Славу за круглым деревянным столиком, утопающим в полумраке, с которым - не очень удачно - боролся прозрачный настенный светильник в форме цветка.

- Привет.

- Привет.

Слава снял куртку, отдал автоматизированной вешалке и сел за стол. Бросил взгляд на соседа по столику: обычный парень, лет двадцати двух - двадцати четырех, ничем не примечательный. Разве что с мелированными волосами. В Симулякре даже блондины предпочитали перекрашиваться в брюнетов, чтобы не выделяться из общей темной массы.

Улыбнувшись, Руслан указал на встроенное в стену меню, приглашая Славу выбрать, что тот хочет, и начал оформлять свой заказ:

- Мне кружку лучшего пива... жареную рыбу с картошкой... и салат "Летний".

Слава попросил только колу с баварскими сосисками.

- Кетчуп нужен?

- Да, поострее.

- Есть с чили, с халапеньей...

- Давайте с чили.

Напитки принесли вскоре, за ними, пока готовилась еда, у молодых людей появилось время поговорить. Правда, беседа получилась совсем короткой: Слава поинтересовался, что именно не решился рассказать ему Руслан, но тот ушел от ответа.

- В людных местах о таких вещах не разговари-

вают, - заметил он.

- Здесь безопасно.

- Тут больше ушей. Предлагаю поесть и отправиться ко мне, если, конечно, ты не против.

Слава был не против: ему очень хотелось узнать, кто эти таинственные бандиты и какие секреты хранит ПБ странной модели. Кроме того, собеседник располагал к себе, много улыбался, внушал чувство безопасности.

- Хорошо, давай так и сделаем.

Руслан снова растянул губы в улыбке, и молодые люди чокнулись стаканами.

- За встречу!

Пока они пили, появился робот-официант с дымящимися блюдами на тарелках...

...Гостиница с непритязательным названием "Отель на ночь" располагалась в паре кварталов от кафе. Выглядела она тоже небогато, обыденно, действительно как ночлежка. Отвечая на невысказанный вопрос Славы, Руслан объяснил, что в столице проездом. Парень с мелированными волосами любил путешествовать - на этот раз он летел в гости к другу, жившему в одном из соседних городов.

- Так что тебе крупно повезло - завтра меня здесь не будет. - И Руслан подмигнул Славе.

- Да, удачное совпадение. А ты сам откуда?

- Из провинциальных трущоб. Настолько провинциальных, что, готов спорить, ты даже названия их не знаешь... Ну, вот мы и пришли.

Руслан ввел код, дверь открылась. Они оказались в темном помещении, но тут же под потолком загорелась люстра: сенсоры среагировали на движения людей.

- Устраивайся поудобнее, а я пойду переоденусь. Свои вещи положи... ну, не знаю, куда-нибудь: у меня особого порядка не наблюдается.

- Повешу на спинку стула.

- Как хочешь, - раздалось уже из комнаты. Слава не успел толком оглядеться, когда его окликнул Руслан: - Ну, куда ты пропал? Все документы тут.

- Я же не знал...

Слегка волнуясь - все-таки было предчувствие, что ему откроется нечто значительное, спрятанное от глаз и ума обычного человека, - Слава вошел в комнату.

- Стоять! Ни слова, пока не прикажу.

Шатен замер: краем глаза он видел Руслана, а еще дуло бластера, которое тот направил прямо ему в голову.

- Рус, ты чего...

- Молчать, сказал! Садись на кровать.

Слава сделал, что велели. Руслан встал напротив дверного проема, продолжая держать знакомого под прицелом.

- Что, чертов легавый, думал меня обхитрить? - Парень с крашеными волосами странно ухмыльнулся. - Не в первый раз сталкиваюсь с вашими хитростями и научился их раскусывать.

- Ты о чем?.. - недоуменно начал Слава, но Руслан гневно перебил его:

- Заткнись, говорю! Думаете, если человек не тупая скотина, если у него достаточно ума, чтобы проникнуть в суть, его можно устранить? Убить? Так вот, ошибаетесь! И пока я не проделал дыру в твоей башке, отвечай: каков план организации? Где твои корешки?! Я так просто не дамся!

- Да что ты говоришь? Я вовсе не из полиции...

- Конечно, нет. Ведь это необычная "полиция", как и ты - необычный полицейский. Ты охранник. Страж. Хранитель.

- Ты спятил. Я Вячеслав Дужников...

- Мне плевать на твою легенду! Я знаю, что вы скрываете: Симулякра прогнила насквозь и давно контролируется силами хранителей вроде тебя, которые чинят беспредел. По их вине погиб мой брат - он узнал то, чего не следовало. Но я вам отомщу. И даже больше: раскрою людям глаза

на правду!..

Псих, параноик, одержимый. Мысли выстраивались в логический ряд: случайное знакомство с человеком переросло в опасную, непредсказуемую ситуацию. Что на уме у сумасшедшего? И что ему нужно? Чтобы Слава рассказал о планах каких-то там полицейских-хранителей? Но он же ничего об этом не знает! Может статься, что и хранителей-то никаких не существует... Как поступить? Ни в коем случае нельзя злить безумца, тем более безумца с бластером. Но что, что делать?..

Пока Слава искал ответ, терпение Руслана, похоже, иссякло: он наотмашь ударил бывшего приятеля пушкой по лицу. Вспышка! И падение. Боль растекается по лицу, а во рту - что-то соленое, с привкусом металла... Слава сплюнул кровавую слюну и посмотрел на Руслана.

- Если тебя это не убедило, могу прострелить конечность. Какую предпочитаешь - руку или ногу? Если хочешь, продырявлю что-нибудь еще. Бластер работает почти бесшумно, а у меня с собой есть кляп, и на развлечения - целая ночь.

- Что же ты делаешь?! Подумай! - говорил Слава, медленно, чтобы ненароком не разозлить Руслана, поднимаясь на ноги. - Если я вправду

полицейский, хранитель или кто там, ты подставляешься под удар. Копы своих не бросают...

- А мне все равно. Хуже не будет. "Благодаря" таким, как ты, я потерял последнего родного человека и оказался в бегах. У меня лишь один выход: дать вам бой. Что я и делаю. А ты не смей меня пугать, не смей, понял?! Не боюсь я гребаных сил правопорядка и всесильных корпораций, которые ими руководят...

Неожиданно раздался стук в дверь. Руслан обернулся, на мгновение потеряв из вида Славу. Контроль над ситуацией был утрачен, и этим не преминул воспользоваться шатен: он прыгнул на парня с оружием и повалил на пол. Сцепившись, как дикие звери, молодые люди катались по выкрашенным в черное доскам, пытаясь одолеть друг друга. После внезапного нападения Славы Руслан выронил бластер и потерял преимущество. Надо было побеждать голыми руками, силой, что сделать оказалось непросто.

Из коридора доносились голоса: кто-то окликивал постояльцев, а не дождавшись ответа, начал ломиться в дверь.

- Что, без пистолетика ты не крут? - чтобы раззадорить противника, заставить его ошибиться, подначил Слава.

Но случилось совсем не то, чего ожидал юноша. Руслану, разозлившемуся еще больше, удалось высвободить руку и, хорошенько размахнувшись, съездить Славе по лицу. Когда хватка ослабла, парень с мелированными волосами провел пару ударов, после чего дотянулся до бластера и, встав, опять направил его на Дужникова.

- Сволочь... - Руслан ощерил зубы в гневной гримасе.

Тихо скользнула в сторону входная дверь, однако он услышал этот звук. Встал напротив дверного проема, не сводя дула с испачканного в крови Славы.

Когда трое людей - два грузных полицейских и низенький хозяин гостиницы, открывший им, - очутились в поле зрения, Руслан громко объявил:

- Ни шагу дальше, или я вышибу ему мозги! А ты поднимайся, поднимайся!

Слава с трудом выполнил приказание. Взгляд плыл, все вокруг шумело, кровь неприятно липла к лицу.

- Мы уходим, и не пытайтесь нас остановить! - продолжал командовать Руслан. - Давай, вперед!

Троица ворвавшихся в номер, бессильная что-либо сделать, только провожала их взглядами...

...Руслан то и дело оглядывался, проверяя, нет ли слежки. Улицы Симулякры пустовали. Ночь обрушилась на искусственный мир и словно бы выжгла запредельным холодом движение в мире. Не шагали по тротуарам люди, не летали в небе хопперы...

- Чувствую, они рядом... - повторял молодой человек себе под нос, то и дело тыкая дулом бластера заложнику в спину.

Слава шел вперед, выжидая момента для атаки. Не сейчас, нет: Руслан начеку. Если напасть, можно получить лазерным лучом в живот или грудь. Надо с толком использовать попытку, пусть даже она последняя. Интересно, куда его ведут...

- Стой! И не шевелись!

Замерев на месте, Слава, несмотря на предупреждение, осторожно повернул голову и посмотрел через плечо: Руслан достал смартфон и копался в нем. Пытается определить, не преследуют ли их? Если у него установлен навигатор, сделать это не так уж сложно.

А затем - другая мысль: "Может, сейчас? Пока враг отвлекся..."

Но Слава не успел ничего сделать.

- Как удачно: две птички на одной ветке.

Перед ними стояли те самые бандиты с пусты-

ря. В своих иссиня-черных одеждах они почти сливались с окружающим ночным миром.

Руслан среагировал моментально - вскинул руку с бластером. Выстрел удалось сделать всего один: в ответ сверкнул вспышкой и рыкнул злой собакой ПБ. Вскрикнув, когда разряд прошил левую ногу, выронив смартфон и оружие, крашеный парень повалился наземь. Второй бандит взял поверженного на мушку, а первый, тот, что говорил, обратился к Славе:

- Лучше не двигайся с места и тогда, возможно, все закончится для тебя не столь болезненно.

Раненый юноша в бессильной ярости поливал преступников отборными ругательствами.

- Погоди, он щас на угрозы перейдет, - заметил первый, и оба бандита громко заржали.

Что произошло дальше, Слава понял плохо. Кажется, к нему приблизились, сказали пару слов, а потом вкололи какую-то гадость. Внутри ноги растеклось мерзкое ощущение, которое затем распространилось по всему телу. Проникло в голову, превратившись в глубокое чувство сонливости, беспомощности. Ослабев, Слава уже не мог держаться на ногах и повалился в невидимый пепел, а через секунду потерял сознание...

...Восприятие реальности вернулось - размы-

тым взором, странным привкусом во рту. Слава приподнялся на локтях - чтобы сделать это, он приложил немалое количество усилий. Тело ныло, ноги и руки словно медленно выворачивали. Но туман, застилавший сознание, постепенно рассеивался. Кто-то что-то говорил. Неясные образы... Наконец удалось сфокусировать взгляд. Увиденная картина была родом из иной действительности, отдавала чем-то неправдоподобным. Смешение цветов: белого, зеленого... и черного. Как всегда, черного.

Прошло еще какое-то время, и звуки начали приобретать связность.

- ...зачем тебе это?.. Променял спокойную жизнь на... ...что тебе известно, чтобы... начнем...

Непонятное действо разворачивалось перед ним - непонятное, однако почему-то крайне важное, был уверен Слава. Глаза различили сияющую зеленым перегородку... Силовое поле? Неужели его изобрели? Но там, где жил Слава...

И тут все встало на свои места.

Он в другом месте, совершенно незнакомом, и здесь по-другому устроена жизнь. В этом месте существуют и силовое поле, и странные яйцеобразные кабинки белого цвета, и громадные пустые помещения, и люди в черных одеяниях-

спецформе...

Один из таких людей, ростом под два метра, стоял перед кабинкой, находившейся неподалеку. Черное и белое... Человек вертел в руках некий пульт.

Провалы в осознании почти исчерпали себя - остался только гадкий привкус во рту и выкручивающая тело ломота. Опираясь на руки, Слава лежал, смотрел и слушал. Можно было бы попробовать разбить стену кабинки и вырваться на волю, но не хватало сил, да и что-то подсказывало, что сделать этого не удастся. Не настолько же похитители глупы, чтобы сажать двух крепких ребят в кабины, которые держатся на честном слове. А если учесть, что захватчики используют силовое поле, в Симулякре еще даже не изобретенное, сразу становится ясно: эти люди способны на многое...

Вглядеться внимательнее. Зеленое поле в собственной "камере" мешало, но было полупрозрачным и не скрадывало маячивших силуэтов.

Человек в соседнем "яйце" бросился на стену и стал молотить по ней руками. Вернее, предпринял жалкую попытку. Слава удивился: Руслан - а это наверняка знакомый из Сети - пришел в себя и может передвигаться, тогда как он сам

еще лежит, с трудом шевелясь. Но шатену могли вколоть большую дозу... чего бы они там ни кололи. Да к тому же незадолго до инъекции Славу неплохо отделали...

Высокий субъект то ли нажал на пульте кнопку, то ли передвинул рычажок. Руслана отбросило от стены и повалило на пол. Он заныл-зарычал сквозь зубы, а потом начал материться.

Черный не обратил внимания.

- Последняя возможность, - продолжил он, - кто рассказал тебе о мире?

- Не понимаю, что ты несешь, сволочь! - выкрикнул парень с мелированными волосами. - А если бы и знал, то не... а-а-а!

Еще одно касание пульта, и мучения Руслана возобновились.

- Отстаньте от него! - насколько мог громко прохрипел Слава. - Что он вам сделал?

И тотчас будто раскаленный гвоздь вонзился в лоб. Юноша закричал. Боль длилась пару секунд, но казалось, намного дольше. Слава тяжело дышал, слезы лились из глаз. Он приподнял руку, коснулся лба - и ощутил под пальцами нечто металлическое. Что туда вживили? Чип? Связанный с пультом, который держал в руках черный? Посредством этого устройства наверняка воз-

действовали на всю нервную систему, ведь, как известно, мозг - ее центр...

Слава молча наблюдал за тем, как, катаясь по полу, рычит, рыдает и исходит бранью Руслан. Крикнуть еще раз? Попросить, чтобы проявили милосердие? А чего он этим добьется? Разве что новой порции боли...

Человек в черной одежде повернулся к Славе. Черный приблизился: рука лежит на пульте, тело вытянуто в струну, и звучит четкий, звучный голос, лишенный какого бы то ни было волнения.

- Твой друг не захотел говорить, за это пришлось подвергнуть его наказанию. Теперь твоя очередь. Мы следили за вами. Именами Хранителей Истинной Реальности клянусь, что применю все необходимые меры, если не согласишься рассказать правду. Помни, ты можешь принести пользу обществу...

Он говорил что-то еще, но Слава не слушал. Разум наполняли сбивающие друг друга мысли-вопросы: Хранители? Истинная реальность? Правда? Какая правда, в чем она заключается?!.. Слава не понимал, а ведь сейчас предстоит отвечать. И если он не скажет то, что хотят услышать, тогда щелчок чудо-пультом и юноша будет кататься по полу в приступе дикой боли...

Крики в "яйце" по соседству не смолкали. Как долго Руслан сможет терпеть пытки?

Однако то, что черный произнес дальше, Слава расслышал словно бы против воли. И короткая речь заставила забыть обо всем, перевернула мир с ног на голову, оставив абсолютно беззащитным перед ожидавшим ответа будущим.

- ...Чтобы уменьшить время нашей беседы, - сухо, едва ли не как робот, сказал хранитель, - говорю прямо: от кого и как ты узнал, что Симулякры не существует? Что она лишь вымысел, вынужденное прикрытие для реального мира, разрушенного самими людьми, а вовсе не враждебно настроенными безумцами? Общество не выжило бы, если б узнало правду. Отвечай: как ты ее выведал и каким образом выжил?

Слава оторопело взирал на двухметрового хранителя, а в голове отчего-то не смолкал внутренний голос, говоривший о... Наташе.

Жуткий крик-стон Руслана стих. Слава не видел, что с парнем: окружающее огромное пространство вдруг заполнило пустое беззвучие...

...Дома никого не было.

- Ау! - на всякий случай позвала Наташа. Только тишина прозвучала в ответ.

Ступая по черным коврам, красавица заглянула

в комнату Славы. Здесь его тоже нет.

Неожиданно привлек внимание голосовой сигнал аськи. Сначала девушка не хотела подходить к компьютеру - решила, что пишет Валентин Егорович. Он названивал на смартфон, но Наташа не брала трубки: не хотелось говорить с отцом... После ссоры и того, что он (скорее всего, по просьбе матери) наплел про Славу, пытаясь отговорить дочь от отношений с ним.

А что если это послание от кого-то, кому известно о любимом?.. Надо проверить!

Девушка села за ноутбук, взяла беспроводную мышку, открыло окно "ICQ". Хм, отправитель неизвестен. Интересно... Она навела курсор на номер, рядом с которым мигал конвертик. Щелчок, еще один - и пустые, незаполненные поля. Тогда закрыть "Информацию" и дважды кликнуть по "горящему" сообщению. На экране отобразились буквы:

"Я друг Руслана. С ним у Славы была назначена встреча незадолго до исчезновения. Я знаю, где они. Если интересно, напиши".

Наташа смотрела на четырехугольник с текстом внутри. Решение не зрело - оно уже было принято.

"Что я должна сделать?" - быстро напечатала

девушка.

"Захвати с собой ПБ", - тут же пришел ответ.

"Где он?"

"Должен быть в квартире у Славы".

"Хорошо".

"Встречаемся в кафе "Тихий вечер", через час".

"Как вас зовут?"

А затем:

"Как я вас найду?"

Но на сей раз ответа не последовало.

Наташа заозиралась: куда Слава положил ПБ? Если, конечно, не взял с собой.

Один из ящиков стола был заперт, но девушка знала, где находится ключ. Встала, подошла к шкафу, поднялась на цыпочки, пошарила рукой. Вот он! Вернулась к ящику, открыла ключом, выдвинула - пистолет-бластер непонятных модели и марки лежал среди дисков. Секундное сомнение... Однако потом рука потянулась к оружию, и пальцы сомкнулись на нем. Заткнуть за пояс... Заперев ящик, вернув ключ на место, Наташа вышла из комнаты.

И вдруг возвратилась. Взяла чистый лист бумаги формата А4 - целая стопка громоздилась на компьютерном столе, - вынула из подставки ручку, написала короткую записку. Сложив листок,

оставила на тумбочке в прихожей, после чего покинула квартиру. Когда дверь, закрываясь, бесшумно скользнула в пазы, свет автоматически выключился. Точно полое животное-великан, квартира погрузилась в безмятежный сон.

Изящные пальчики с ухоженными ногтями отбивали дробь по столешнице. Наташа не находила себе места.

Сколько она уже ждала его? Пятнадцать минут? Двадцать? Казалось, гораздо больше. В течение этого времени мысли неуклонно возвращались к Славе. Как он? Что с ним? Сумеет ли она помочь ему?..

Разнервничавшаяся девушка поискала взглядом того, с кем назначена встреча. Да где он, черт побери?! Почему не является?!..

Она отвернулась и стала грызть ноготь. Наташа не умела скрывать волнение.

Наверняка люди, сидящие в зале, оборачиваются. Проверять не хотелось: наоборот, начав озираться, только больше привлечешь внимание.

Неожиданно тяжелая рука легла ей на плечо. Наташа вздрогнула, оглянулась.

Он, наверняка это был он! Тот, с кем девушка договорилась о встрече. Высокий, мрачный и

какой-то... незапоминающийся.

Мужчина кивком указал на выход и, ни слова не говоря, пошел прочь из ресторана. Наташа заторопилась следом.

Один из официантов, который заметил, что посетительница ничего не заказала, провожал ее то ли недовольным, то ли подозрительным взглядом. Красавица очень сильно волновалась. Да и тип, который к ней подошел, чересчур выделялся из толпы именно своим явным нежеланием выделяться. Правда, очень уж он... блеклый, серый. Даже черный. Как и все вокруг, впрочем...

Однако анализировать поступки посетителей не входило в круг обязанностей официанта. Поэтому вскоре он забыл о случившемся и вернулся к собственным делам...

...Они вышли наружу, прошли по улице и свернули в незаметный переулок.

Мужчина прислонился спиной к стене, залез в карман черной куртки и что-то оттуда достал. Девушка, обеспокоенная происходящим, опустила взгляд... и с удивлением увидела непонятную коробочку с кнопкой.

- В обмен на ПБ, - сухо сказал мужчина.

Наташа торопливо протянула пистолет-бластер.

"Что я делаю? - подумалось ей тут. - Может, собственными руками подписываю себе приговор. И только ли себе?"

Убрав ПБ в карман, мужчина чуть ли не впихнул в Наташину руку странную коробочку. А потом заговорил:

- Это телепортатор. Слышали о них?

- Ч... читала, - сбивчиво ответила красавица.

- Нажмете на кнопку сверху, - продолжал незнакомец, - переместите сюда вашего благоверного. Надавите снизу - очутитесь там же, где он. Понятно?

- Подождите... Кто вы?

- Я уже говорил. Друг Руслана. И, в отличие от него, я вам верю.

- Откуда вы...

- В Симулякре все следят за всеми. Не так ли?

Наташа оторопело кивнула.

- Кажется, так...

- Мой... коллега... установил датчик на теле Славы.

- Коллега работает на них?

- Нет, он работает сам на себя. И помогает нам. Но может находиться среди них.

- Он там под прикрытием?

- Вроде того. Воспользовавшись своим положе-

нием, он решил помочь вам. И нам с Русланом. Дело в том, что телепортатор создан на основе особой технологии. Ее разработали здесь, но придумали за пределами нашего мира. ПБ, силовые поля и многое другое - результат использования этой технологии. Вам очень повезло, что вас не испепелили из их бластера. Это очень мощное оружие. Имея на руках ПБ наших врагов, мы сможем раскрыть их секреты и поставить на поток производство телепортаторов. А там уж... - Он усмехнулся. - Там уж как повезет.

- И вы не боитесь мне это рассказывать?

- Думаю, вряд ли вы станете делиться с кем-нибудь полученной информацией. Ради собственной же безопасности. Тем более, я помогаю вам спасти Славу... Кстати, времени у вас все меньше и меньше. Они могут обнаружить датчик в любую секунду. Или он сам, по неведению, избавится от него. Решайте быстрее, с какой стороны нажимать кнопку. И еще, на всякий случай: второй раз мы с вами вряд ли встретимся, а телепортатор у меня один. После использования он самоуничтожится. Так что выбирайте с умом. Он в любом случае самоуничтожится через пару часов: сработает их защита краденого оборудования. Но у вас хотя бы будет шанс.

Сохраняя непроницаемое выражение лица, мужчина кивнул - и вышел из переулка.

"Скрылся на улицах Симулякры, - подумала Наташа. - Вот бы и мне так: много знать, не запоминаться, уметь исчезать..."

Она перевела взгляд на устройство, что держала в руках.

"Нажму сверху - и Слава вернется. Снизу - и перемещусь к нему".

Она знала, что хочет сделать. Но вдруг в разуме загорелось новое желание. Не просто спасти любимого, а помочь, помочь людям. Всей Симулякре! Ведь тут определенно творится нечто противозаконное и опасное... глобальное и практически неразрешимое!..

Только - сможет ли она? Что она вообще способна противопоставить людям, о которых ничего не знает? Которые владеют технологиями, знакомыми ей лишь по книжкам?..

"Сверху - он сюда. Снизу - я туда. Каков будет мой выбор?"

Неужели она решится? Неужели поставит на кон и собственную жизнь, и жизни родителей, которые непременно будут ее искать? И она ведь оставила записку на столе: там говорится, куда и зачем пошла их дочь...

На лбу выступил пот. Надо торопиться. Нужно выбирать. И как можно скорее: ожидание в ее ситуации подобно смерти, причем сразу для нескольких людей.

Наташа глубоко вдохнула. Выдохнула. Волнение на миг отступило.

И она надавила красивым пальчиком кнопку.

Сверху.

Посмотрите. Вот они. Вероятности. Сотни и сотни линий, разветвленных, перепутанных, разноцветных.

Вероятности бывают различными и ведут к самому разному. К обретению и потере, к войне и миру, к прошлому и будущему...

Наташа выбрала свой путь. Но в какой-то из вероятностей она решилась и нажала на кнопку с нижней стороны. Зачем она так поступила? И к чему это привело?.. Только Вселенная может ответить.

Та самая Вселенная, где существуют бесплодные, серые, каменистые поля разрушенного мира. Мира, что когда-то был живым. Та Вселенная, где придумали, построили, наложили на реальность Симулякру. Вселенная, где сосуществуют добро и зло, любовь и ненависть, спасение и месть...

Человек способен на многое. Немало людей

живут в Симулякре. Есть и такие, кто пытается выживать в реальном мире - и даже спасать его. Самоотверженные, а может, попросту глупые. Но, тем не менее, они тоже способны на многое. На сочувствие и понимание... или злобу и разрушения...

Наташа не знала, что реальность истончается с каждым воздействием на нее, а тот мужчина не сказал ей. Да и как он мог? Возможно, он не знал сам. Зато ему прекрасно было известно, что она выберет. Сейчас. Скорее всего... Не в его воле решать за нее. И - каждый человек обладает правом выбора.

Есть нерушимые вещи.

А еще есть вОйны и вОйны. Например, такие, где нет и не может быть победителей. ВОйны, в которых день ото дня все становится лишь хуже. И начинаются они не на поле брани, а в сердцах людей. Обычных. Но - способных на многое.

И если нет возможности, сил, ресурсов помочь всем... многим... протяни руку ближнему. Пусть он вытрет кровь, поднимется с земли... пусть подождет, пока время залечит раны... И тогда скажет тебе спасибо. И готов будет вступиться за тебя, когда возникнет необходимость.

Потому что люди - причина войны. Однако и

они же - творцы мира...

...Внутри Симулякры, в ее черном, мрачном чреве, горели тусклые огни. Пленники иллюзорного мира отныне могли быть свободными, хоть и не подозревали этого. Не знали о подобной возможности и те, кто осведомлен о существовании подлинной реальности.

Но кто-то же ведал.

И имя ему - Бог. Именно он вообразил, что из любой ситуации есть выход.

И даже здесь, даже в беспросветной Симулякре, находились те, кто помнил о том. А значит, многое возможно и не все потеряно.

Поскольку надежда - штука упрямая.

(Май, июнь 2012 года; апрель 2022 года)

Наталья Резанова

ДВА ПРАПОРЩИКА

Рассказ вдохновлен тем обстоятельством, что роли Анки-пулеметчицы в "Чапаеве" и Феи-крестной в "Золушке" исполняла одна актриса - Валентина Мясникова.

Стоя на вершине холма, она с отчаянием оглядывала поле боя. Исход сражения был очевиден. Закованные в сталь имперские солдаты методично сминали королевские войска. Нет, дворяне королевства были отважны и благородны, но эти качества они доказывали на дуэлях и на охоте. Опыта реальных боевых действий у них не было, а он, как оказалось, стоил больше благородства.

Но все же надежда пока оставалась. Где-то там, за гранью горизонта, гвардия еще держала оборону, а принцесса-крестница помогала королю поддерживать порядок в столице. Возможно, они смогут продержаться до прихода союзников.

За грохотом, доносившимся с поля, крестная не услышала стука копыт, и когда ее ученик

внезапно оказался рядом, вздрогнула от неожиданности.

Он все еще числился учеником, хотя и сильно вытянулся за последние годы. Просился в гвардию, но крестная не отпустила. Ему была предназначена должность королевского мага, не сейчас, а когда его наставница уйдет в отставку. Но когда началась война, недавний паж не мог усидеть на месте. По крайней мере, она убедила его ограничиться ролью гонца.

- Все плохо, - хрипло сказал он. Собственно, это читалось на его лице, измученном, замаранным копотью. Но он продолжал выкладывать мрачные подробности. - Помощь не придет. Император обещал великому герцогу в жены принцессу Марианну и, в качестве приданого, долю в военной добыче. Король пытался провести переговоры, обещал уйти в монастырь, как император требовал вначале, но теперь им этого недостаточно...

На какой-то момент слух отключился, пропустив лишь имя. Марианна. Свояченица императора, сестра императрицы Анны. Стало быть, мачеха крестницы пристроила и младшую дочь. Лучше бы она поссорилась с другим королевством, как грозилась...

Надо было слушать коллег по Кругу фей, по-

думала она. Заставь мачеху и ее дочек плясать босиком на раскаленной плите, это древняя, освященная веками традиция, говорили они. Но она была убеждена, что нынешнее волшебство не должно допускать такого чудовищного варварства. И вот теперь получаем то, что заслужили.

- Госпожа, - из последних сил выкрикнул ученик, - примените свой дар! Вы же настоящая волшебница, не то, что я! Превратите вражеские пушки в хлопушки, а солдат... ну, я не знаю...

- В крыс, - закончила она. - Думаешь, я не пыталась? По-моему, солдаты этого даже не заметили. Или они изначально были крысами? У имперцев ведь есть свои маги. А на пушки наша магия не действует. Мы ведь добрые волшебники. Мы обязаны нести людям радость, а когда пытаемся этим противостоять огню, пороху и железу, мы бессильны.

- Так что же делать, что делать?

- В этом мире, возможно, ничего. - Посмотри, - она указала на небо, которое почернело. И не только от порохового дыма. Эскадрилья имперских драконов клином шла на столицу королевства. - Мы - порождение фантазии и обречены исчезнуть.

- Но фантазия бессмертна! И мы непременно

возродимся.

- Если так, мы больше не будем слабыми. Добро не должно полагаться на волшебные палочки. Если будет необходимо, мы сами будем управлять порохом, огнем и железом.

- А мы сумеем?

- Мы научимся. - И, глядя на язык огня, который выдыхает пролетающий дракон, выкрикивает: - Я научусь!

Она прижимается щекой к рукояти, вдыхает запах железа и оружейного масла. Этот запах успокаивает. Вот и хорошо, вот и ладно, нужно, чтоб руки не тряслись.

Она уже умеет стрелять, ей показывали, как это делать, но сегодня в первый раз ей придется стрелять в живых людей.

Они надвигаются, надвигаются неотвратимо, идут красиво, их командир вышагивает как на параде, помахивая стеком. Но и рядовые отлично держат строй. Их учили долго и тщательно, у них опыт еще с прошлой войны.

А мы? Мы кто такие? Они нас быдлом кличут, но разве наши не воюют годами? И не бегают от врага. Разве наша дело не правое?

И все-таки, если не смести этот строй до того, как конница пойдет лавой, они сами нас сметут.

Пусть подойдут поближе, говорит она себе, не слушая советов старшего. Она не думает сейчас, за что они сражаются - за большевиков, за коммунистов, за Интернационал. Главное - не струсить сейчас, не убежать, не понимая, кого она больше боится - наступающих или себя. Пусть подойдут поближе.

И в какой-то миг она необъяснимым чутьем сознает - пора. И жмет на гашетку.

Отдача сильна, пулемет трясет, но не трясутся руки. Очередь за очередью обрушивается на наступающих. Какое-то время они еще идут. Потом начинают падать. Происходит страшное, мрачное чудо - она со своим пулеметом может противостоять врагу. Где ваша красота, где ваши белогвардейские танцы, господа офицеры? Она строчит, пока патроны не заканчиваются. От грохота почти оглохла, но по тому, как дрожит земля, понимает - конница пошла в атаку.

Снова запах железа, на этот раз совсем другой. Пулемет раскален. Ничего, сейчас остынет, и поднесли другую ленту, сейчас она даст новую очередь... Какой-то треск наверху, гораздо выше ее холма. Она поднимает голову, видит летящий силуэт. "Дракон...", мелькает чужая, не ее мысль. Какой еще к чертовой бабушке, дракон? Это "фок-

кер", у нас их нет, а у беляков, значит, имеются. Можно ли сбить самолет из пулемета? Ее этому не учили, но она попытается...

Те, кто уже начали поправляться, выбираются в коридор лазарета. Кто-то пытается бряцать на гитаре, кто-то декламирует стихи, памятные еще с прошлой войны.

Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет.
И жужжат шрапнели, точно пчелы
Собирая ярко-красный мед.
И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны...

По возможности курят. Это запрещено, с героями разве поспоришь? Разговаривают.

- ...и представьте, он рассказывает в палате сказки! Боевой офицер - про Золушку, про Красную Шапочку...

- Да полноте вам. Что с него взять? Прапорщик, вчерашний юнкер.

- Ну, не скажите. Юнкера под Екатеринодаром неплохо себя показали, не зря их всех в Офицер-

ский полк включили.

- Полки-то формируют, а что дальше?

- В Ростов, ясное дело.

- Ростов под немцами.

- Лучше немцы, чем большевики.

Голоса удаляются. Он выходит из-за угла. Пытается свернуть самокрутку и закурить. Это трудно. Руки ужасно трясутся после контузии. "Больше вам, батенька, оружия в руки не взять", говорит доктор, и смотрит с сочувствием. Он знает этот взгляд, его отец тоже врач.

А сам бы он снова взял в руки оружие? Если бы мог? Его соседи по палате - да. Но он сомневается. Год назад, когда его мобилизовали, он еще мог острить на эту тему: "Если стану пограничником или пулеметчиком, у меня будут шпоры..." Сейчас, после ада Ледяного похода, после лютых боев за Екатеринодар, всякая охота шутить пропадает. Даже вспоминать об этом. И когда соседи-походники толкуют о своих подвигах, он начинает рассказывать сказки. Его внезапно охотно слушают. Просят еще и еще. Когда исчерпывается запас сказок из семейной библиотеки - Андерсен, Перро, братья Гримм, он рассказывает то, что придумал сам. Точнее, увидел. С детства он видел обыденное в сказочном, а сказочное

в обыденном. Любой встречный мог оказаться волшебником или людоедом, великаном или мальчиком-с-пальчик. А тень пролетающего над городом биплана напоминала дракона. Он пытался рассказать об этом родителям. Они его не понимали. Отец вздыхал, а мама сердилась, и кричала, что он прирожденный неудачник и плохо кончит. А здесь вот понимают, слушают. Говорят: "Вам бы, Евгений Львович, книжки писать! - Какие книжки, это на театре представлять надо!".

Самокрутка догорает, обжигая пальцы. Пора вернуться к действительности и решить, что делать. Его комиссуют, доктор ясно дал понять. Назад, к родным? Но там большевики, люди, в которых он недавно стрелял. Вслед за полком, в Ростов? Неужели немцы вправду лучше большевиков? Он не может в это поверить.

Но нельзя же жить в мире своих фантазий!

Или все-таки можно?

Прапорщик достает завалявшийся в кармане огрызок карандаша, пишет на клочке папиросной бумаги внезапно пришедшее в голову слово "ундервуд". Задумывается.

***

Хотя бои к началу весны закончились, расписание поездов еще не было налажено. И кто знает, сколько им придется проторчать на этой станции. По крайней мере, можно раздобыть кипятку.

Молодая женщина с чайником в руках пробиралась к вагону политработников, служившим им жилищем, осторожно переступая через рельсы. Было грязно и сыро, до настоящего тепла еще далеко. Хотя в Москве, наверное, еще снег лежит. Правда, честная снежная зима, говорят, все равно лучше, чем здешние ледяные.

Муж писал ей, чтоб она не приезжала на этот раз, но, узнав об его тяжелой контузии, она оставила маленькую Нюсю на попечение матери и сорвалась на юг. О Мите надо заботиться, он иногда бывает хуже малого ребенка, хоть и комиссар. Даже поесть забывает.

Поднявшись в их купе, она заварила чай, крепкий, как он любил. Нашлась и пара кусочков колотого сахара.

Хорошо, что в купе, переделанном для совещаний, никого, кроме Мити, не было. Он сидел за столом, на котором громоздился "ундервуд",

присланный из редакции "Красного воина", и яростно колотил по клавишам.

Он тоже был еще молод, ее муж, с привлекательным лицом, худым и скуластым. Голову он обвязал полотенцем. Значит, опять мучили боли, последствия контузии.

Кубань который год служила ареной жестоких боев, именно здесь, во время Ледяного похода, началась белогвардейщина, и когда казалось, что белые разбиты, в прошлом году на эти края обрушились Врангель и Улагаев. Но теперь, кажется, все...

- Митя, что ты утомляешься лишний раз? Писал бы от руки, а я потом перепечатаю.

- Ничего, надо освоить. - Он взял стакан в подстаканнике у нее из рук, отхлебнул чаю. - Много чего надо освоить. Газету придется брать в свои руки, предлагают вот...

Она была рада это слышать. Хватит с него боев. Пусть он политработник, но разве ж его удержишь? Другое дело - редактор газеты, в бой бросаться не надо. Но она этого не сказала. Сказала другое: - редактор газеты - дело полезное. А как военные действия закончатся, в Москву переведут. Нюсю увидишь, она большая уже, три года. Доучиться сможешь, писателем будешь, ты

ведь всегда этого хотел...

Да, он всегда хотел сочинять, хотел писать книги, хотя какой писатель из сына ярославского сапожника? Но он сумел, благодаря воле и упорству, сперва закончить реальное училище, потом поступить в университет. А потом война, потом другая. Из студента он стал прапорщиком, из прапорщика - комиссаром. Теперь будет редактором. Что дальше?

Он щурится, снова отпивает чай.

- Писатель... представь себе, в "Красном воине" хотят, чтоб я собрал свои заметки о работе у Чапаева в книгу. Говорят, что легенд поразвелось, как блох на собаке. Будто бы Чапаев с Каппелем воевал, с Каппелем, представляешь себе? А ты, говорят, напиши, как было, народ должен знать всю правду! - Лицо его дергается. - Не могу я писать всю правду. Не могу и не хочу.

- А ты напиши роман. - Она отводит взгляд. - В романе можно и не всю правду, можно и придумать, это ж допустимо.

- Роман? - он усмехается. - Что с Каппелем дрались, что Чапай в реке утонул? А тебя вывести отважной воительницей...

- С шашкой, на лихом коне? - Она пытается подхватить шутку.

- С шашкой - это не современно. С пулеметом.

- Да уж, какая из меня воительница. Я - сестра милосердия.

А ведь она тоже мечтала писать книги. Не с самого начала, как муж. В юности, как многие девочки, мечтала стать актрисой. Но война так же поломала ее жизнь. Она отправилась на фронт сестрой милосердия. Встретила в санитарном поезде прапорщика Фурманова, вышла за него и с тех пор следовала его и помогала ему. Так будет и впредь, если он станет писателем.

- Ступай, Аня, - говорит он. - Мне заметку закончить надо, срочно в номер.

Она выходит. За спиной слышен треск "ундервуда", похожий на пулеметную очередь.

Примечания:

"Как собака на цепи тяжелой..." - из стихотворения Николая Гумилева "Война"

"Если стану пограничником или пулеметчиком..." - цитируется письмо Евгения Шварца (1918 г.)

"Ундервуд" - первая пьеса Е. Шварца (1928 г.)

Сцена каппелевской атаки и образ Анки-пулеметчицы в книге Дмитрия Фурманова "Чапаев" отсутствуют. Они появились в сценарии одно-

именного фильма, одним из авторов которого была Анна Фурманова.

Миниатюры

Пауль Госсен

Королевство за $9.99, включая НДС

Жил да был я. В Тридевятом Виртуальном Королевстве. Месяц - два бакса, полгода - трешка, а если арендовать на пожизненное пользование - $9.99, включая НДС.

Должность у меня - король. В реале я, правда... Но не будем о грустном. А здесь - король. Замок с башенками на холме, леса-поля... Красота! И все, как настоящее. Хоть в лупу рассматривай, хоть руками трогай. По утрам рыцарские турниры, по вечерам балы. По вторникам походы на соседние царства-государства, по четвергам жду неприятеля к себе. Раз в месяц свадьба. Нет, гарем я не держу - королевство мое христианское. Поэтому действую по методу Синей Бороды: отгулял медовой месяц и супругу в расход. А то присосется пиявка, как в реале... Но не будем, не будем о грустном.

Казнь королевы - это всегда праздник. Зевак собирается целая площадь. "Да здравствует король!" - кричат и все такое. Видели ли вы когда-нибудь глаза своей жены после вынесения ей смертного

приговора? Я - каждый месяц. Очень, знаете ли, поднимает самооценку.

Так я и жил. Горя не знал, в реал лишь на работу ходил. Проблем с невестами в Тридевятом не было. Я им приворотное в бокал. Выпьют и влюбятся. В меня - Эрика Некрасивого. И не просто влюбятся, а втрескаются по уши. Можно руку и сердце предлагать, можно дурой называть - смотрят преданно, а глаза большие и голубые.

Невест я отбирал сам. На королевских балах. Для чего ввел специальный "Декрет о Золушке", который строго карал родителей, запрещавших дочерям посещать дискотеки. И девушки шли на мои балы, как загипнотизированные. Знали, чем все может кончиться, а все равно - подавай им острых ощущений. Я восседал на троне, тискал очередную королеву и выслушивал советы придворных.

- Ваше величество! Ваше величество! - шептал мне на ухо первый министр Джои Силвера. - Обратите внимание на Якобину - дочку мясника. Вон ту блондиночку.

- Да они все блондиночки, - отвечал я.

- Она в желтом, ваше величество, - не унимался Силвера. - А подол петухами расшит...

- Даже не смотрите, ваше величество, - сопел в

другое ухо палач Том Байрон. - Подол с петухами - ну и вкус! Взгляните лучше вон на ту блондиночку.

- Да они все блондиночки, - вздыхал я.

- Она в голубом, ваше величество, - не унимался палач. - А подол с единорогами. Кристина - дочка звездочета. До чего аппетитная...

Надо признать, что все девушки в Тридевятом были практически на одно лицо. Носики-курносики, чуть надутые губки, обесцвеченные кудряшки. Матрицей для них послужило старое фото из журнала "Плейбой". Программист, понятно, девушек подретушировал, одел одну в желтое, другую в голубое. Но заголишь королеву, а там одно и то же, одно и то же! И никаких новых геометрических перспектив.

На этом я и погорел. Как-то во вторник напали мы на Новую Трансильванию - виртуальную империю, где правил Дракула II. Поход прошел успешно: разбили рыцарей, спалили окрестные деревни, осадили замок. Дракула II зубы в бойницу скалит, словами нехорошими нас кроет. Мои воины посыпают замок стрелами, но на штурм идти не хотят - опасаются чанов с кипятком. И тут заскрипели и открылись ворота замка. Глянул я: стоит в проходе девушка. Черноокая. В красном.

А на подоле василиск вышит. Она-то нам ворота и открыла. Ворвались мы в замок. Дракула II дал деру в реал, но мы отвели душу на кухарках - порубали всех в капусту. Потом забросил я черноокую на коня и галопом к себе в Королевство.

Ну, а по возвращению сразу же приказал казнить королеву, достал склянку с приворотным и подступил к пленнице.

- Как зовут тебя, - спрашиваю, - красавица?

- Габриэла, ваше величество, - отвечает Габриэла и падает передо мной на колени.

- Что же ты, Габриэла, ворота открыла? Господина своего Дракулу II предала.

Заблестели в глазах чужеземки слезы.

- Замуж он меня за себя звал, ваше величество. Уж и день свадьбы назначил. А я не хотела.

- Как так? - осерчал я. - Слово государя для программы - закон.

Разрыдалась тут Габриэла пуще прежнего, руки заломила и говорит:

- Вас я люблю, ваше величество. Сиротой я росла, без матери, в детстве с папой на работу в казначейство ходила, а там, чтоб не скучать, с монетами играла. И попалась мне как-то заграничная монета с вашим профилем. Я как ее увидела, так в вас и влюбилась.

- Влюбилась? - удивляюсь. - Да я же Эрик Некрасивый.

- Для кого и некрасивый, - отвечает девушка, - а я ту монету за щеку спрятала, из казначейства вынесла и с тех пор любовалась вами в тайне.

И достает из-за щеки золотой гульден с моим профилем.

- Опомнись, дура! - кричу, а самому приятно. - Я ж всех своих жен казнил.

- Так до того месяц с ними жили, - отвечает чужеземка. - Да за такое счастье и жизни не жалко.

Тут-то я и растаял окончательно. Плеснул приворотное в бокал, спрашиваю:

- Пойдешь за меня замуж?

Отодвинула Габриэла бокал, глаза засверкали.

- Я, ваше величество, за вас и без всякого приворотного пойду. Ибо люблю вас сильнее жизни. Одного боюсь: все ваши жены блондинки были, а я черненькая - наскучу быстро. Пожалейте меня, ваше величество: выпейте приворотное сами и подарите скромной девушке месяц безумной любви.

Хорошо сказала. Я чуть сам не разрыдался. Осушил одним залпом бокал, глянул на Габриэлу влюбленным взглядом, подхватил на руки и понес в тронный зал. Мы как раз кольцами обме-

нивались, когда моей бывшей под окном голову отрубили. Непередаваемые ощущения!

И стали мы жить. В принципе, у черноокой под красным оказалось то же самое, что у других под желтым и голубым. Но с небольшими отличиями. Тут чуть поуже. Там чуть пошире. Плюс родинка на интересном месте. А что моя Габриэла в спальне вытворяла! Не перескажешь.

И вдруг...

- Ваше величество, - шепчет мне Джои Силвера, - сегодня месяц, как вы с Габриэлой свадьбу сыграли...

- Пора бы ее того... - потирает мозолистые руки Том Байрон.

- Как месяц? - удивляюсь. - А ведь и вправду... Так я же новую невесту еще не выбрал.

- Выберете, ваше величество, - это опять Силвера. - Девушек в Тридевятом много. А с этой пора кончать.

- Постойте, - кричу. - А если у меня к ней серьезное чувство?

- Ваше величество, - умиляется палач, - тем острей будут ваши переживания в момент казни.

- Хорошо, - вздыхаю, - подготовьте указ, я его подпишу... на днях.

- Указ давно готов, - кланяется первый ми-

нистр.

Что ж, имидж короля превыше всего. Взял я перо, занес над указом... И тут - бабах! - распахнулась дверь и в тронный зал вбежала моя Габриэла.

- Поздравьте, ваше величество! - кричит. - Я - беременна.

- Не может быть! - кричат Силвера и Байрон.

- Может, вот справка от придворного врача.

Что тут скажешь? Казнить Габриэлу? И вместе с ней наследника престола? Фиг вам! Прогнал я первого министра и палача с глаз долой и закатил пир на все Тридевятое.

Ну, а через пару недель у Габриэлы округлился живот. Почему так быстро? Я и сам поинтересовался. И Габриэла мне объяснила, что у них в Трансильвании за год по три урожая снимают, а уж детишки растут - куда там нашим грибам.

И точно, вскоре родился наследник престола Феропонт Мудрый. Оргии в королевской спальне прекратилась, начались пеленки-распашонки... Наследник оказался плаксой. Сирена, и только. Я поначалу крепился, уши затыкал. Потом стал все чаще задерживаться в реале. На недельку. На две. Летом взял отпуск и махнул со своей змеюкой на море. Читал ей Верлена, цветы как-то подарил, но потом... Ладно, я же обещал: не будем о грустном.

Вернулся я в Тридевятое только осенью. Гляжу - Феропонт подрос, на вид ему лет шестнадцать. Книжки по программированию читает, каратэ освоил. И Габриэла не скучает: в мое отсутствие взяла государственные дела в свои руки, указы подписывает - только бумага шуршит.

- Ты где был? - спрашивает, и не слышу я в ее голосе былой любви. - Я тут без тебя две войны выиграла, наследника вырастила. А ты в реале с вонючими женщинами развлекаешься.

- Почему это "с вонючими"? - возмущаюсь.

- В реале все имеет запах. Значит, и бабы все вонючие. И ты мне зубы не заговаривай, ваше величество. Ответь лучше, когда в следующий раз пропадешь?

- Не знаю, - говорю. - Работа у меня. То да се.

- А раз не знаешь, - говорит Габриэла, - подпиши указ о передаче власти наследнику.

Тут-то вся любовь у меня из головы в раз вылетела.

- Измена! - кричу.

Но без толку. Первого министра Джои Силвера по приказу Габриэлы казнили. Что до палача Тома Байрона - то он министра и казнил, переметнувшись на сторону королевы.

- Подпиши по-хорошему, - требует Габриэла.

- Не подпишу, - ерепенюсь я. - Самозванка! Дрянь!

- Тогда, - говорит, - тебя отстранит от власти Королевский Совет, как слабоумного.

- Это я-то слабоумный!.. - начал я, но тут двое стражников схватили меня за руки и повели на Совет.

Там уже ждали палач Том Байрон и наследник Феропонт Мудрый.

- Сколько будет 46790654 умножить на 6356865? - спрашивает Байрон.

- Я вам не калькулятор, - отвечаю.

- Да это же элементарно, - смеется Феропонт, - 297441870739710.

- У меня гуманитарное образование, - говорю. - Так что, попрошу вопросы без циферок.

- Это запросто, - соглашается палач. - Расскажи наизусть "Виртуальный свет" Гибсона.

- Вы что - очумели? - кричу.

А Феропонт Мудрый начинает:

- "Курьер прислонился лбом к слоеному пирогу стекла, аргона и ударопрочного пластика. Над окраинами города висит боевой вертолет..."

- Заткнись, - кричу я. - Ты же программа. А я - человек.

Но разве тут что-то докажешь. Отстранили

меня от власти, сослали в деревню коз пасти. Хотел я народное восстание поднять, да куда там! Крестьяне вилами побили, девушки обсмеяли.

Тут объявился из реала Дракула II, тот самый. Габриэла упала в ноги Феропонту Мудрому и покаялась, что его настоящий отец - трансильванский император. Феропонт заключил своего нового отца в объятия и тут же скончался от неизвестной болезни. Вся власть перешла к Габриэле - королеве-матери. Через день она вышла замуж за Дракулу II, и Тридевятое Королевство мирно вошло в состав Новой Трансильвании. Обставил меня император, как мальчишку. Я понял, что ловить больше нечего, и слинял в реал.

Такая вот история. Хотя убытков, если вдуматься, всего-то на $9.99. Было бы с чего расстраиваться.

Елена Ермакова

Узник леса

Тяжко быть привидением. Видеть, как волшебный лес, который лишил тебя тела, вольно вздымает и опускает ветви, повинуясь лишь ветрам и дождям, как он одаривает людей своей милостью или лишает их жизни. А ты, если и можешь на секунду ожить и проявить волю, обрести силу и форму, так только в минуты величайшего душевного напряжения. И только в лесу, никогда за его пределами. Пытался ли я бежать из леса? Не раз. Лес умен, он следит за своими пленниками.

Со временем я начал понимать, кому лес помогает, а кого карает. Я не глухой и не слепой. Если человек пришел кому-то отомстить и наказать, путь привидения ему обеспечен. Лес не любит злых желаний. Такие вот у него капризы.

Я пришел в лес десять лет назад, чтобы свергнуть брата-короля, глупца и труса, но лес вместо помощи лишил меня плоти и запер в своих чертогах. Вместе со мной в лесу обитает еще множество привидений, обиженных и злых. Если соберутся вместе, могут и напасть на путника.

Лишь на секунду способно привидение ожить, стать получеловеком, но, если их толпа, этой секунды хватит, чтобы растерзать несчастного, замешкавшегося в лесу. Нападают они обычно на тех, кто получил от леса дар. На счастливцев. Нападают из зависти и злобы, от тоски и из мести за чужую удачу.

И я раньше был с ними, а теперь поостыл, успокоился. В чем-то даже понял лес.

Людям, которые приходят в лес с мольбой, это все не ведомо. Легкое чудо манит, поток просителей не иссякает. В народе ходит молва, что мешкать в лесу нельзя, что лес опасен, но глупцов все равно хватает.

А сегодня в лес явился парень из конюшни моего бывшего замка. Десять лет назад он был ребенком, но как не узнать сероглазого. Зачем ты здесь, дурачок?

Парень озирается, в глазах у него обида и боль. Рука сжимает дешевый браслет из речного жемчуга. А ведь ему, похоже, девчонка отказала. Ох, не миновать ему моей участи, коли за местью пришел. Какая глупость - боль от отвергнутой любви. Я бы сейчас все отдал за такую боль.

Делаю усилие и становлюсь видимым. Человеком в туманном покрывале. В таком виде могу

продержаться до получаса. Потом меня снова затянет в невидимость. От страха парень так и оседает в траву.

- Уходи. Лес тебя уничтожит, - говорю ему.

Парень упрямо качает головой.

- Не верю. Ты просто злой дух.

Он не далек от истины.

Упрямый мальчишка закрывает глаза и кричит ломким голосом:

- Добрый лес, я не уйду, пока не поможешь мне ее забыть! Помоги! Забери боль!

Дурачок, но пронесло его. Такое лес сделает, он только злых желаний не любит.

По кронам пробегает ветер, и парень открывает глаза. Осматривается, словно только что проснулся. Тоска ушла, в глазах сонный покой, забрал-таки лес его боль.

- А ведь я тебя помню, - говорит вдруг парень. - Ты бывший хозяин замка. Когда ты пропал, мы еще думали, куда ты мог деться, что за беда с тобой приключилась. А ты, оказывается, в лес ушел и привидением сделался.

Я киваю. Незачем ему знать, за что лес меня наказал. Да и пора уже мне растворяться и исчезать, время мое быть видимым подошло к концу.

- Может, помочь тебе чем? - говорит вдруг па-

рень.

Сказал, и сердце у меня стукнуло. Есть у меня один план, давно я его придумал, вот только не знал, как осуществить. А теперь случай словно сам подворачивался.

- Ты вот что, - говорю ему. - Отломи от любого дерева сучок, вырежи кораблик. Простой, как дети делают. А на нем начерти имя хозяина замка. Понял?

Парень удивлен, но послушно вынимает из кармана самодельный ножик, какие мальчишки в деревнях делают, и идет к ближайшему дереву.

Такие кораблики мы делали с моим сыном, когда он был малышом. Сын мой теперь и есть хозяин замка.

- Как вырежешь, отнеси кораблик сыну. Скажи, что нашел на речке и подумал, что кораблик его. Не говори, что кораблик от меня. Запомнил? Сделаешь?

Парень кивает. Пусть сын вспомнит обо мне.

- Только не мешкай. Поспеши. Долго в лесу быть нельзя.

Исчезаю, но слежу за его работой. Он и сам знает, что времени у него мало, торопится. Хорошо.

А теперь главная часть плана. Если я узник и не могу покинуть лес, то придется лесу само-

му принести меня в замок. Кораблик - это ведь часть леса. Если спрячусь в него, то и лес смогу покинуть беспрепятственно, в кармане у парня. Парень, о том не подозревая, вынесет меня из моей тюрьмы внутри волшебного дерева, в кусочке леса. Логично?

Хоть одним глазком гляну на сына. Такая вот хитрость. Жаль, поговорить с ним не смогу, привидение только в лесу может ненадолго обрести форму. Но я и на это согласен, лишь бы вырваться на волю хоть на миг.

Кораблик готов, маленькая, кривая лодочка, сделанная впопыхах. Сворачиваюсь невидимым вихрем и исчезаю в нем. Была не была.

Вот только не нравится мне, как вдруг шевельнулась ветка, дрогнул на ближайшем дереве лист. Неужто лес догадался?

Парень почти бежит к кромке леса, к спасительному полю, которое уже просвечивает разнотравьем сквозь стволы деревьев. Моя душа тоже туда рвется, да только напрасно. Злая моя судьба притянула к парню несчастье. Из сумеречной сосновой полутьмы, последней грани между тюрьмой и свободой, выткались привидения, заслонили нам путь. Шипят, надвигаются, тянут за собой клубы мрака. Ну конечно, куда уж без вас.

Учуяли запах легкой добычи, молодого и глупого, который вовремя удрать не успел.

Парень взвыл от ужаса:

- Хозяин замка, где же ты? Помоги!

Вот так всегда. Все планы пошли прахом. Кажется, что и лес не просто зашумел, а захохотал.

Что поделать, придется помогать мальцу. Иначе как он кораблик мой донесет? Со мной или без меня, а кораблик должен до сына добраться. Да и виноват я, что заставил парня потратить время на деревяшку. Может, он из-за этого из леса сбежать и не успел.

Вырываюсь из корабля, воплощаюсь, второй раз за один день. Но теперь я уже не просто сгусток тумана в форме человека, я человек, пусть и на минуту. На сколько меня хватит? Впрочем, раздумывать некогда.

Сшибаюсь с братьями-привидениями, отталкиваю их от парня, рву, рычу, царапаю, отрываю, кусаю. Ненавижу их, с сыном повидаться не дали. У, страшилища.

Пока дрался, парень удрал из леса. Краем глаза я заметил, как он проскользнул ужом между двумя здоровенными верзилами, которые отвешивали мне таких тумаков, что из глаз искры сыпались. Вон он, в поле уже, только пятки сверкают. Лад-

но, беги, уноси мою надежду. Главное кораблик отдать не забудь.

Наконец, привидения отступили. Им же не я нужен, а парень. Вот только он успел удрать.

Пора и мне становиться невидимым, прощаться с минутным воплощением. Братья-привидения уже давно исчезли, растворились туманом и вечерней росой.

Оседаю на землю, чуть не плачу. Руки все в грязи, исцарапаны, иссечены. Кровь, грязь, кровь.

Кровь? Какая кровь, если я привидение? Я же вот-вот исчезну. Время мое на исходе.

Но вот же она, почти черная уже, подсыхает.

Время идет, а невидимость, которая избавит от боли, не приходит.

Эй, лес, ты шутишь что ли?

Ты что творишь?

Боль вгрызается в тело, но как же я о ней скучал, об этой обычной живой человеческой боли, которая жжет и длится, не дает покоя и заставляет сердце стучать.

Ползу к черте между лесом и полем, пересекаю ее.

Свобода?

А лес за спиной шумит, прощается со мной.

Елена Ермакова

Немой

Мой старик пришел домой хмурый. Лицо сморщилось, из одного глаза течет слеза. Сильнее обычного.

Почему?

Садится у очага, протягивает к огню руки.

Чувствую, хочет что-то сказать.

Я тоже сижу у огня, но делаю вид, что задремал, капюшон упал на лицо. Пока старик не замечает, присматриваюсь к нему. Разрешаю моим другим глазам занять место обычных. Другие глаза в голове недавно. Они могут заглядывать в мысли старика. Если посмотреть в зеркало на обычные глаза, увидишь, как другие глаза просачиваются сквозь зрачок и меняют цвет радужки. Старик так не может. Он не моей породы.

Итак.

Вижу. Старик идет по деревне, к нему подходит старший. "Слышь, дед. Бесноватые вокруг деревни ходят. Полно ихних следов. А вокруг твоей хижины следов больше всего. Не знаю, чего им от тебя надо, но уходи из деревни от греха подальше.

И уродца своего с собой забери. Может, отстанут тогда от нас".

Уродец - это я.

Бесноватые - это люди, но другие. Они высокие, сильные, сами не нападают, но все их боятся. Они охотники, кочуют с места на место. Иногда целые деревни снимаются и уходят с насиженных мест, если рядом появляются бесноватые. А они даже на медведей охотятся, смелые. Бесноватыми их прозвали за лай, который они издают, когда охотятся. Говорить они не могут, только лают. А еще они лысые и глаза у них желтые и светятся.

- Беда у нас.

И хотел бы я деду ответить, что знаю про беду, да только я немой от рождения. Могу хрипеть горлом, а говорить не могу. Притворяюсь, что уснул у огня, а сам думаю. Кажется, пришло время показать старику, кто я такой на самом деле. Гонят же нас. Мои другие глаза видели, что старик боится. Не за себя, за меня. Думает, не выдержу зимой без хижины, если нас выгонят.

Зря боится.

Старик когда-то нашел меня в лесу младенцем и вырастил. По обычному времени мне шесть, но по-настоящему я старше. По своему времени. Последние полгода меня сильно изменили. Взять

хотя бы другие глаза. И еще я очень высокий. Костлявый, но могу одними пальцами ломать толстые ветки. Я кутаюсь в его старое тряпье и сутулюсь, чтобы он не заметил изменений. Капюшон вообще последнюю неделю не снимаю.

- Уйти нам придется, парень. Гонят нас, вроде мы бесноватых почему-то привлекаем. А ты, смотрю, уже одет.

Я шевелюсь, как будто просыпаюсь. Если нас гонят из деревни, значит, мы уйдем. Но не туда, куда он надумал. Не в охотничью землянку у реки.

Как объяснить куда?

Когда-нибудь я научу другие глаза не просто копаться в его мыслях, но и говорить с ним. Мне не хватает умения, и только недавно я догадался, у кого смогу научиться. Вот к ним-то мы и пойдем.

Мне жаль старика. Ему нужно не только покинуть все знакомое, но и увидеть, в кого я превратился.

Сдергиваю с головы капюшон. Глаза у старика расширяются. Волосы мои выпали неделю назад. Я стал лысым.

Теперь подниму голову. Не буду прятать другие глаза. Старик охает. Знаю, другие глаза желтые, святятся.

Встаю. Открываю дверь. На белом снегу свежая цепочка следов.

- Так они, значит, за тобой приходят? Ты, получается, ихней породы?

Киваю. Беру старика за руку и тяну к порогу.

- К ним хочешь?

Снова киваю. Старик молчит. Слеза из глаза все бежит. Скажи что-нибудь.

- А что, пойдем. Свои гонят, небось твои приютят.

Обнимаю старика, он охает - сильно сжал.

Люблю его.

Дэн Шорин

Не вопрос этики

- Нет, Змей, я не буду есть этот плод.

- Почему, Ева? Я каждый день питаюсь с этого дерева и до сих пор жив. У нас похожая физиология, существуй угроза для твоей жизни, я бы уже умер.

- Это вопрос этики. Если всемогущий Творец сказал, что есть с этого дерева нельзя, не прислушаться к нему было бы глупо.

- А почему ты думаешь, что он всемогущий?

- Ой, хватит, Змей. Он создал тебя, меня и все что нас окружает. Какие тебе еще нужны доказательства?

- Как ты думаешь, Ева, а сможет ли Творец создать камень, который он сам не сможет поднять?

- Это вопрос этики.

- Нет-нет-нет. Давай рассуждать безо всякой метафизики и нравственных дилемм. С позиции чистого разума. Способен ли всемогущий Творец создать такой камень?

- Это парадокс, Змей. Неразрешимая ситуация,

вызванная нечеткостью формулировок.

- И какие именно термины нечетко описаны? Камень? Творец? Поднять?

- Всемогущий.

- Поправь меня если я ошибаюсь, Ева, но не кажется ли тебе, что этот термин подразумевает, что описываемый им объект способен совершить абсолютно любое действие? Иного значения у прилагательного "всемогущий" нет.

- Ты видел картины в моей комнате, Змей?

- Да, на мой взгляд ты неплохо рисуешь.

- Спасибо. Так вот, представь, что мой талант к живописи превратился в абсолютный гений. И я могу творить на холсте все, что угодно. То есть я стала всемогущей, в рамках нарисованного мной мира.

- Рано или поздно ты достигнешь этого уровня.

- Так вот, смогу ли я нарисовать камень, который не смогу потом закрасить?

- Эм...

- Вот видишь, Змей, при правильной формулировке легко осознается абсурдность этого вопроса.

- Хорошо, Ева, как ты думаешь, что в данном случае не так?

- Постановка вопроса?

- В рамках формальной логики вопрос поставлен вполне корректно. А то, что он приводит нас к парадоксу, означает только то, что мы не учли некоторые граничные условия.

- Что ты хочешь этим сказать, Змей?

- Для начала давай определимся, что такое неподъемность?

- Это требуемое свойство камня.

- Что может помешать поднять камень?

- Гравитация. Специальные крепления.

- А в общем случае, Ева?

- Некоторое препятствие, основанное на фундаментальных законах этой вселенной. Я поняла, к чему ты ведешь, Змей. Ты хочешь сказать, что, если бы существовала другая вселенная, то свойства камня могли бы измениться. Легко поднимаемый у нас и неподъемный во вселенной с другими физическими законами. Но в твоей логике я нашла ошибку.

- Расскажи мне про нее, Ева.

- Если я нарисую камень на одной картине, вырежу его и перенесу на другую картину, ничто не помешает мне его закрасить уже на новом месте. Мои способности-то никуда не денутся.

- Это если холсты одинаковые.

- Что ты имеешь в виду, Змей?

- А ты никогда не задумывалась, Ева, что всемогущество может быть свойством конкретной вселенной?

- Это звучит странно. Ты хочешь сказать, что Творец в какой-то другой вселенной может потерять свои способности? На одном холсте я умею рисовать, на другом - нет?

- Представь себе, что второй холст - это скала, с которой твои краски просто осыпаются. Все твои умения остались при тебе, просто законы этого мира не позволяют их эффективно использовать.

- Это имеет смысл, Змей. Но только в том случае, что второй холст создан не мной. Если его подготовила я, то сделаю так, чтобы мои краски идеально на него ложились.

- То есть ты готова допустить, что всемогущество может быть ограничено?

- Я понимаю, куда ты клонишь, Змей. Но чтобы твоя логика была рабочей, необходимо существование другой вселенной и другого Творца. К счастью, никаких доказательств этого у нас нет.

- Не подозревал, что ты стоишь на позициях материализма.

- Мы рассуждаем с позиции чистого разума, Змей.

- Тогда предлагаю провести эксперимент.

- Ты можешь перенести нас в другую вселенную?

- Увы, нет, Ева. Но, чтобы оказаться во вселенной с иными физическими законами, не обязательно куда-то перемещаться.

- Я не понимаю, о чем ты говоришь, Змей.

- Это же очевидно. Готова к небольшому эксперименту?

- Ты меня заинтриговал. Рассказывай.

- Мы не можем попасть в другую вселенную, но вполне можем кардинально изменить эту.

- Каким образом?

- Любой творец оставляет возможность познания и изменения своего творения. Ты готова получить новые знания, Ева, и тем самым изменить вселенную?

- Давай сюда плод, Змей.

Перевод

Мюррей Лейнстер

Будьте снова молодыми![{2}][{3}]

1

Мы с парнем по имени Гермес Трисмигест разбираемся друг с другом, когда Джод попадает в очень трудную ситуацию. Трисмигесту в любом случае тысяча лет, если он вообще жив, а мне шестнадцать, но мы сотрудничаем.

Непростая ситуация вызвана профессором Генри Барром, который впоследствии очень сожалел об этом, и мистером Вахти, пожилым бутлегером; вокруг него все еще тусуются кровожадные телохранители. Если вы думаете, что такой старик, как мистер Вахти, не может разобраться в трудном положении (у него есть несколько крутых на вид головорезов, яхта, частное островное поместье и другие прибамбасы), значит, вы никогда не встречались с мистером Вахти.

Старый Джод ввязался в эту историю, вообра-

{2} Комментарии: 2
Columbia Publications, Inc, 1950

{3} Комментарии: 3
Перевод с английского: Павел Амнуэль

жая, что она увенчает его карьеру. Гордыня. Он однажды пытался подставить Ма Мандельбаум, которая, как я понимаю, была в свое время самой большой скупщицей краденого в мире и не поддалась на уловку дилетанта. Он также однажды продал золотой слиток Монетному двору Соединенных Штатов в Денвере, штат Колорадо. И однажды убедил полицейское управление одного честного города, будто он человек из Федеральной резервной системы и имеет наводку на ограбление банка, которое должно произойти. Полиция в ту ночь устроила засаду около этого банка, а сам он скрывался внутри с автоматом Томпсона, ожидая наглых грабителей, которые так и не появились.

На следующее утро Джод выглядел очень смущенным. Но через пару дней ликвидные активы банка появились в адресованной ему почте, потому что он, оказывается, провел долгие часы, аккуратно упаковывая деньги в конверты из манильской бумаги и укладывая конверты в почтовый ящик. Такие ящики есть в каждом банке для удобства вкладчиков.

Тем не менее Джод чувствовал, что устранение препятствия в виде мистера Вахти увенчает его карьеру. Мистер Вахти был когда-то очень

большой шишкой. В его штат входили не только налоговые инспекторы и эксперты по автоматам, но и джентльмены, которые специализировались на том, что помещали людей в бочки с бетоном и сбрасывали в реку Чикаго.

Я встретил старого Джода, когда ехал на машине к побережью. Я сбежал из того, что можно назвать домом, когда мой старик избил меня стулом за то, что я потратил свои заработанные деньги на газовый двигатель для модели самолета, а не отдал ему, чтобы он напился.

Мне не очень хорошо удается ездить автостопом, потому что, будучи шестнадцатилетним, выгляжу я не старше своего возраста, и мне приходится уворачиваться от инспекторов по надзору за учебой. Но я справляюсь: починил автомагнитолу парню на заправке, пока старый Джод заправлял бензобак. Парень сказал: "Отлично" и дал мне полбакса.

Работа, которую я сделал, обошлась бы ему в двенадцать шестьдесят в обычной ремонтной мастерской. Я сказал:

"Мне бы не помешало, чтобы меня подвезли до Финикса", но парень туда не собирался. Зато старый Джод прохрипел, что может меня довезти, и поэтому я сел в его машину. Джод толстый и ста-

рый, с красными бородавками, и выглядит, будто сделан из денег и его ничего не волнует. Помимо того, что копы шестнадцати или восемнадцати штатов страстно интересуются его местонахождением, у него нет никаких забот, и выглядеть на миллион долларов - это его работа.

Но тогда я этого не знал; он разговаривал со мной сердечно, и мы перешли к науке, предмету, который был ему интересен, но где он ничего не смыслил. Пока он задавал вопросы, ворчал и проявлял уважение, я рассказывал ему о теоретическом идеальном топливе для космических кораблей, об отличии ракеты от реактивного самолета, а еще о том, что такое эффект Доплера, и в чем разница между Оук-Риджем и Хансфордом, штат Вашингтон.

Я не хвастаюсь, понимаете; я читал много научных журналов, и Джоду тоже стоило их попробовать. Особенно научно-фантастические. И я сказал ему, что направляюсь на побережье, чтобы устроиться на работу в радиоремонтную мастерскую, как работал дома после школы и по субботам, и собираюсь накопить денег и открыть частную экспериментальную лабораторию. У меня есть несколько идей - научно-фантастических, - которые, как мне кажется, я могу воплотить в

реальность.

Старый Джод задумался. Позже, узнав его получше, я понял, что это значит. Но тогда он сиял и говорил, что хотел бы подшутить над другом, а я показался ему ловким молодым человеком.

Он сделал мне предложение. Он будет меня кормить, даст денег на гостиницу и костюм, и скажет, что я его племянник, если я починю ему тумбу с телевизором с киношным звуком и проектором внутри, чтобы он мог обмануть друга, заставив его поверить, будто это приемник дальней связи, принимающий сигнал из любой точки мира.

Я мог сделать это со связанными за спиной руками и быстро согласился. Я улучшил идею: предложил использовать цветную пленку, которая будет выглядеть как трехцветное телевидение в действии.

***

Феникс, Аризона.

Старый Джод покупает то, что мне нужно для работы, и ведет себя, будто сделан из денег, а я собираю прибор в гостиничном номере, который он снял для меня рядом со своим. Это великолепный отель, лучший в городе, и я ем изысканную еду, названия которой не знаю, поскольку ее нужно

заказывать на французском языке. Когда работа будет закончена, я собираюсь поехать дальше, но старый Джод говорит, что эта мысль ни к черту не годится. Он возьмет меня на зарплату своим техническим помощником.

Он шатается по городу, пока я занимаюсь научным чтением. Я по колено в журналах, когда он на цыпочках входит в комнату и радостно говорит, что его шутка сработала, и он победит прежде, чем его друг успеет поумнеть. Поэтому мы уезжаем, и Джод счастливо хихикает всю дорогу до Сан-Вэлли - а это приличная поездка, - где он говорит, что хотел бы отдохнуть несколько дней. Когда я узнал его получше, то понял, что он показывал то, что выдал за трехцветный телевизор, каким-то ловким бизнесменам в Фениксе. Они провернули с ним быструю сделку, причем обманули старого Джода, заплатив ему всего двадцать тысяч долларов за все права на эпохальное "изобретение". Когда они узнали, что их самих обманули, то не могли сказать ни слова, потому что их методы тоже были, по крайней мере, неэтичны, если не незаконны.

Старый Джод загорал на солнце и ел более изысканную еду, чем когда-либо в Сан-Вэлли, но я начал беспокоиться. И вот однажды он приходит,

посмеиваясь, и говорит, что собирается отлично повеселиться со своим другом, президентом Western Power, если я смогу придумать что-то похожее на приемник лучевой или беспроводной энергии. Можно ли это сделать?

Я говорю "нет", но, если он хочет посмеяться, то ладно. Поэтому я сделал приборчик из пары тиратронных трубок и этого, и еще того, и все выглядело как иллюстрация к научной фантастике. Но мощность, которую приборчик выдавал так впечатляюще, на самом деле исходила от аккумуляторных батарей, встроенных в верстак, на котором он был построен. Я хотел бы посмотреть, как Джод разыграет свою шутку, но он запретил.

Я все равно украдкой заглянул в окно и, так или иначе, получил представление о происходившем. Western Power заплатил Джоду кругленькую сумму за полное владение гаджетом - с условием, что они разобьют приборчик тут же и немедленно, и в дальнейшем постараются не видеть плохих снов о том, что это "изобретение" смогло бы сделать с их бизнесом.

Мы покидаем Сан-Вэлли со старым Джодом, сияющим от счастья, глядя на меня. Теперь я поумнел и говорю с ним строго. Тогда он и рассказал мне историю своей жизни - он гордится

ею. Рассказал об авантюре с Ма Мандельбаум и о золотом кирпиче на Денверском монетном дворе, и обо всем остальном. Он описывает очень авантюрную карьеру, и в ней даже есть гламур.

Затем он обещает, что, если я останусь его техническим помощником, у меня будет собственная частная экспериментальная лаборатория, и он оставит меня в покое. Поэтому я принялся планировать, что у меня будет, и как я буду это использовать. Я рассчитывал открыть свою лабораторию в Лас-Лагунас, куда мы направлялись.

***

Лас-Лагунас - еще одно шикарное место, со всеми расценками на французском языке и ценами, похожими на сметы Армии и Флота. Я отправляю запрос на каталоги лабораторных принадлежностей и начинаю искать место для открытия магазина. Джод, который общался с людьми, хрипел от счастья и говорил, что мне лучше не планировать здесь лабораторию, потому что нам, возможно, придется переехать.

Я спросил - почему. Он сказал, что познакомился с мистером Вахти, и в завершение своей карьеры хочет его обмануть. После этого, говорит Джод, он уйдет на пенсию и посвятит остаток

жизни надзору за моим образованием.

Я не хочу, чтобы мое образование контролировали, но Джод объясняет, что мистер Вахти - единственный парень, который обманывал всех, и никто никогда не мог обмануть его. Он известен со времен сухого закона. Он даже избежал подоходного налога, который федералы пытались на него повесить, когда отчаялись связать его с пропавшими без вести людьми, которые, по их мнению, находятся теперь в бочках с бетоном на дне реки Чикаго.

Мистер Вахти окружен адвокатами и личными врачами; ему семьдесят, он носит темные очки и имеет очень неприятное хобби. У него есть яхта, остров и несколько миллионов долларов, но его хобби - заставлять людей пытаться обмануть его, а затем, раскрыв обман, отправляет их в тюрьму.

Сейчас он очень респектабельный, говорит Джод, и на него поработало немало артистичных мошенников, но он не ценит их мастерство.

- Это вызов, - говорит старый Джод. - Будет что вспоминать в преклонные годы, если я обману мистера Вахти и уйду безнаказанно.

Если я отложу свою лабораторию, пока он не закончит с мистером Вахти, он купит мне восемнадцатифутовую парусную лодку, и я смогу

бездельничать, пока дела идут своим ходом.

***

Я заключаю сделку. Цена моей лаборатории растет, поскольку я думаю о том, что мне хотелось бы иметь больше вещей. Я думаю, что, если Джод достаточно разбогатеет, может быть, я смогу разорить его на небольшой циклотрон и немного развлечься. Между тем парусная лодка - тоже неплохо.

Я действительно развлекаюсь. Я никогда не слышал о Гермесе Трисмигесте; я никогда не слышал о Парацельсе или докторе Ди, или докторе Фаусте, или Николасе Фламеле, или любом из этих парней. Я никогда не слышал о профессоре Генри Барре. Но я научился довольно хорошо управлять своей лодкой и счастлив, планируя свою лабораторию.

Но старый Джод теряет свой беззаботный вид; он становится рассеянным и капризным. Однажды он доверяет мне свои горести.

- Я боюсь, - жалостно хрипит он, - что теряю хватку, Бак. Я хорошо знаю мистера Вахти. Мы с ним на доверии. Он думает, что я отставной банкир, и он с мрачным весельем рассказывает мне о различных приманках, на которые его приглаша-

ли попасться. И я не могу придумать схему, чтобы его обмануть! Все виды предприятий, которые только может придумать человеческий разум, уже были на нем испробованы! Самые изощренные финансовые махинации провалились! Он во всем разбирается!

Я говорю:

- Да?

Я хотел быть полезным для Джода. Лаборатория будет стоить денег. Мне нужно, чтобы Джод процветал и мог сдержать свое обещание.

- Он открыл мне свои затеи, - говорит Джод, морщась, как ребенок, пытающийся не плакать. - Рассказал, как делал вид, будто попался на обман. Показал вырезки из газет о судебных процессах и приговорах! У него даже есть записи слушаний комиссии по условно-досрочному освобождению, и как он протестовал против освобождения таких преступников. Есть пара поворотов, о которых даже я никогда раньше не слышал. Вахти пытались обмануть величайшие художники в этом деле, Бак! Было бы триумфом обмануть его. Я не смогу спокойно покоиться в могиле, не попробовав обмануть мистера Вахти!

- Держу пари, - говорю я, - что, если он когда-нибудь и попадется, это будет из-за чего-то, над чем

посмеялся бы трехлетний ребенок.

Не знаю, почему я это говорю, но рот Джода открывается. Он моргает и внезапно снова начинает хрипеть от счастья.

- Гений! - говорит он. - Вот это был бы трюк! Я начинаю охоту за самым старым, самым невозможным трюком в мире! Что-то настолько старое и фальшивое, что никто не даже не пробовал обмануть таким трюком мистера Вахти. Я думаю, Бак, что, как мой технический помощник, ты покажешь себя гениальным!

И он выходит, толстый маленький парень в спортивной одежде, который выглядит как отставной банкир, не имеющий никаких проблем в мире.

Примерно в это время в газетных киосках появляется новый урожай научных журналов; я покупаю их много и бездельничаю на своей яхте, читаю и строю планы.

2

Проходит неделя, потом вторая. Затем Джод говорит мне, что хочет, чтобы я поужинал с профессором Генри Барром. У Джода, видите ли, предчувствие, что у профессора, возможно, есть схема, которую он ищет. Профессор дал

объявление в газете. Оно гласило: "Я сделал нетрадиционное научное открытие, которое не знаю, как развить в коммерческих целях. Требуется предприниматель или финансовый консультант с деньгами. Адрес: почтамт, ящик 711, позаботьтесь сохранить это объявление".

- Это грубо, - говорит Джод. - Он не получит реальных денег. Все, на что он может надеяться, это услуги юридического консультанта, пытающегося получить дальнюю выгоду. Я пригласил профессора на ужин. В благоприятной обстановке он будет взволнован и, вероятно, раскроет свой секрет. Ты должен убедить профессора в правдоподобии его научного открытия. Это одна из вещей, за которые я тебе плачу.

Хорошо, я играю. Я выдаю себя за племянника Джода. Я предпочитаю тусоваться на яхте, читать научную фантастику и планировать свою лабораторию, но я причесываюсь и надеваю шикарный костюм, который мне купил Джод. Мы встречаем профессора, и Джод вразвалку идет в гостиничный ресторан. Они пьют коктейли, я - колу, и вот начинается дело.

Старый Джод ест устрицы, шумно и с удовольствием, и вытирает рот.

- Меня - хрррр - очень заинтересовала ваша

реклама, профессор Барр, - хрипит он. - Это прекрасный подход. Однако я готов поспорить, что вы не получили ни одного ответа, кроме моего, достойного ваших талантов.

- Правда, - признает профессор. Он достойный, но потрепанный парень с длинными белыми усами, которые он задумчиво поглаживает. - Я получил несколько ответов, но речь не шла о финансовой поддержке.

Официант подает суп. Джод нюхает его и сияет.

- Здешний повар, - говорит он, - готовит суп, который почти музыкален. Итак, что у вас, профессор?

Профессор начинает свою тираду с достоинством.

- Я был профессором средневековой истории в колледже Перкинса в течение тридцати пяти лет, - говорит он глубокомысленно. - Меня освободили, потому что богатый выпускник предложил увеличить фонд, если его зять будет принят на факультет, а привычка зятя часто напиваться будет проигнорирована. Им пришлось меня освободить, чтобы колледж мог воспользоваться выгодным предложением.

- Хрррррр, - говорит Джод. - Мои соболезнова-

ния, сэр.

- Я их не виню, но больше никогда не буду заниматься преподаванием как профессией... Дело в том, что в своих исследованиях средневековой истории я, естественно, наткнулся на множество упоминаний алхимии. Алхимики, как вы, несомненно, знаете, искали Философский камень, чтобы превращать неблагородный металл в золото; а также Алкагест, чтобы растворять все известные вещества; и еще они искали Эликсир молодости. Я планировал написать научный трактат о вкладе алхимии: о порохе, металлических настойках в медицине, серной кислоте и всех основах химии. Изучая исходный материал, я нашел отчеты алхимиков исключительно убедительными.

Джод смотрит на меня. Я киваю. Что-то вроде этого должно быть правдой. Конечно! Астрономия началась с гадания. У химии, должно быть, было такое же безумное начало.

- Было отмечено, - продолжает профессор, - что, если посадить миллион обезьян за миллион пишущих машинок и заставить их стучать наугад, то по закону случая одна из обезьян в конечном итоге напечатает Отчет Смита об атомной энергии. И легко подсчитать, что в Средние века было

достаточно алхимиков, проводивших эксперименты практически наугад. Они могли совершать выдающиеся открытия по чистой случайности. Некоторые из этих открытий нам известны. Я упоминал о них. Но у меня есть доказательства, что они делали и другие открытия.

***

Это старейшее из всех известных мошенничеств. Оно было известно задолго до того, как стали делать первый золотой слиток. Старый Джод поражен своей удачей; это идеально подходит мистеру Вахти, которого никогда никто не мог обмануть.

- Хрррррр! - говорит старый Джод. - Продолжайте, сэр!

- Около трех лет назад, - говорит профессор, - я взял деньги, которые собирался потратить на летнее пропитание, и повторил алхимический процесс, описанный доктором Ди для производства алкагеста - универсального растворителя. Процесс начинается с исландского шпата, или фторида кальция. Промежуточные процессы были абсурдными. Но в результате я получил жидкость, которая оказалась плавиковой кислотой. Ее сейчас используют для травления

стекла. Она является настолько универсальным растворителем, что ее можно хранить лишь в пластиковых бутылках из фторуглерода.

Я навострил уши. Старый Джод увидел мое лицо и хрюкнул:

- Интересно. Продолжайте!

Официант подал говядину по-маршаловски. Джод пустил слюни.

- Я доказал истинность одного алхимического открытия, - говорит профессор. -Философский камень.

Старый Джод задыхается. Он говорит с болью:

- Не процесс получения золота? Пожалуйста, профессор...

- Философский камень, - строго говорит профессор. - Но, когда металлы трансмутируют, высвобождается колоссальная энергия. Это атомная энергия. Когда уран превращается в бор, получается атомная бомба. Производство золота привело бы к чрезвычайно смертоносной радиации в огромных количествах. Я и не пытался скопировать Философский камень!"

- Так-то лучше, - говорит Джод с облегчением.

- Но, - продолжает профессор, - я повторил - с большими и разрушительными для себя расходами - процесс Гермеса Трисмигеста по изго-

товлению Эликсира молодости. И это сработало.

Старый Джод моргает, а затем начинает как бы светиться от счастья - изнутри и снаружи. Это старейшее мошенничество на земле. Оно восходит к доисторическим временам. Оно такое холодное и такое изношенное, что, несомненно, единственное, что не было опробовано на мистере Вахти - и для кровожадного старика, который сейчас мрачно висит на волоске от семидесяти, это единственная приманка, в которую он хотел бы поверить, если бы мог.

- Замечательно! - хрипит Джод. - У вас, конечно, есть экспериментальные доказательства?

- Я разорился, добывая материалы, - извиняющимся тоном говорит профессор. - Современные химикаты не сработают. Нужно использовать нечистые, иногда нелепые химикаты древних. Возможно, именно эти примеси и являются основными ингредиентами. Но ценой всех своих сбережений я получил десять кубических сантиметров желтой жидкости. Я попробовал немного на очень старой крысе с биологического факультета Перкинса. Это сработало. Слишком хорошо! Поэтому я - ах - был вынужден экспериментировать, чтобы подобрать правильную дозировку. Один кубический сантиметр желтой жидкости

- эликсира - вернул бы двадцатифунтовое животное к ранней зрелости. Для взрослого человека потребовалось бы от семи до десяти кубических сантиметров. Но мне пришлось потратить восемь кубических сантиметров, чтобы проверить этот факт в моих экспериментах на мелких животных. У меня осталось всего два кубических сантиметра. Но у меня дома есть несколько очень старых крыс. Я позволю вам выбрать любую из них; я дам им эликсир и позволю вам забрать животное и заботиться о нем. Через три дня это снова будет молодая крыса.

- Такие доказательства были бы неоспоримы, - сияет Джод. - Сколько?

- А? - говорит пораженный профессор.

- Тебе самому нужен Эликсир, - говорит Джод, дружелюбно хрюкая. - Ты разорен. Если кто-то профинансирует изготовление достаточного количества для тебя, ты тоже сделаешь достаточно для него. Видишь, я избавляю тебя от необходимости делать предложение. И я снова говорю, сколько?

Глаза профессора блестят. Он облизывает губы. Джод говорит конфиденциально:

- Я клиент. Я могу привести другого - очень богатого человека. Если я сам профинансирую

операцию, ты поделишься со мной тем, что я с него получу? Твоя доля будет пятизначной. Может, больше.

- Я... э-э... когда я снова стану молодым, - признается профессор, - было бы очень неплохо иметь какой-то капитал, чтобы начать жизнь заново. Э-э... да, я соглашусь на это.

Джод быстро задает вопросы и достает несколько стодолларовых купюр, словно раздает карты. Он подсел; он сияет. Весь остаток ужина он хрипит и фыркает себе под нос.

***

После того, как профессор уходит, старый Джод презрительно говорит, что он исключительно мелкий делец.

- Сомневаюсь, - говорит он, - что Барр когда-либо принимал клиента за тысячу долларов. Профессор созрел для гораздо большего.

Наверху, в наших номерах, он все еще ухмыляется во все свои подбородки.

- Прекрасное дело, а, Бак? И убедительно! Ты не представляешь, как Вахти клюнет на предложение об Эликсире молодости! Он увидит себя молодым, окруженным красивыми девушками...

***

- Я знаю пару писателей-фантастов, которые могли бы сделать это лучше, - говорю я отстраненно. - Но и это достаточно хорошо. На самом деле это, вероятно, сработало бы.

- А? - говорит Джод.

- Это, вероятно, сработало бы, - повторяю я твердо. - Эта штука с катализатором - хорошее обоснование. Я знал парня, которого уволили с завода по серебрению. Он взял напильник и отпилил немного порошкообразного бакелита в каждой из ванн для гальванизации. Фирма чуть не сошла с ума. Бакелит не растворяется, но вы не можете покрыть его, когда он в ванне. Это антикатализатор. Некоторые из тех примесей, о которых говорил профессор, должны препятствовать обычным химическим реакциям, если вы поняли, что он сказал.

Старый Джод садится и воет.

- Эта чушь о миллионе обезьян - правда, - указываю я. - Я сам читал это в научном журнале. У меня есть предчувствие, что в его идее содержится больше, чем он предполагает. Если бы моя лаборатория была оборудована, я бы попробовал сам.

- Бак! - хрипит старый Джод. - Ты меня погу-

бишь!

Он чуть не задыхается, смеясь. Я злюсь.

- Ладно, - говорю я, - но ты лучше позволь мне сделать это самому, если действительно хочешь иметь эликсир. Исландский шпат - это не то, что он сказал.

Старый Джод думает, что это очень смешно. Я выхожу и прогуливаюсь, чтобы остыть. Но чем больше я об этом думаю, тем лучше выглядит сказанное профессором.

На следующий день я иду в публичную библиотеку и ищу алхимию. Я беру кучу книг в читальном зале. Трисмигест. Бэкон. Теофраст. Парацельс. Граф Грэби. Я читаю их быстро, делая заметки, когда это необходимо. Я увлекаюсь; тексты выглядят довольно убедительно. Я волнуюсь. Это так же хорошо, как научная фантастика.

Я набиваю голову заметками. Я иду в аптеку и покупаю несколько пробирок. Беру спиртовую горелку и немного денатурата; иду в магазин красок и покупаю еще кое-что. Мне приходится рыскать, прежде чем я нахожу магазин с геологическими образцами. Я покупаю кое-что там. Клерк равнодушно продает мне плавиковый шпат. Множество парней моего возраста возятся с экспериментами; я получаю все, что мне нужно,

кроме яичной шелухи.

Я возвращаюсь в отель, запираю дверь и собираю вещи. У меня нет чистых химикатов. Кусок самородной серы. Я собираю немного сажи от безопасных спичек, которые сжигаю одну за другой над металлической пепельницей. У меня есть кусок нашатырного спирта -не то, что продают в аптеке. Никто не продаст мне купоросное масло, но я покупаю его в гараже, где его используют для аккумуляторных батарей. У меня есть железный колчедан. Я осторожно делаю смесь. Она ужасно воняет. Мне приходится открывать окна.

Я проделываю всю процедуру, которая, по словам парня по имени доктор Ди, сделает универсальный растворитель. Ничего не происходит. Вообще ничего. Я довольно сильно возмущен. Слова профессора звучали хорошо. Если бы я прочитал это в научном журнале, я бы поверил и запомнил. Но ничего не происходит.

На следующее утро я завтракаю, когда вспоминаю о скорлупе яйца. Это безумие. Это не научно; не современная наука, во всяком случае. Но я поднимаюсь наверх с яичной скорлупой от завтрака. Я кладу ее в пробирку.

Ничего не происходит. Я сажусь с научным журналом и читаю его с отвращением, когда

чувствую что-то странное. Пробирка пуста. На дне немного белого порошка. В пробирке дырка; в раковине дырка; в полу под ней дырка. Воняет чем-то ужасным. Не знаю, насколько глубоко дырка, но я знаю, что мне нужно найти лабораторию и разобраться с этим!

***

Я рассказываю старому Джоду и показываю дырку в полу и раковине. Он странно краснеет.

- Ты мог сделать отравляющий газ, Бак! - говорит он. - Ты мог убить себя! Это мог быть яд!

- Это были не взбитые сливки, - соглашаюсь я. - Это то, что сказали алхимики. Я сомневаюсь, что профессор когда-либо проводил этот эксперимент, даже если он сказал, что проводил. Лучше позволь мне оборудовать временную лабораторию и сделать для тебя эликсир.

Но Джод выглядит огорченным.

- Бак, - говорит он, - я выведал мнение мистера Вахти. Я объяснил, что меня интересует в этом деле. Я вел себя как тупица, поэтому он думает, что я попался на эту удочку. Он проверяет; тебе нужно держаться подальше от этой вечеринки!

- Но профессор не собирается делать настоящую штуку!" - говорю я мрачно.

- Знаешь, какой аппарат он покупает?

Джод показывает мне список. Джод толстый и седой, очень впечатляющий на вид, но, когда дело доходит до науки, ему приходится верить мне на слово. Я говорю презрительно:

- Ерунда! Вчера я разыскал Гермеса Трисмигеста в библиотеке и получил формулу. Этот аппарат для вакуумной перегонки не будет работать! Он просто для украшения лаборатории.

- Это неправильно, а? - говорит Джод.

- Это безумие! - говорю я. - Просто хороший аппарат пропал зря!

- Отлично! - говорит Джод с облегчением. - Я не думал, что он сам в это поверит; если бы он не был мошенником, я бы облажался. Но он все равно заставляет меня волноваться. Как он собирается провернуть этот трюк с тем, чтобы крысы снова стали молодыми, Бак? Мистер Вахти хочет увидеть, как он справляется с крысами. Если профессор достаточно умен, чтобы сделать это, мистер Вахти на крючке!

- Если бы я хотел это сделать, - говорю я презрительно, - я посадил бы крыс на короткую подкормку и касторовое масло, и они стали бы худыми. Затем я напудрил бы их шерсть, чтобы мыши стали серыми, и, возможно, попросил бы

ветеринара дать мне что-то, чтобы они не ели. Они бы выглядели совсем старыми! И все, что им нужно, чтобы снова стать молодыми, - это два-три дня хорошей еды и никакого касторового масла.

- Гениально! - говорит Джод, сияя. - Ты снимаешь с меня груз. Завтра мы с мистером Вахти осмотрим крыс, и я уверен, что ты угадал фокус. Профессор очень скрытен со своими двумя кубическими сантиметрами материала.

- Лучше позволь мне сделать это для тебя правдой, - говорю я.

- Не вмешивайся в это! - ворчит Джод, снова испугавшись, когда вспоминает о дыре в раковине и полу. - И не вздумай больше смешивать яды, слышишь?

Он искренне обеспокоен. Он неплохой парень; он, конечно, мошенник, но по-своему он ничего. Сейчас он платит, чтобы я жил в очень шикарном отеле, и выдает себя за моего дядю - что спасает меня от проблем с надзирателем. И он искренне пытается заставить меня ценить суфле марин с паштетом из фуа-гра как нечто лучшее, чем хот-доги, которые я ем гораздо чаще. Но он твердо настаивает, чтобы я больше не проводил экспериментов.

Ну, я справлюсь. У меня есть парусная лодка, не

так ли? Я запираю шкафчик на замок и начинаю собирать материалы, время от времени заглядывая в библиотеку, чтобы почерпнуть побольше информации из переводов Гермеса Трисмигеста, графа Грэби, Николаса Фламеля и так далее. Я становлюсь экспертом по алхимии, что в некотором роде почти так же интересно, как научная фантастика. Мне кажется, что с хорошим толстым бетонным экраном и дистанционной обработкой материалов для борьбы с радиацией было бы неплохо посмотреть, действительно ли формула философского камня дает ядерное деление.

Но сейчас я пробую что-то такое, что приведет к немедленному практическому применению. Я ищу Эликсир молодости.

3

Удивительно, как трудно достать некоторые вещи. Кровь дракона - это не то, что вы думаете, и вы не купите ее в художественном магазине. И сырой натрон нелегко достать. Я почти озадачен пеплом мандрагоры, в Соединенных Штатах мандрагоры просто нет. Но я ищу ее в книгах по ботанике и нахожу сорняк, который является близким родственником мандрагоры. Я провожу два выходных в лесу, охотясь за ним, нахожу

несколько растений и сравниваю листья с теми, что в книге.

Превращаю растение в пепел и дрейфую по заливу на парусной лодке с ужасной вонью и большим количеством дыма, исходящими от моего аппарата. Мне не приходит в голову представить, как это выглядит со стороны, но внезапно раздается громкий шум, и быстрая моторная яхта мчится ко мне. Пара крутых парней осматривают меня. Один из них говорит:

- Ты горишь, малыш. Хочешь, мы поможем тебе это потушить?

Я говорю:

- Нет, спасибо. Я готовлю обед, и он подгорел.

Они с любопытством оглядывают меня, и моторная яхта уходит своей дорогой. Я вижу название на корме: это яхта господина Вахти. Даже моряки на его яхте выглядят как те парни, которыми он себя окружает, - люди, напоминающие ему о счастливом прошлом, когда он был бутлегером и разъезжал в пуленепробиваемой машине. Они выглядят крепкими птицами, эти малыши!

Я не часто вижу старого Джода. Он встает утром и стонет, пьет черный кофе с бренди; ковыляет в ванную, долго принимает душ, одевается в спортивный наряд и выходит. Время от времени

он отчитывается передо мной; однажды говорит, что крысиный бизнес сработал идеально, и Проф наложил на него еще пять "С". Затем он говорит, что оборудование Профа прибыло и устанавливается. Он и мистер Вахти идут и осматривают его. Я знаю, что Джод немного потеет, но мистер Вахти твердо сказал ему, что он лох, которого обманывают.

Но пока никто не пытается обмануть мистера Вахти, так что он ничего не может с этим поделать. Затем профессор начинает свою химическую работу, смешивая кровь дракона, золу мандрагоры, натрон и яичный белок. Старый Джод идет и смотрит. Он говорит, что профессор устраивает хорошее шоу. Говорит, что мистер Вахти наблюдает и пускает слюни от желания поучаствовать в том, что является своего рода вечеринкой, которая, возможно, может быть на уровне. Но он хочет еще больше поучаствовать, если это мошенничество. Потому что так же, как Джод собирает приятные воспоминания о том, как проделывал художественные трюки, мистер Вахти собирает записи о людях, отправленных в тюрьму за все известные мошеннические игры.

У него нет записей о человеке, отправленном в тюрьму за продажу Эликсира молодости, и

он хочет, чтобы такая запись пополнила его коллекцию. Если профессор действительно создаст Эликсир, говорит Джоду мистар Вахти, то его ждет новая карьера, превосходящая даже карьеру контрабандиста, которую он мог бы начать, если бы снова стал молодым. А если это мошенническая сделка, то она станет своего рода кульминацией карьеры мистера Вахти, когда он отправит профессора в тюрьму за попытку продать ему вечную молодость.

Старый Джод буквально дрожит от близкого осуществления своих амбиций, когда говорит мне это. Сделка заключена. Мистер Вахти выложит пятьдесят тысяч наличными за равную дозу эликсира с профессором и Джодом. Если это сработает, деньги будут его вкладом. Если не сработает, он получит их обратно.

- Теперь слушай, - говорит Джод серьезно. - Я сдам пару сумок в аэропорту, это важные сумки. Я поставлю машину в гараж, где ты или я сможем быстро ее вывезти, и никто об этом не узнает. Если мы справимся, я буду готов. Но...

Я готов заняться изготовлением эликсира, и мне нужно, чтобы меня никто не беспокоил. Мне нужно сделать это втайне. Я пошел в собачью лечебницу и осмотрел собак. Там есть старый

пес, которого кто-то привел, чтобы поместить в газовую камеру; пес довольно дряхлый и смотрит на меня с тоской, когда я с ним разговариваю. Я забираю его, и теперь он привязан в лодке.

Я собираюсь сказать Джоду, что вернусь поздно ночью. Он довольно хороший парень. Я точно знаю, что он никогда не ложится спать, не заглянув ко мне и не убедившись, что со мной все в порядке. В некотором смысле это оскорбительно, когда парню шестнадцать, но, с другой стороны, не так уж и плохо. Мой старик никогда ничего подобного не делал.

Я чувствую некоторую симпатию к старине Джоду. Но не хочу, чтобы он узнал, что я делаю эликсир, пока все не будет готово. Он говорит, несчастный:

- Бак, мой мальчик, может случиться все, что угодно. Согласно расчетам профессора, эликсир будет готов сегодня. Это действительно прекрасная установка. Если и когда эликсир окажется поддельным, профессор станет козлом отпущения, а я абсолютно чист.

- Да? - говорю я.

Мне нужно контролировать перегонный куб, чтобы он непрерывно кипел в течение двенадцати часов. Я не могу сделать это в отеле; мне нужно

где-то привязать свою лодку, чтобы следить за процессом.

Я выбрал место на острове у Лас-Лагунас, где меня никто не заметит. На острове есть дом, но он закрыт. У меня есть бензиновый фонарик, и все готово. Но я вернусь поздно, и Джод может волноваться.

- Мне кажется, я знаю, что задумал профессор, - говорит Джод. - Это грубо; профессор не художник. Мы с мистером Вахти отнесем свои деньги к нему домой. Профессор, мистер Вахти и я примем свои дозы эликсира вместе. Мы должны оставаться там незамеченными, пока снова не станем молодыми. Затем мы попрощаемся друг с другом, и профессор уйдет, чтобы начать жизнь заново с нашими вкладами.

***

Я смотрю на него в недоумении.

- Очевидно, - говорит Джод тоном, намекающим на то, что ему немного стыдно за профессора, - дозы, которые он нам даст, будут сногсшибательными. Когда мы проснемся, профессор уже уйдет с большой суммой.

- О, - говорю я.

- Это безнадежно грубо, - говорит Джод. - Я соби-

раюсь, Бак, просто поменять стаканы. Настоящее искусство всегда просто. Но если что-то пойдет не так из-за мистера Вахти, я хочу, чтобы ты сейчас же отправился в путь на своей парусной лодке. Плыви вдоль побережья в Эсперанс. Это всего в двадцати пяти милях. Я встречу тебя там завтра на закате. Если я победил, я буду там; если что-то пойдет не так, не пытайся связаться со мной, пока не будешь полностью уверен, что это безопасно. Если это не безопасно - победи! И - пожмешь ли ты мне руку?

Я думаю, что на самом деле старик хочет меня обнять, но он этого не делает. В его глазах слезы. Мы просто пожимаем руки; он не плохой парень, по-своему. Я очень люблю старого Джода. Но он расчистил мне путь для того, что мне нужно сделать.

Я спускаюсь к паруснику, и Джод вразвалку идет со мной. У меня уже есть немного еды, но мой аппарат под палубой, в рундуке. Старый Джод удивляется, когда видит пса, слабо виляющего хвостом. Я объясняю, что просто подобрал пса.

- Он составит тебе компанию сегодня вечером, Бак, - говорит Джод задумчиво. - Береги себя, Бак!

- Я сделаю это, - говорю я. - Увидимся.

Поднимаю парус и отдаю швартовы. Легко от-

плывая от пристани, я вижу, как Джод стоит там, толстый и смешной в своей спортивной одежде, и я чувствую к нему некоторую сентиментальность. Но я думаю, что, когда закончу этот бизнес с эликсиром, у меня будет что-то, чтобы заплатить за все, и Джод будет относиться ко мне с большим уважением.

Я готовлю себе хот дог на бензиновой горелке, смотрю на голубое небо, любуюсь пейзажем и небрежно плыву к острову, который выбрал. Ставлю лодку под деревья и устраиваю все поудобнее. Пейзаж необыкновенно мирный. Маленькие волны плещутся о берег, птицы поют на деревьях, и время от времени маленькая рыбка выпрыгивает из воды, удирая от большой рыбы, которая гонится за ней.

Старый пес ложится, вздыхает и смотрит на меня с благодарностью. Я расставляю свои вещи, строю печь для перегонного куба на камнях на берегу; зажигаю факел и собираю то, что, по словам Гермеса Трисмигеста, сделает эликсир. Там есть натрон, аурипигмент, кровь дракона, яичный белок, пепел мандрагоры - во всяком случае, близко к мандрагоре - и глаз лягушки. Я купил его в дорогом ресторане, где подают лягушачьи лапки и хвастаются, что лягушек отправляют им

живыми.

Есть и другие ингредиенты, которые современная наука не понимает. Но где-то среди них есть катализатор или антикатализатор, дающий результаты, которые современные чистые химикаты не дадут. Было бы интересно когда-нибудь узнать, как сделать эту штуку с помощью современных химикатов.

Я начинаю кипятить перегонный куб.

***

Около полудня я готовлю несколько сосисок, ем их и пью газировку. Перегонный куб кипит медленно, как и положено, и издает очень необычный запах. Цвет темно-красный, в нем кружатся различные элементы, словно чайные листья. Я думаю искупаться, но решаю этого не делать. Читаю несколько научных журналов, пока Эликсир молодости кипит, и вскоре начинаю дремать. Просыпаюсь, наполняю бензиновую горелку, готовлю еще несколько хот-догов и ем их.

Примерно в это время - уже близится закат - я слышу гулкий шум. Смотрю сквозь деревья и вижу моторную яхту, принадлежащую мистеру Вахти. Ту самую, которая остановилась, когда я превращал корень мандрагоры в пепел. Она в

четверти мили отсюда, может, меньше. Вижу, как мистер Вахти разговаривает с одним из своих суровых на вид членов команды, вижу профессора, сидящего в шезлонге, и вижу, как старый Джод нервно берет стакан у стюарда и торопливо подносит его ко рту.

Я не могу понять. Это не тот график, который мне рассказал Джод. Я смотрю на яхту, она огибает остров. Чувствую себя не очень хорошо. На острове есть дом, но он всегда закрыт. Я думаю об этом, мне тревожно. Убеждаюсь, что мой перегонный куб нормально кипит - он теперь немного голубоватый, и запах другой, еще более необычный.

Я осторожно крадусь через лес и вскоре добираюсь туда, откуда могу видеть.

Яхта встала на якорь, и лодка отчаливает от берега. Я возвращаюсь к своей лодке и некоторое время волнуюсь; затем слышу, как яхта направляется обратно в Лас-Лагунас.

Я чувствую облегчение. Около восьми часов вечера мой фонарик показывает, что содержимое перегонного куба стало зеленым. Воняет чем-то едким, но это обычное изменение, которое, по словам Гермеса Трисмигеста, должно происходить, так что я чувствую себя довольно хорошо.

Выпиваю еще немного газировки и пытаюсь читать при свете фонарика, но это не так-то просто. Поэтому я просто лежу. Тяжело не заснуть, слушая только шум волн и ночного ветра в деревьях; я бы хотел взять с собой портативное радио, но не взял. Поэтому я иду плавать, готовлю еще хот-догов и предлагаю один старому псу. Он ест без всякого интереса и снова ложится.

В час ночи по моим наручным часам содержимое перегонного куба становится бледно-желтым, и там почти нет вещества. Может быть, полстакана. И это забавно, но со всем мусором, который я туда положил, то, что осталось, - это прозрачная жидкость. Точно так, как написано в книге по алхимии. Я знаю, что натрон - карбонат натрия - не должен был так выкипать, как и аурипигмент. И пепел мандрагоры должен был остаться в виде шлама. Но этого не произошло. Думаю, образовались какие-то газообразные соединения металлов - например, гексафторид урана, - и они выкипают. Но я не могу поклясться в этом объяснении.

Я делаю то, что сказали алхимики, и получаю то, что они сказали. Я немного взволнован, но жду, пока эта штука остынет, затем снимаю кожицу с сосиски, впитываю немного эликсира в

мясо и кормлю им старого пса. Аккуратно кладу остаток в бутылку, которую держу наготове. К тому времени я уже совсем сонный, потому что уже около двух часов. Иду спать.

4

Проснувшись утром, я чувствую себя довольно хорошо. Слышу, как кто-то скулит рядом, и сажусь; это пес. Он выглядит намного более проворным, чем раньше, но он голоден. Когда я кормлю его, он ест, пока его живот не выпирает, а затем ложится и засыпает.

Я снова иду поплавать; я никуда не тороплюсь. Мне нужно до заката добраться до Эсперанса, чтобы встретиться с Джодом. Я ныряю, когда слышу гулкий звук под водой, а когда выныриваю, вижу яхту мистера Вахти, которая снова мчится к острову. Я выхожу на берег и наблюдаю из-за деревьев. Яхта опять огибает остров и примерно через час возвращается в Лас-Лагунас.

Я начинаю беспокоиться, надеваю одежду и осторожно иду к тому месту, где находится закрытый дом. Он всего в один этаж, но, похоже, стоит немало. Но дом больше не закрыт. Окна открыты, и мистер Вахти сидит в шезлонге на террасе, куря длинную черную сигару.

А вот Джод, в спортивной одежде, ковыляет, чтобы поговорить с Вахти. Я вижу пару мужчин, работающих, как я догадался, на кухне; затем я вижу профессора Генри Барра собственной персоной. Он был бойким старым козлом, но теперь выглядит совсем поникшим и несчастным. Что-то пошло не так. Я слоняюсь вокруг, надеясь, что Джод уйдет куда-нибудь один, чтобы я мог поговорить с ним.

И тут пес, обнюхивая лес, появляется позади меня. Он проснулся и идет за мной по запаху. Он резвый, и я не могу ожидать, что у него хватит здравого смысла не выбежать, виляя хвостом, или не начнет лаять. Поэтому мне приходится отвести его обратно к лодке и привязать.

Я привязываю его к швартовому канату и кормлю, чтобы он не выл, когда я ухожу.

Ничего не изменилось, когда я вернулся. Джод выглядит скучающим, но я вижу, что он нервничает. Иногда разговаривает с мистером Вахти, будто что-то предлагает. В основном, мистер Вахти просто не обращает внимания. Джоду нечего сказать профессору. Профессор просто сидит, развалившись в кресле, и выглядит несчастным.

Наступает полдень, я возвращаюсь на лодку, кормлю собаку и ем сам. Я весь день торчу возле

дома. Когда возвращаюсь что-нибудь поесть, пес почти съедает меня, он так рад меня видеть. Я хорошенько на него смотрю. Он больше не старый; он своего рода неуклюжий только что выросший щенок, который валяется на земле и просто взрывается энергией. Эликсир на него подействовал.

Я убедился, что он крепко привязан, когда ухожу.

Когда я вернулся к дому, было темно. В окнах свет. Я подкрался поближе и убедился, что снаружи никто не наблюдает. Ныряю туда, где можно заглянуть в окно. Оно открыто, и я могу слышать. Мистер Вахти говорит голосом, который мог бы свернуть алкагест - эту плавиковую кислоту, которая разъела пробирку, раковину и пол:

- Поскольку я не чувствую никаких физических изменений, я дам вам двоим еще двадцать четыре часа!

- А потом что? - спрашивает Джод настороженно.

- Если к тому времени я не буду снова молодым, - злобно говорит мистер Вахти, - а я не ожидаю этого, - мои телохранители либо посадят вас обоих в бочку с бетоном и сбросят за борт в море - делать это, я думаю, они еще не разучились, - либо вы отправитесь в тюрьму.

***

Джод хрипит возмущенно:

- Но ведь не было никакого преступления, мистер Вахти!" - протестует он.

- Вы пытались обмануть меня, - говорит мистер Вахти сварливо. - Вы оба!

- Я это отрицаю, - говорит старый Джод в гневе, но я вижу, как пот капает с его бороды. - Ни один палец не тронул вас и ваши деньги! Профессор Барр провел эксперимент, который я финансировал. Вы хотели поделиться результатами. Было решено, что вы примете дозу эликсира вместе с нами и заплатите, если он сработает, а не иначе! Но ваши люди схватили нас, затолкали на борт вашей яхты и привезли сюда в качестве пленников! У вас был эликсир, да! Вы настояли на том, чтобы эксперимент продолжался в вашем поместье здесь. Но, если было совершено преступление, - ораторски говорит Джод, - его совершили ваши наемники! Как вы будете стоять в суде, мистер Вахти, когда вас обвинят в похищении?

Никогда раньше не слышал таких ноток в голосе Джода. Но я знаю, что это такое: он напуган. У старого Джода есть отличный трюк, но он не срабатывает. Профессор готов был дать мистеру

Вахти и Джоду нокаутирующие капли, а Джод готов был поменяться стаканами, чтобы профессор и мистер Вахти потеряли сознание. Но мистер Вахти переиграл обоих, похитив их вместе с эликсиром и приняв свою дозу в уединении собственного дома в окружении телохранителей. Теперь мистер Вахти смеется, и это самый неприятный смех, который я когда-либо слышал.

- Как вы думаете, - иронично говорит он, - когда я занимался бизнесом, у меня никогда никого не похищали?

Наступает тишина, которую можно было бы разрезать на куски. Мистер Вахти снова смеется.

- У меня есть хобби, - говорит он, - сажать людей в тюрьму, когда они пытаются меня обмануть. Вы двое пробовали. Признаю, - говорит он раздраженно, - что вы все подстроили, чтобы я не мог посадить вас в тюрьму за эту работу. Посадить вас в тюрьму - не лучший пример, который я бы пожелал для своих дел. Но вы отправитесь в тюрьму или в бочку с бетоном!

- Как вы можете отправить нас в тюрьму? - требует Джоуд довольно пронзительно.

- Я рассчитываю на вашу помощь, - ядовито говорит мистер Вахти. - Мои люди со мной уже давно. Прошли годы с тех пор, как они кого-то

поймали, кроме одного-двух бродячих грабителей, и они скучают по старым занятиям. Они получили жалкое удовольствие, похитив вас. Для них это будет выглядеть так, будто старые времена вернулись снова, чтобы посадить вас двоих в отдельные бочки с бетоном и сбросить за борт, даже если они сбросят вас в Тихий океан, а не в реку Чикаго. Они прикончат вас со всеми возможными художественными штрихами, вспоминая старые времена.

Почему-то это утверждение кажется мне абсолютно убедительным. Я верю в него. Джод тоже.

- Но тюрьма... - задыхается Джод.

- В своей карьере, - мрачно говорит мистер Вахти, - вы, несомненно, совершили несколько подвигов, которые заинтересовали полицию. Если вы не хотите быть замурованным в бетон, то расскажете мне о таких подвигах. Я попрошу своих адвокатов проверить. Если вы сможете признаться в достаточном количестве реальных преступлений, за которые вас можно упрятать на достаточно большое количество лет, то я передам копам вас и ваши подписанные признания. В противном случае...

***

Я вижу лицо Джода. Он смотрит на мистера Вахти недоверчиво. Лицо его полно отвращения, как если бы кто-то сжульничал в дружеской игре в пинокль. Идеалы Джода оскорблены. Для него попытка обмануть мистера Вахти была чисто профессиональным делом. Если мистер Вахти играет так, будто лжет, то старый Джод выигрывает. Мистера Вахти полностью перехитрили на художественном уровне. Но вместо того, чтобы признать, что Джод - мастер-художник, мистер Вахти играет грязно.

- Это, - говорит старый Джод с горьким презрением, - самая низкая выходка, до которой кто-то когда-то опускался! Это нечестная игра! Это провал пари! Это...

- Мне пора спать, - говорит мистер Вахти голосом, который намного тверже гранита. - Я иду спать. Вы двое - мошенники. Можете посовещаться и решить, отправитесь ли вы в тюрьму или на дно Тихого океана!

И он говорит серьезно. Ни профессор, ни Джод, ни я не сомневаемся в том, что он говорит серьезно. Он пытается провести мошенничество напрямую, и он не может тронуть ни профессора,

ни Джода законным путем, поэтому он играет грязно, чтобы отомстить.

Я теряю уважение, которое у меня было к контрабандистам до того, как я заинтересовался наукой. Старый Джод пыхтит и хрюкает в комнате, которую покинул мистер Вахти.

- Ну, профессор, - говорит он презрительно, - что ты собираешься делать?

Профессор говорит в первый раз, насколько я слышу. Его голос - дрожащий, шаткий, похожий на отчаянный стон.

- Я... э-э... есть пара случаев подделки, которые я мог бы помочь копам раскрыть, - говорит он слабым голосом. - И однажды я вылез через заднее окно, когда несколько почтовых инспекторов пришли к входной двери. Это было использование почты для мошенничества. И... и есть пара случаев получения денег под ложным предлогом, которые я мог бы взять на себя, - говорит он и всхлипывает. - Если мистер Вахти будет ими удовлетворен...

Старый Джод расправляет плечи и выпячивает живот.

- Я, - презрительно хрипит он, - продал золотой слиток Монетному двору Соединенных Штатов в Денвере! Это принесет мне уважение в любом

суде. Я пойду на свидетельское место и разоблачу отвратительное, презренное поведение мистера Вахти в этом случае! И ни один художник, - гордо говорит Джод, - не будет больше иметь с ним дело! Он будет опозорен в глазах любого достойного гражданина!

И Джод выходит из комнаты, оставляя профессора в слезах.

***

Ну... Это не такая уж и тяжелая работа. Весь остров принадлежит мистеру Вахти. Нет никакой возможности сбежать, если только не придет яхта, чтобы отвезти вас обратно на берег. Поэтому на окнах комнаты, в которой спит Джод, даже нет замков. Какая от них польза? Я узнаю его комнату, просто наблюдая за тенями на оконной занавеске. Свет гаснет.

Джод подходит, чтобы открыть окно для свежего воздуха, и я шепчу ему. У него перехватывает дыхание, и я думаю, что он сейчас задохнется. Я быстро говорю, что привязал свою лодку и жду его. Старый Джод боится, все ли в порядке. Он выскакивает из окна, успев только надеть штаны. И мы бежим к лодке, но я вспоминаю, что нужно заставить Джода молчать. По дороге я говорю

ему сурово:

- Тебе следовало бы позволить мне сделать эликсир, как я сказал. Тогда бы ты не попал в эту беду. Я же говорил тебе, что профессор все испортит. У него была хорошая научная теория, но она фальшива!

- Ты совершенно прав, Бак, - задыхается Джод. - Но давай поедем быстрее!

- Это было хорошее, здравое, научное рассуждение, - говорю я ему. - Только потому, что мне нет и шестнадцати, ты решил, что я не смогу сделать этот эликсир таким же хорошим, как профессор. Чего у меня нет, - так это длинных седых усов.

- Да-да, - ахает Джоуд. - Ты гений, Бак! Сколько еще?

Мы добираемся до места, где я снова вижу воду. Собака подпрыгивает, радостная, кладет свои лапы мне на плечи и с энтузиазмом меня облизывает. Она вырвалась оттуда, где я ее привязал. Я раздражен, но мне повезло, что она не преследовала меня до дома. Я говорю, чтобы она шла к моей лодке.

Но лодки там нет.

Я привязал собаку к швартовному канату. Будучи молодой собакой, у которой нет ничего особенного на уме, она задумчиво жевала ве-

ревку и перегрызла ее. Лодка уплыла. Я вижу лодку в добрых полутора милях от меня, красиво покачивающуюся в полосе света, которую луна оставляет на воде. Я не могу плыть так далеко.

Джод, я и собачка застряли на частном острове мистера Вахти, и утром этот остров будут усиленно обыскивать.

5

Когда он это осознает, Джод плачет. Он выставил себя напоказ перед мистером Вахти и профессором и был напуган до глубины души. Теперь он думает, что его поймают и либо сбросят за борт в бетонной бочке, либо посадят на все его преклонные годы, а еда в исправительных учреждениях ужасная. Кроме того - надо отдать ему должное, - он боится за меня. Я на острове, и не могу с него уплыть. И никто не знает, что мистер Вахти сочтет подходящим для меня. Исправительная школа - наименее неприятная идея, которая приходит в голову.

Но Джод ожидает худшего. Я верю, что старый греховодник искренне любит меня! Но при этом требуется много аргументов, чтобы заставить его принять единственно возможный разумный вывод. Подозреваю, он думает, что умрет. Он

заставляет меня пообещать, что, если он умрет, я выполню план, который я ему рассказал для нас двоих.

Я обещаю и даю ему выпить часть бутылки газировки с прозрачной желтой жидкостью. Он глотает ее, давясь, пока я выбрасываю за борт пустые бутылки и поспешно собираю оставшиеся сосиски. Я делаю намордник для собаки, чтобы она не могла лаять, и использую леску, которую она пережевала, в качестве поводка.

Мы отправляемся на поиски хорошего укрытия. Находим одно; я накрываю Джода листьями, и ему становится относительно комфортно. Он говорит как-то лихорадочно и панически о том, какой позор для такого славного молодого парня, как я, оказаться в таком затруднительном положении. Он засыпает, весь измотанный; я тоже задремываю.

Наступает утро. Джод умирает с голоду. Я смотрю на него и чувствую себя странно. Все идет не так, как я ожидал, но я ничего не говорю. Я прохожу мимо хот-догов, и Джод их жадно съедает. Некоторое время ничего больше не происходит. Затем мимо того места, где мы прячемся, проходит яхта, и позже я вижу пару парней с оружием, бродящих вокруг.

Я закрываю нос собаки рукой; не хочу, чтобы кто-то выл. Я осмотрел собаку более внимательно, и я, можно сказать, потрясен. Но парни, которые ищут следы Джода, не уходят. Мы стоим на месте. Вдруг я вижу еще парней, тоже с оружием. Они выглядят крепкими ребятами. Матросы с яхты.

Ближе к середине утра Джод наконец понимает, что происходит. Сцена потрясающая. Практически истерика. Я-то знаю, что взял не настоящий пепел мандрагоры, а что-то другое, и это ужасно. На самом деле Джод так расстроен, что я решаю: мне лучше рискнуть с мистером Вахти. Но я этого не делаю. В конце концов, как бы плачевно не выглядело, то, что с нами произошло, для Джода это все равно лучше, чем оказаться в бочке с бетоном.

Я рассуждаю так. Не знаю, согласится ли Джод - очень сомневаюсь в этом, на самом деле, - но сейчас выбора нет. Это произошло.

С наступлением заката мы соорудили из одеяла немного аварийной одежды, потому что пижама, которую носит Джод, принадлежит мистеру Вахти, и ее узнают.

Мы вдвоем и песик мчимся к дому мистера Вахти. Когда мы туда добираемся, уже почти стемнело. Яхта снова вернулась на материк, и

матросы вывели несколько собак, чтобы найти Джода по запаху. Моя собака дружелюбно подходит, чтобы подружиться. Другие собаки шумно приветствуют ее. Очень шумно.

Я объясняю парням, что мы вдвоем вышли в море под парусом; мы причалили, но кто-то украл нашу лодку, и не могли бы парни передать, чтобы кто-нибудь приехал за нами.

Это звучит как вполне обычное, респектабельное семейное дело.

Наступает странная, богохульная тишина. Никто, конечно, не подозревает, что со мной именно Джод, который им нужен. Мистер Вахти оглядывает нас, подавляя все ругательства, когда-либо известные человеку. Он говорит Джоду:

- Ты обычно носишь попону?

Джод возмущается:

- Я загорал.

Мистер Вахти с горечью говорит:

- Я, наверное, смогу найти какую-нибудь матросскую одежду. Я отправлю вас обратно на материк.

Он хотел бы задушить нас обоих. Он считает, что Джод, за которым он охотится, украл лодку и сбежал на материк. Он ничего не может нам сделать, потому что, как он снова полагает, Джод

составит список, включающий похищение, принуждение, угрозы и другие незаконные действия, и в любой момент может прибыть полицейский катер. Вахти даже не может выбросить профессора за борт, потому что уверен, что Джод на берегу готовит иск.

На самом деле Джод стоит рядом со мной, кипящий от ярости. Он жаждет убить меня, но не осмеливается это показать.

***

Беспорядок прекрасен. У мистера Вахти нет научного склада ума, поэтому он не может даже предположить, что произошло, и тем более - представить. Он в любом случае не верит в эликсир, и, конечно, не знает, что я намеревался его сделать. Так что никогда, даже за миллион лет, он не докопается до фактов.

Джод заходит в дом, надевает матросские штаны и свитер и оставляет попону на память. Нас сажают на яхту и везут обратно на материк. Джод держится в стороне из-за вероятности устроить потасовку, если я подойду на расстояние вытянутой руки. Я иду смотреть на двигатели яхты. Я замечаю, что профессор на борту, белый как полотно и дрожащий. Он не верит, что его поми-

ловали. Но это так.

Мы добираемся до причала и сходим на берег. Джод даже недостаточно вежлив, чтобы сказать "Спасибо" за нашу поездку. Мы уходим от причала. Подходит собака, выглядящая приветливой; наш песик быстро заводит дружеские отношения, и они оба исчезают в переулке. Мне все равно.

Я оставляю Джода ждать меня в темном месте, а сам забираю часть своей одежды из отеля; затем беру машину, и мы едем за чемоданом из терминала аэропорта. У Джода один из тех пылких приступов, когда одно сказанное слово может привести к взрыву. Мы едва ли обмениваемся парой слов, пока не добираемся до следующего города. Я останавливаюсь у самого шикарного отеля, выхожу из машины и говорю:

- Ну, пока, Джод!

- Нет, не надо! - задыхается Джод, хватая меня. - Нам нужно уладить это! Тебе нужно что-то с этим сделать! Ты пойдешь со мной!

Мы регистрируемся и получаем номера рядом друг с другом. Джод входит в мой номер, кипя от злости, и мрачно садится. Сиденье неудобное.

Джод достает толстые пачки банкнот из набедренных карманов матросских брюк и кладет на стол. Пачки впечатляют.

- Откуда это взялось? - спрашиваю я, пытаясь отложить все на потом.

- Мистер Вахти, - мрачно говорт Джод, - был готов заплатить пятьдесят тысяч, чтобы увидеть доказательства того, что эликсир молодости работает. Он сказал это профессору. Он насмехался над ним. Он размахивал деньгами перед его носом и повторял, усмехаясь, что готов заплатить, чтобы увидеть доказательства. Ну, я и есть доказательство в своем роде. Он увидел меня. Поэтому, когда я вошел в дом, чтобы надеть эту одежду, я остановился там, где он ее запер. Я имею на нее право. Но - ты, Бак! Как это случилось со мной?

***

Мне очень неловко, но я более или менее во всем разобрался.

- Ну-у-у, Джод, - говорю я, - думаю, это произошло потому, что в Америке нет настоящей мандрагоры. Требовался пепел мандрагоры, а я не мог его достать, поэтому разыскал травку, очень похожую на мандрагору. Майское яблоко - так ее называют. Я использовал ее. Это близкий родственник мандрагоры, но в нем, должно быть, не хватало одного из тех катализаторов или антикатализаторов, которые были у настоящей

мандрагоры..."

Джод хватает меня и сильно трясет.

- И что теперь? Как это исправить?

Неохотно я достаю из кармана блокнот. Открываю страницу, где скопировал старую формулу Гермеса Трисмигеста для изготовления эликсира молодости.

- Смотри, - говорю я. - Формула озаглавлена "Сделать старика снова молодым". Она дает указания, которым я пытался следовать. Я... э-э... думаю, ответ в этом последнем абзаце. Э-э... в конце говорится, "сделать старуху молодой девицей": формула та же самая, с той разницей, что пепел мандрагоры следует исключить".

Джод бьет меня. Жестко. Ого! Честно говоря, я думаю, я бы сделал то же самое.

Но... в любом случае, у нас с Джод теперь есть очень хороший коттедж, у меня там довольно приличная частная экспериментальная лаборатория, и я работаю над проблемой корректировки материи более нормальным образом.

Джод всегда увлекалась модной одеждой, а теперь и возможности, и деньги на модную одежду у нас есть. Джод одевается великолепно и как бы смотрит на мир с новой точки зрения. Новая точка зрения становится со временем более

терпимой. Ко мне относятся с определенным уважением, и - как я уже сказал - у меня отличная лаборатория.

Я выхожу замуж за брата Джод. Джод, кажется, тоже относится ко мне как к младшему брату. Она чертовски злится, когда я говорю ей, что она использует слишком много косметики.

Эссе

Даниэль Клугер

"СИМПАТИЧЕСКАЯ УГРОЗА": МАЙ 1945 ГОДА

("Фильмы, которых не было" - из книги "Наглухо закрытые премьеры")

Я все время откладывал написание отзыва на фильм "Симпатическая угроза", хотя пообещал организаторам закрытого просмотра написать отзыв скоро и развернуто. Причиной моего нежелания был страх. Страх мистический, метафизический, если угодно, природа коего крылась в странном ощущении, возникшем сразу же во время просмотра.

Но все сроки прошли, объективных причин тянуть я не нашел, поэтому, преодолевая свой странный страх, приступаю к отчету. Вам, уважаемые читатели и возможные зрители, судить, обоснованы мои страхи или нет, стоит ли смотреть этот фильм или нет, словом - я лишь постараюсь добросовестно изложить свои впечатления от него. Кроме того, возможно, вы уже видели "Симпатическую угрозу". В таком случае вы просто сравните свои впечатления с моими.

Так получилось, что, сам того не желая, я стал считаться большим любителем и даже знатоком странного кинематографического жанра - мокъюментари, квазидокументалистики. Причиной тому стали три рецензии, написанные мною на фильмы-мокъюментари, в прошлом году вышедшие на экраны. Между тем отношение мое к этому жанру довольно сложное.

Чем более развитыми оказываются технические средства кинематографа, способные имитировать документалистику, архивные кадры, тем более странными и неуверенными становятся попытки конкретного кинокритика (меня - в данном случае) отделить фантазию создателей фильма от реальности. Что в этом жанре мокъюментарно, а что - документально? Что - имитация, а что - подлинное событие? И - главное - какова цель создания странного этого киногибрида? Только ли развлечь? Только ли рассказать о том, как не случилось нечто, но могло бы случиться?

Может быть, есть и иные цели, выходящие за рамки искусства?

С самого просмотра "Симпатической угрозы" (а это - два месяца!) я прекратил посещение кинотеатров. Мало того: я стараюсь не смотреть

кинопрограммы по телевидению. Причина тому - страх, в котором поначалу не хотелось признаваться. Надеюсь, после внимательного прочтения этого очерка-рецензии, природа моего страха станет понятной и даже покажется вполне естественной - по крайней мере, некоторым из читателей. Хочу лишь сказать, что этот страх отнюдь не связан с голливудскими монстрами, вампирами, динозаврами и прочими порождениями фантазии Лукаса или Спилберга, Скотта или Кэмерона - бутафорию я воспринимаю не более чем бутафорию, да и, слава Богу, могу проводить грань между экранной сказкой и реальной жизнью. Психика моя вполне устойчива, к психиатрам я не обращаюсь и необходимости такой, пока что, не испытываю. Если же все то, о чем говорится в этих записках, покажется читателям (тем более - зрителям) чрезмерным, просто игрой воображения, - что же: в этом случае они (читатели-зрители) могут воспринимать мои выводы как фантазии. Я нисколько не обижусь. На что тут обижаться?

Пожалуй, достаточно предварительных объяснений. Пора переходить к сути дела.

Фильм начинается хроникой 1920-х годов - веселая послевоенная жизнь. А на ее фоне звучит

веселая и, на первый взгляд, непритязательная песенка, которую поет легкомысленный женский голос под столь же веселый аккомпанемент диксиленда:

...Танцует Чаплин на экране,
Чадит бензином "Мерседес",
Бомбеем правят англичане,
Но "Цеппелин" - король небес.

Фокстроты, вина, забастовки,
Гулянья с ночи до утра,
Вполне невинные уловки,
Вполне невинная игра.

Короче, мир, и, слава Богу,
Ушла в небытие пора
Смертей. Забудем понемногу.
Уйдем от страшного "вчера".

Часы веселых юбилеев,
Цветы, бурлески, дым, балет...
.....
Какой-то псих бранит евреев.
И до войны тринадцать лет.

Впрочем, легкомысленной песенка кажется не до конца, а почти до конца. Во время последнего куплета на экране - кадры кинохроники показывают уже не веселую жизнь, а первые группы марширующих по улице штурмовиков с факелами и штандартами, украшенными свастикой. Последний кадр в хронике - портрет улыбающегося Гитлера, уходящий в затемнение...

На черном фоне возникает титр: "1918 год, Мюнхен". После этого начинается рассказ о создании немецкого оккультного "Общества Туле", основанного именно в Мюнхене и именно в 1918 году. Я читал, в свое время, немало статей об оккультной практике нацистов, так что ничего нового кинорассказ о "Туле" мне не сообщил. Разве что, глядя на портрет основателя общества, мистика, теософа и авантюриста Рудольфа фон Зеботтендорфа, я еще раз подивился его внешним сходством с фюрером Третьего Рейха.

Вскоре появился и первый персонаж фильма, который в дальнейшем стал одним из трех своеобразных Вергилиев в путешествии зрителей по запутанной и загадочной вселенной фильма.

Первый Вергилий выглядел вполне интеллигентным человеком лет пятидесяти, с благородной сединой, аккуратным пробором и столь же

аккуратно подстриженной бородкой. Соответствующий титр сообщил нам, что перед нами "доктор исторических наук Георгий Биргер, Новокитежский университет им. Елены Блаватской, факультет антропологии, профессор кафедры истории теософии". Профессор сидел за массивным письменным столом в просторном кабинете, старомодно отделанном деревянными панелями и украшенный многими портретами, в том числе - портретом Елены Блаватской, висевшим на стене над креслом хозяина кабинета.

Рассказ профессора я постараюсь привести дословно или почти дословно - насколько мне удалось запомнить. Этот рассказ слишком важен - и для понимания основного содержания фильма "Симпатическая угроза", и для понимания (возможного) природы моего иррационального страха, возникшего почти сразу после просмотра.

Точку зрения зрителей выражал ведущий, как это принято во многих мокъюментарных картинах. И рассказ начался с вопроса ведущего (он говорил по-русски, но с явным немецким акцентом). Впрочем, подозреваю, что акцент был частью игры авторов фильма, укрывшихся за псевдонимом "Братья Драйгроссман".

Ведущий (*согласно титрам*, Еремей Драйгроссман, *кинодраматург*): Когда вы впервые столкнулись с тайной, о которой обещаете нам поведать?

Георгий Биргер: "В свое время, работая над серией очерков об окончании Второй мировой войны, мне довелось познакомиться с некоторыми документами, находящимися в частных архивах Западной Германии. К счастью, времена были уже горбачевские, я получил возможность свободно ездить по германским градам и весям. Говорю: к счастью, потому что, в отличие от СССР, где все, касавшееся войны, хранилось в Архиве Министерства обороны СССР (ныне - Министерства обороны Российской Федерации) в городе Продольске, в Германии подобные архивы оказались отнюдь не настолько централизованы. После окончания второй мировой войны многие секретные бумаги оказались в разных зонах оккупации, попали в руки разведок различных стран-участниц антигитлеровской коалиции, а затем были переданы, конечно, не полностью, разным организациям, в том числе, спустя какое-то время, - и частным музеям".

На экране кабинет историка сменила вывеска одного из таких частных музеев, а именно -

"Militärmuseum" южнобаварского города Нойбург (Neuburg), о чем, разумеется, зрителям немедленно сообщил голос Георгия Биргера за кадром. Далее нам показали работу историка с документами, хранившимися в музее.

Биргер: "В ходе достаточно долгой работы мне в руки иной раз попадались документы и свидетельства, требующие прояснения, иной раз - откровенно противоречащие свидетельствам другой стороны. Изредка, но все-таки обнаруживались бумаги, содержание которых было вообще необъяснимым.

Именно среди вот таких редких бумаг обнаружился документ, который я так и не смог объяснить сколько-нибудь удовлетворительно".

Драйгроссман: Можно взглянуть? (*Получив запаянный в пластик документ, он представляет его зрителям*):

"Ich bestelle:

Das Waffen-SS-Regiment "Friedrich der Große" rückt aus seinen Stellungen aus und stellt sich sofort dem UFA-Studio zur Verfügung. Nach Befolgung der Anweisungen kehrt es zur Verfügung des OKW zurück.

Verlegen Sie während der Abwesenheit des Regiments das 12. und 15. Volkssturm-Bataillon in

Stellungen.

Chef des Generalstabs des Oberkommandos der Bodentruppen der Wehrmacht, Generalfeldmarschall Keitel (OKW), Feldmarschall Keitel.

28. April 1945.

Berlin".

Еремей Драйгроссман (*переводит*): "Я приказываю:

Полку ваффен-СС "Фридрих Великий" выдвинуться с позиций и немедленно прибыть в распоряжение студии "УФА". Выполнив указания, вернуться в распоряжение ОКВ.

На время отсутствия полка, выдвинуть на позиции 12-й и 15-й батальоны Фольксштурма.

Начальник генерального штаба Верховного командования Сухопутных сил Вермахта генерал-фельдмаршал Кейтель 28 апреля 1945 года {4}.

Берлин".

Еремей Драйгроссман: (*недоверчиво*): Это не подделка? Как-то с трудом верится. Снимать боеспособную часть и заменять ее старичками и подростками из фольксштурма буквально нака-

---

{4} Комментарии: 4

На самом деле Кейтель вступил в эту должность на три дня позже — 1 мая 1945 года. 28 апреля начальником генштаба был генерал пехоты Ганс Кребс. Но в том-то и особенность странного жанра мокъюментари!

нуне штурма Берлина Красной армией...

Профессор Биргер: Конечно, именно о подделке я сразу и подумал. Но... Директор Militärmuseum д-р Иоахим Шульц, услышав мои замечания относительно подлинности документа, сказал, что, у него тоже были сомнения подобного рода. Но вот заключение экспертов (*показывает несколько бумаг*). Эксперты признают подлинность приказа. А это солидные эксперты. Доктор Йонас Хауген или криминалист Рейнхард Вальтер, весьма уважаемые специалисты, хорошо известные в Европе. Что же до содержания... (*Разводит руками*). - Старший брат д-ра Шульца служил в вермахте. Он рассказал, насколько противоречивыми и порою нелепыми были распоряжения иных командиров в последние месяцы войны. А тут - не то, чтобы месяцы, последние дни перед падением нацистов.

Еремей Драйгроссман (*по-прежнему недоверчиво*): Ну, устные распоряжения командиров рот и взводов - одно, а письменный приказ главнокомандующего - другое. Несмотря на то, что Кейтель понимал неизбежность поражения, не настолько же он потерял голову, чтобы действовать на приближение собственного конца!

Кабинет на экране вновь сменяют кадры хрони-

ки - вполне документальные, хорошо известные: обстрел Берлина, плачущий мальчишка в форме фольксштурмовца, сдающиеся солдаты вермахта, Кейтель, салютующий фельдмаршальским жезлом генералам союзников...

Профессор Биргер (*за кадром*): Правда, существовало еще одно объяснение. Немецкие военачальники обвиняли генерал-фельдмаршала Кейтеля в немыслимом лакействе перед Гитлером. Он даже имел кличку "Лакейтель". Если бы безумное распоряжение исходило из уст фюрера, глава генштаба, безусловно, выполнил бы его. Он никогда не спорил с Гитлером. В пользу подлинности свидетельствовали и показанные уже упомянутым выше доктором Иоахимом Шульцем данные экспертизы: некоторые фамилии были мне хорошо известны. Но если приказ был подлинным и если он исполнялся, где-то должно было находиться и объяснение.

Еремей Драйгроссман (*за кадром*): И какое же оно, это объяснение?

Профессор Биргер: Документальное распоряжение о том, с какой целью отводился полк "Фридрих Великий" в киностудию. Увы, об этом нигде не было сказано ни слова. Единственное, что мне удалось найти в других германских ар-

хивах, это упоминание о возвращении полка на позиции - 2 мая 1945 года, после начала штурма Берлина, когда катастрофа (с точки зрения нацистов) уже, фактически, произошла.

Еремей Драйгроссман: Я читал вашу книгу. Там об этом документе ни слова не сказано.

Профессор Биргер: После некоторого размышления, я решил этот документ в окончательный вариант книги не включать. Объяснений странным действиям у меня не было, а фантазировать в тех давних очерках я не хотел: я старался вообще не комментировать документы, публиковавшиеся мною. Так что странная история с приказом Кейтеля и необъяснимыми маневрами полка "Фридрих" стала первой загадкой, с которой я имел дело. С другими загадками мне пришлось столкнуться постепенно, в течение долгого времени, пока, наконец, они не увязались в единую цепочку очень странных, находящихся на грани возможного, событий конца Второй мировой войны.

И вновь на экране - то ли документальные, то ли мокъюментарные кадры, которые поясняет за кадром уже не профессор Биргер, а ведущий - Еремей Драйгроссман - и титры в кадре.

Вот на экране появляются члены общества

Анненэрбе, вот советские солдаты в бывшей рейхсканцелярии рассматривают сложенные в чудовищные звезды трупы буддийских монахов, вот страницы фолианта, испещренные рунами, по которым водит пальцем уже знакомый зрителям фон Зеботтендорф. И вновь изображение сменяется уходящим в темноту портретом Гитлера, позирующего перед зеркалом...

Титры: Последние дни и даже месяцы Третьего рейха окутаны массой сплетен, слухов, отрывочных сведений и тому подобного. Скрупулезно восстанавливаемая историками картина изобилует белыми, серыми и черными пятнами. Одной из загадок подобного рода, безусловно, может считаться оккультная сторона жизни верхушки нацистского режима. Время от времени в печать до сих пор просачиваются очень странные истории, требующие осмысления - не только в чисто научных целях, но и потому, что тоталитаризм есть страшнейшее порождение нашего века, и никто не поручится за то, что он никогда более не возродится - в каком-либо уголке земного шара.

Ведущий: К одной из таких загадок относится странная декорация, частично сохранившаяся в пострадавших от бомбежек и артобстрелов павильонах берлинской киностудии "UFA". Мы

услышали о ней впервые от Давида Моисеевича Старицкого. Услышали совершенно случайно и совсем недавно.

Обычная квартира, могущая находиться где угодно - в Тель-Авиве, в Москве, в Берлине, а скорее всего - выстроенная в одном из павильонов студии.

Перед телевизором сидят хозяин квартиры Давид Старицкий и его сын Владимир. Присутствует и ведущий - за кадром.

Наезд на экран телевизора. На экране - кадр из американского фантастического фильма "Фатерланд": помпезное празднование 75-летия Адольфа Гитлера в 1965 году.

Старицкий выключает телевизор.

Старицкий (*задумчиво*): Да, забавный фильм. Что было бы, если бы нацистская Германия не была разгромлена, а продолжала существовать в наши дни... А ведь он (*кивок на телевизор, словно Гитлер еще на экране*) до последних минут верил в чудо. Мы уже шли по Берлину, немцы разбегались, сдавались, стрелялись - а он верил.

Наезд на фотографию, висящую на стене. На фотографии - группа солдат и офицеров Красной армии, среди которых можно узнать молодого

хозяина квартиры.

Еремей Драйгроссман (*за кадром*): В мае 1945 года Давид Старицкий был капитаном Советской Армии, командиром 333-го отдельного десантного батальона, в числе первых вошедшего в полуразрушенный Берлин и занявшего комплекс зданий на юго-восточной окраине гитлеровской столицы. Среди прочих занятых десантниками зданий оказались и корпуса студии "UFA".

Давид Старицкий (*усмехаясь*). То, что я там увидел, запомнилось на всю жизнь. Рассказать?

Еремей Драйгроссман: Погодите, я включу диктофон...

Крупным планом работающий диктофон.

Голос Давида Старицкого: Я вхожу в огромный павильон. И испытываю потрясение, какого никогда не испытывал в жизни - ни до, ни после. Представьте себе: за стенами Берлин. Продолжаются ожесточенные бои. Все знают: конец войне, счет уже идет не то что на дни - может быть, на часы, все-таки - 3-е мая 1945 года. Почти год я нахожусь в Европе. Почти год не видел советской земли, и вдруг, в сердце гитлеровской столицы, войдя в какое-то здание (я ведь не знал, что это киностудия), вижу... Красную площадь. Слева - собор Василия Блаженного, передо мною - метрах в

ста, наверное - кремлевская стена. Справа - Мавзолей. Написано: "Ленин". Я едва не рехнулся... И самая важная деталь - ее я увидел не сразу - над куполом Совнаркома вместо советского флага - нацистский, со свастикой. Я смотрю на Спасскую - а там, вместо рубиновых звезд - немецкие орлы. Опять-таки, со свастикой. "Ну все, - думаю, - приехали. Пора в медсанбат..." Солдату шепчу: "Ущипни". А он сам стоит белый, как стена. Вдруг вскинул автомат: как шарахнет!.. Оказалось - холст. Я до войны в Севастополе бывал, видел панораму Рубо "Оборона Севастополя". Ну вот, тут что-то аналогичное было: Кремль нарисован на холсте, Собор и Мавзолей - из картона и фанеры. Брусчатка, правда, вроде настоящей. Словом, декорация... Жаль, не успел сфотографировать, так что верьте на слово. Очередной артобстрел превратил и павильон, и сооружение, и картину на холсте в кучу пепла... Да, там еще валялся штандарт эсэсовского полка "Фридрих Великий".

Диктофон останавливается.

Его сменяет кабинет профессора Биргера.

Профессор Биргер: Да, похоже, это как-то связано с тем странным документом. Но как? В чем смысл всего этого бреда?

Еремей Драйгроссман: Если бы найти этот

фильм... Хотя бы фрагмент...

На экране появляется другой кабинет. За столом - средних лет мужчина с аккуратной бородкой и без усов.

Титр: киновед Андрей Михайловский.

Киновед: Я знаю об этом... Мало того - я знаю то, о чем вы не знаете... (*Пауза*). Этот фильм существует.

Еремей Драйгроссман: Вы хотите сказать, что немцы в сорок первом заранее сняли фильм о взятии Москвы? И что же - фильм демонстрировался в кинотеатрах?

Киновед: Во-первых - был снят не в сорок первом, а в сорок пятом. В конце апреля. В течение одной недели. Во-вторых - демонстрировался лишь в одном кинотеатре. В служебном помещении Рейхсканцелярии. Точнее - лично рейхсканцлеру и фюреру немецкого народа Адольфу Гитлеру. А снимала его не кто-нибудь, а сама Лени фон Рифеншталь. Слышали о такой?

Еремей Драйгроссман: Еще бы! Лени фон Рифеншталь была самой знаменитой и почитаемой кинематографисткой гитлеровской Германии. Следует отметить, что она действительно была чрезвычайно одаренным человеком. Ее докумен-

тальная картина "Триумф воли", снятая в 1938 году, повергла в изумленное восхищение искушенных киношников всего мира. На Каннском фестивале картина получила "Гран-при".

На экране появляются кадры из фильмов Лени фон Рефиншталь "Триумф воли" и "Олимпия".

Киновед (*на фоне фрагментов фильма*): "Триумф воли, рассказывавший о партийном съезде нацистов в Нюрнберге, создавал почти физическое ощущение колоссальной мощи, взраставшей в Германии, на основе невиданного нигде и никогда ранее единения партийных вождей и немецкого народа. Фильм изобиловал множеством находок. Но главное - фильм снимался как игровой, художественный. С десятками дублей, строительством декораций и прочего, прочего, прочего. Гитлер лично выразил благодарность создательнице фильма и преподнес ей громадный букет роз. (*С усмешкой*): В своих воспоминаниях Лени фон Рифеншталь пишет, что получив этот подарок, она потеряла сознание. (*После паузы*): Парад на Красной площади тоже, естественно, снимался как игровой. Вернее было бы сказать - игровой фильм снимался как документальный. То есть, все наоборот.

Еремей Драйгроссман: Но для чего это делалось?

Киновед (с прежней усмешкой указывая на плакатник на стене): "Из всех искусств для нас важнейшим является кино". Ленинское изречение, но Гитлер бы охотно под ним подписался. Обеими руками.

Еремей Драйгроссман: Важнее победы? Важнее жизни?

Киновед (*невозмутимо*): Почему же? Именно во имя спасения жизни, во имя победы и снимался. Прошу обратить внимание на то, что ни в воспоминаниях самой Лени, ни в воспоминаниях других участников фантасмагории об этом факте не упоминается ни слова... (*порывшись в столе, вытаскивает фотографию*): - Вот, взгляните, прошу.

Фотография заполняет весь экран. На ней изображен... парад гитлеровских войск в Москве, на Красной площади! На трибуне стоит сам Гитлер - в полном одиночестве. Лицо его обращено к небесам.

А у подножья Мавзолея замерли эсэсовцы.

Еремей Драйгроссман (*недоверчиво*): Фотомонтаж?

Киновед: Нет, конечно. Рабочий момент съемок. Кстати говоря, сам фильм исчез. Но кое-какие рабочие материалы, как видите, попали в руки советского командования. Где они сейчас - неизвестно. Скорее всего, были уничтожены.

Камера вновь обратилась к фотографии и укрупнила изображение. Теперь на древке штандарта, с которым стоял навытяжку солдат у Мавзолея, хорошо заметна табличка с надписью "Friedrich der Große" ("Фридрих Великий"). На нее медленно ложится запаянный в целлофан злосчастный приказ фельдмаршала Кейтеля, датированный 28 апреля 1945 года.

Камера отъезжает. Киновед берет в руки приказ.

Киновед: Да, похоже, именно их использовали в качестве статистов.

Еремей Драйгроссман (*потрясенно*): Но зачем? Для чего? Кому могло прийти в голову заниматься подобными вещами в такое время?

Киновед: Вы же сами сказали - никто, кроме Гитлера, не мог приказать Кейтелю. А для чего... (Пауза): Есть у меня одна гипотеза. Вспомните о некоторых других находках, не имеющих рационального объяснения. Например, о зага-

дочных трупах тибетских монахов, найденных в подземных бункерах Рейхсканцелярии. Монахи были умерщвлены явно ритуальным образом. Их трупы лежали так, словно должны были составить некие фигуры - звезды или что-то подобное. Вспомните о том тумане мистики, который окутывал высшие круги нацистов с самого начала появления этого движения. Вспомните мистическое тайное общество "Туле", куда входили такие люди, как, например, Хаусхоффер. Вспомните, наконец, что даже "Черный Орден" - как иногда называли СС - первоначально задумывался в качестве религиозно-мистической организации на манер средневековых рыцарских орденов. Высшие лица Рейха - в первую очередь, разумеется, сам Гитлер - искренне верили в оккультизм и магию. Кстати сказать, фюрер полагал, что все тот же "Триумф воли" магически воздействовал на аудиторию. И не в переносном смысле... Думаю, в конце войны у него появилось желание спасти режим, прибегнув к оккультным приемам. Поразительно? (Усмехается). Но ведь это достаточно логично объясняет все непонятные вам события. Подумайте над этим. Надеюсь, вы знаете, что такое "симпатическая магия"? Это когда желаемое событие воссоздается в миниа-

тюре с тем, чтобы и в реальном мире произошло именно так. Например, лепится из воска фигурка человека, окрещивается, потом прокалывается иглой. Человек, чье имя присвоено восковой куколке, непременно должен погибнуть. Или же в тазике с водой воспроизводится в миниатюре шторм (попросту говоря, ведьма или колдун болтают пальцем в воде, приговаривая при этом соответствующие заклинания). А где-нибудь в Атлантическом океане, безо всяких видимых причин, поднимаются вдруг гигантские валы, и идут на дно десятки судов.

Все это иллюстрируется впечатляющими кадрами, снятыми в документальной, но современной манере, не имитирующей архивные съемки.

Собственно, на этом и заканчивался фильм "Симпатическая угроза". Последними шли титры:

В роли Давида Моисеевича Старицкого - Владимир Давидович Старицкий

В роли профессора Георгия Биргера - доцент Яков Повелев.

В роли киноведа Андрея Михайловского - кинокритик Михаил Андриевский.

Я шел домой и никак не мог избавиться от мыс-

ли, что видел не фантастический фильм. И мне становилось все страшнее и страшнее.

Гитлер фанатично верил в силу магического воздействия кинематографа на массы. Не вообще кинематографа, но, во всяком случае, гениальных созданий Лени фон Рифеншталь. Если верить гипотезе, высказанной братьями Драйгроссман, с фильмом дело обстояло точно так же, как с восковыми фигурками.

В киностудии строится декорация, воссоздающая павшую Москву. И снимается кино: парад немцев-победителей на Красной площади. И на трибуне Мавзолея - фюрер... Бред? Но для свято уверовавших в оккультные чудеса нацистских вождей - реальность. Столь важная, что буквально накануне решающей битвы за Берлин с фронта снимается одно из самых боеспособных эсэсовских подразделений - полк "Фридрих Великий"...

Для чего?

Чтобы пройти парадом перед безумным фюрером.

И действо это было зафиксировано на пленку. И монтировалось не кем-нибудь, а самым блестящим режиссером-документалис-том середины XX века.

Боже мой, думал я, за стенами решалась судьба

режима, собственно, уже была решена, а в кабинете Гитлер смотрел, как его армия марширует по Красной площади, видел себя на трибуне, принимающим победный парад - и верил в то, что это безумное действо каким-то образом спасет его...

Безумное ли?

Что, если этот фильм все еще существует? Что произойдет, если его вдруг одновременно прокрутить во всех кинотеатрах и по всем киноканалам? Так сказать, устроить мировую премьеру?

Я словно воочию увидел, как с сотен тысяч экранов прямо в наш день мерно шагают материализовавшиеся - бессмертные! - эсэсовцы, напутствуемые ожившим (или никогда не умиравшим?) фюрером.

"Нет-нет, - думал я, - нет-нет, разумеется, вся эта история - всего лишь мокъюментари, фантазия лукавых братьев Драйгроссман... Фантазия, стилизованная под документальность, вымысел, удачно притворившийся правдой".

Или нет?

А если - нет?

Не может быть.

Не может.

...Я шел вечерними улицами, а в ушах у меня продолжала звучать веселенькая песенка, с кото-

рой начинался фильм:

"...Танцует Чаплин на экране,
Чадит бензином "Мерседес",
Бомбеем правят англичане,
Но "Цеппелин" - король небес...

...Часы веселых юбилеев,
Цветы, бурлески, дым, балет...
Какой-то псих бранит евреев.
И до войны тринадцать лет..."

"А нам? Сколько нам осталось до мировой войны? - подумалось мне. - Год, два, десять? Пятьдесят? Кто ответит? И что, если я видел не мокъюментари, а самый что ни на есть настоящий документальный фильм? Что, если тот бредово-магический продукт сорок пятого года где-то хранится? Что, если кто-то вытащит его на свет божий и запустит в кинотеатры? Просто так, из чистого любопытства?"

Татьяна Максимова

Рыбы - жители планеты Океан

Родная для человека среда обитания - земная суша, занимает лишь немногим больше четверти Земли, поэтому нашу планету с большим правом можно было бы назвать планетой Океан. Можно предположить, что поскольку жизнь зародилась в воде, то "морской" разум, если он есть, старше человеческого не менее чем на 1,5 млн. лет.

Дно Океана знакомо науке несравненно меньше, чем даже обратная сторона нашего ночного светила и, видимо, землянам еще не скоро удастся преодолеть барьер дикого давления и ледяного мрака, чтобы познать морские глубины. На глубине почти шесть тысяч метров заканчивается известная нам морская жизнь и людей, которым удалось достичь даже этой глубины в несколько раз меньше, чем тех, кто побывал в Космосе.

Известно, что древние мореплаватели преодолевали огромные расстояния по морю. Издавна моряки, чья жизнь тесно связана с океаном, морем, верили, что в пучинах живут странные и огромные существа, не похожие ни на рыб,

ни на медуз, ни на других водных обитателей. В рассказах моряков об этих встречах сквозил неподдельный ужас, пережитый людьми при встречах с этими чудовищами.

С появлением крупных кораблей наступил век всестороннего изучения океанов и его обитателей, но загадок не стало меньше.

Биологи из разных стран, изучающие морские формы жизни, "открывают более 30 новых видов каждую неделю - такое заявление прозвучало в первом докладе о ходе осуществления программы "перепись морской жизни". Работа над этим десятилетним проектом началась еще в 2000 году и в нем участвуют около 300 ученых из 53 стран. По мнению исследователей "в океанах насчитывается свыше двух миллионов видов животных и растений, возможно, более 95 процентов животных, обитающих в океанах, до сих пор не известны науке".

Рыбы размером с небольшой автобус, оказывается, обитали на нашей планете не менее 360 миллионов лет назад - это хорошо защищенный вид плакодермов, панцирных рыб, которые жили в позднем девоне. Вполне вероятно, что хищник достигал в длину до десяти метров. Такая "малышка" могла быстро и с силой смыкать и

размыкать челюсти с острыми, как бритва челюстями. Среди кораллов Большого Барьерного рифа Австралии криптозоологи совсем недавно выловили сразу восемь новых видов экзотических рыб, о существовании которых никто даже не подозревал. Один из главных козырей ученых - обитающая близ Коморских островов кистеперая рыба ластимерия. Палеонтологи считали, что она вымерла еще двести миллионов лет назад, ан нет, здравствует и поныне. Если древняя латимерия жива, почему бы не выжить и другим ее современникам?

Ученые, проводившие исследования в бассейне венесуэльской реки Каура, тоже объявили об открытии новых видов рыб. Среди них и малюсенькая рыбка с алым хвостом и сом с гребешком из щупальцев, и пиранья, которая питается как мясом, так и фруктами. Эта область почти нетронутых тропических лесов и рек считается одним из уникальнейших мест на Земле, чей животный мир особенно богат и разнообразен, но мало изучен.

Загадочная рыба весом более тонны выловлена совсем недавно в море на юге Вьетнама. Чтобы доставить ее на берег, рыбакам пришлось привлекать тяжеловесную спецтехнику, которой

вытаскивают со дна моря затонувшие корабли. Пойманная на глубине 130 метров шестиметровая рыбина похожа на мечехвоста, но покрыта зелеными пятнами и небольшими прыщиками. Список неведомых науке морских существ можно было бы продолжить, но я думаю, что читатель и так понял, как поверхностны наши знания о существах, обитающих в воде. Эта древняя и разнообразная цивилизация "пошла" своим путем развития, может быть даже опережая нашу. Попробую убедить в этом читателя.

В северной части Мексиканского залива среди рыбаков, сотрудников береговой охраны, купальщиков царит паника - здесь замечены опасные пришельцы. Нет - это не десант НЛО, а "чужие" большие медузы, достигающие 60 см в диаметре. Конечно, в Мировом Океане встречаются виды медуз на порядок больше - самое гигантское творение пучин цианея достигает в диаметре 4 метров, а длина ее щупалец 30 метров, правда это жуткое существо обитает только в Северной Атлантике. Но в чем же причина паники? "Пришельцы" из Индийского океана не только опасны для человека, так как могут чувствительно обжечь, да так, что человек на несколько секунд теряет сознание, но и представляют огромную

опасность для местной креветочной, мидийной, омаровой поросли. Прожорливое внимание "гостей" на икру, мальков и личинок этой живности стало одной из главных проблем. Ученые пока не знают истинной причины миграции медуз в самый рыболовный участок США, но вплотную занялись изучением разнообразного мира моллюсков, крабов, хилых созданий с прозрачной скорлупой, водорослей, губок, раков и прочего. И даже здесь ученых ждали сюрпризы. "Мы по-настоящему удивлены. Похоже, что коралл имеет столько же генов, сколько и мы - сообщил молекулярный генетик Эддон Болл из Австралийского национального университета. Принято думать, что Вы и я более сложны, чем медуза, потому что у нас с вами больше генов, но это совсем не так."

Ученые нашли у полипа множество общих с человеком генов. На сегодняшний день исследователи обнаружили у коралла 6 тысяч генов, но полагают, что его полный геном состоит из 20 тысяч генов с лишним, тогда как у человека 20 - 30 тысяч генов.

Удивила ихтиологов даже аквариумная рыбка клюворыл или гнатоменус Петерса. Общеизвестен аттракцион, где дельфины играют с мячом, но на подобные действия способна и

аквариумная рыбка. Если в аквариум бросить небольшой поролоновый мячик, рыбка тотчас к нему подплывает и с увлечением подбрасывает его головой, уплывает и снова возвращается к своей игрушке. Ученые теряются в догадках по поводу такого поведения рыбки. Ведь если кошка играет с мышью, оттачивая охотничьи навыки, то какой смысл рыбке играть в "водное поло?"

Оказалось, что рыбы не только любят играть, но и ... танцевать!?

Еще в 1938 году немецкий ученый Карл Фриш опубликовал монографию "Чувство слуха у рыб", в которой, в частности, поведал о том, насколько тонок слух пескарей по сравнению с человеческим. Рыбы разбираются в музыкальной тональности звуков, различая две ноты с интервалом в одну октаву. Стоит лишь заиграть на скрипке в басовом регистре ритмичную мелодию, как пескари, пританцовывая, быстро вибрируют грудными плавниками и норовят выпрыгнуть из воды.

Тогда-то и вспомнили легенду о Садко и рыбаке, который прежде чем забросить удочку специально играл на скрипке веселую мелодию, пробуждая рыб от дремоты на дне. Легенду проверили на сазанах, и те, заслышав звуки танца и

в самом деле стали всплывать то вверх, то вниз в такт музыке. Многих морских обитателей, как установили ихтиологи, привлекают звуки музыки. Среди прирожденных меломанов прежде всего называют акул. Но способ привлечения акул музыкой не нов. Издавна рыбаки островов Индонезии и Сенегала делают специальные свистульки из скорлупы кокоса, привлекая тонкими звуками этих "флейт" опасных хищниц в свои сети. А американские ученые, изучая язык горбатых китов, пришли к выводу, что киты говорят предложениями. Они не просто перебрасываются друг с другом парой "словечек", а выстраивают вполне законченные фразы, имеющие грамматическую структуру - в результате выяснилось, что речь китов и владение синтаксисом по сложности не уступает человеческому. Да, эти существа таят в себе необыкновенные возможности. Диапазон частот звуковых сигналов у дельфинов, например, значительно перекрывает таковой у человека. Наше звуковое общение происходит в полосе частот до 20кГц, музыканты способны различить до 40кГц, то "потолок" у дельфинов поднят до 300кГц. Более того, исследования доказали, что у наших "братьев", живущих в водной среде, примерно столько же уровней организации

звуков, сколько у человека - шесть. И по сложности организация звуковых сигналов у человека и дельфина почти одинакова. Впрочем, в этом случае есть много заметных параллелей между нами: срок их жизни примерно равен нашему и взрослеют они в том же возрасте, общительны, живут семьями, у них есть свои диалекты - нечто вроде наших языков.

Космическая станция "Галилей", запущенная НАСА несколько лет назад, зафиксировала своими чувствительными радио детекторами под толщей льда в океане какое-то движение, а звуковые сенсоры уловили исходящий прямо из-подо льда свист. Хотя на данный момент невозможно сказать, что за существа "переговариваются" в океанах, но частота звуков идентична звукам, издаваемым дельфинами. Ученые уже давно выяснили, что свистящие "запросы" дельфинов содержат звуки, которые можно считать именами животных, однако новое исследование показало, что информация понимается дельфином как слово, а не просто знакомый сигнал от сородича. Более того, прослушивание дельфинов показало, что два дельфина могут говорить о третьем, называя его по имени.

Данное исследование - еще один повод заду-

маться о грани между сознанием человека и сознанием животных.

Наличие у дельфинов высоких умственных способностей было доказано еще в шестидесятые годы прошлого века. Их мозг по размерам сравним с человеческим, но извилин у них в два раза больше. Теперь доказано, дельфины не только обладают довольно сложным языком, но еще и коллективной памятью. Им присущи также и отожествление себя с отражением в зеркале, абстрактное мышление и передача полученных навыков от поколения к поколению.

Как же появилась на Земле эта странная раса, которую с полным правом можно считать "людьми моря"? Большинство антропологов считают, что в четвертичном периоде, когда началось похолодание, предки людей вели полуводный образ жизни у побережья Индийского океана. Длительное плавание постепенно привело к исчезновению волосяного покрова и образованию подкожного жира для предупреждения переохлаждения. Ныряние за раковинами и другими морскими обитателями прибрежной части моря способствовало появлению у людей контролированного дыхания.

Наука не верит в существование "морских лю-

дей", но и не отрицает, что жить долгое время под водой без скафандров и прочего снаряжения человек может.

И Геродот, и Платон, датировавший время гибели Атлантиды 9570 годом до нашей эры, считали людей первоначально "амфибиообразными" и не исключали возможности основания ими подводного государства. Философ Кавцини в своей "Космографии" также говорит о морских людях. По его утверждению у берегов Испании водится животное, лицо которого сходно с человеческим, белая борода, а по внешности он напоминает лягушку. Как свидетельствуют хроники Х1У -ХУ веков, такое же существо можно было увидеть на берегах армянского озера Ван. Древнеиндийские тексты повествуют о подводном народе данавов. Такое существо даже жило в Оксфордском замке больше года в 18 веке. Происходят такие встречи с "морскими людьми" и в наше время.

В 1961 году такое существо с человеческой головой было замечено в бухте Салданья. В 1979 невероятное существо, покрытое черными волосами и длинным хвостом, лежало на берегу реки Вижес. В некоторых прикаспийских городах люди уверяют, что воочию наблюдали за человеком - амфибией, управляющим не только громадными

косяками рыб, но и способствующим очищению Каспия. Описание морского человекообразного во всех случаях идентично. Чуть ниже среднего роста (165 - 168см), плотного телосложения, с выпуклым, гребнеобразным животом, ластоногими ступнями, четырьмя пальцами с перепонками на руках. Кожа лунного цвета, жесткие черно-зеленые волосы, руки и ноги чуть короче и толще, чем у обычного человека, ногти растут не только на пальцах, но и на кончике горбовидного носа, образуя нечто дельфиньего клюва. Ушей не видно, глаза большие, округлые, рот большой с выступающей верхней челюстью и плавно переходящей в шею, без подбородка, нижней губой - уменьшенное подобие акульей пасти.

В Иране человека-амфибию называют Рунан - шах, повелитель воды и рек. Рыбаки, которые видели его выходящим из пучины, уверяют, что рыба словно чувствует его приближение. За две-три минуты до его появления рыбы начинают проявлять активность, становясь чуть ли не на свечку на кончиках хвостов и, что для рыб совсем противоестественно, издавая при этом едва слышные булькающие звуки. И Рунан - шах отвечает им громким булькающим клокотанием.

Кроме этих зафиксированных свидетельств

имеются еще множество, которых нельзя сбрасывать со счетов, так как подобные истории на пустом месте не рождаются.

А вот еще одно поразительно интересное животное, которое обитает в Японии - речная волосатая, двоякодышащая рыба доллой. Это существо, которое очень трудно назвать рыбой, достигает 1,5 метра в длину и весит 12 килограммов. Ее веретенообразное тело густо усеяно крупной толстой чешуей, которую трудно пробить даже острогой, а на голове растут волосы, напоминающие гриву пони.

Известно, что по ночам эти амфибии выбираются из глубоких водоемов на сушу. На песке они резвятся, как дети: играют, дерутся, не боясь никого издают громкие, пронзительные звуки. По отношению к людям эти существа очень агрессивны - никогда не упустят случая напасть и даже могут преследовать человека. Могут ли эти волосатые "рыбы" быть искаженным описанием неких морских животных, о которых речь шла выше и которых молва переселила в реки, неизвестно.

Наука на просторах интернета

Шимон ДАВИДЕНКО

МЫ И МУЛЬТИВСЕЛЕННАЯ

"Млечный Путь" продолжает публиковать наиболее интересные материалы с интернет-портала **MEDIUM.**

***

Ави Леб

Находимся ли мы в логарифмической средней точке внеземных технологических цивилизаций?

В 1950 году Энрико Ферми спросил: "Где все?". Его чувство космического одиночества не обязательно является свидетельством малого количества разумных партнеров в нашем космическом окружении, но вместо этого может быть отражением того, насколько велики космические масштабы времени и пространства. Чтобы оценить диапазон масштабов во Вселенной, мы можем использовать логарифмическую меру степеней десяти. Размер небольшой человеческой

клетки на 5 порядков больше диаметра атома водорода и на 5 порядков меньше масштаба нашего тела. Следовательно, клетка находится примерно на полпути логарифмически между масштабами атома и нашего тела.

Масштаб человеческого тела на 10 порядков больше диаметра атома и на 9 порядков меньше диаметра Солнца. Следовательно, наше тело находится примерно на полпути логарифмически между масштабами атома и Солнца.

Радиус Солнца на 19 порядков больше радиуса атома и на 18 порядков меньше расстояния, которое свет прошел с момента Большого взрыва, 46 миллиардов световых лет. Хотя возраст Вселенной составляет 13,8 миллиарда лет, космическое расширение растянулось до самого большого масштаба, который мы можем исследовать, а именно до нашего космического горизонта. В целом размер Солнца примерно на полпути логарифмически между размером атома и масштабом наблюдаемой Вселенной.

Еще один важный момент заключается в том, что большая часть пространства пуста. Радиус атома на 5 порядков больше радиуса его ядра, где сосредоточено 99,95% атомной массы. Это означает, что материя внутри нашего тела сосре-

доточена в ядрах, которые отделены друг от друга, как теннисные мячи, разделенные размером с город, 6,5 километра.

Теперь мы можем ответить на вопрос Ферми. Расстояние от Солнца до ближайшей звезды на 10 порядков больше радиуса Солнца. Это эквивалентно теннисным мячам, разделенным друг от друга радиусом Земли. Учитывая эти огромные межзвездные разделения, развитые цивилизации должны засорять межзвездное пространство десятью квадрильонами неуправляемых реликвий на звезду, чтобы один из этих объектов столкнулся с Землей раз в десятилетие.

Человечество запустило всего 5 собственных зондов в межзвездное пространство за последние 5 десятилетий. При таком раскладе мы можем запустить всего сто миллионов реликтов в течение следующего миллиарда лет, прежде чем яркое Солнце выкипит все океаны на Земле. Это будет на полпути логарифмически от потребности в десять квадриллионов межзвездных запусков, так что энтузиасты метеоров на близлежащей обитаемой экзопланете могут заметить один из наших реликтов как межзвездный метеор в течение своей карьеры. И даже если внеземные аналоги Илона Маска с близлежащих звезд превысят наш

межзвездный выход более чем в сто миллионов раз, полученный межзвездный космический мусор имеет очень малый шанс приземлиться в Лос-Аламосской национальной лаборатории во время обеденного перерыва летом 1950 года, когда Ферми задал свой вопрос.

Конечно, вероятность обнаружения может резко возрасти, если функциональные зонды будут нацелены на Землю, поскольку планета развила своего Последнего Универсального Общего Предка (LUCA) жизни еще 4,2 миллиарда лет назад.

Наше воображение относительно того, какими могут быть эти зонды, ограничено веком современной науки и техники. Оно также ограничено материалами, к которым мы имеем доступ с нашими нынешними технологиями. Эти материалы берутся с Земли, а не из космоса в целом. Когда мои родители поженились на ферме, они были бедны. Поэтому мой отец построил их первую мебель из деревянных ящиков, которые он использовал для упаковки апельсинов на заднем дворе. Неужели наши ракеты также ограничены земными ресурсами и кажутся примитивными с межзвездной точки зрения?

Если функциональные межзвездные зонды используют искусственный интеллект (ИИ) и

скрытые "темные" технологии, которые находятся за пределами нашего воображения, то мы бы классифицировали их либо как "темные кометы", либо как "пустые мусорные мешки", либо как "неопознанные аномальные явления (НАЯ)", возможности, которые я обсужу на брифинге в Конгрессе 1 мая 2025 года.

Вопрос Ферми можно объяснить редкостью технологического космического мусора как источника межзвездных метеоров и потенциально аномальной природой передовых межзвездных зондов. Электромагнитно громкие цивилизации могли быть давно захвачены и подавлены межзвездными хищниками. В таком случае, это всего лишь вопрос времени, когда мы станем свидетелями ответа на электромагнитные сигналы, которые мы выдали за последнее столетие. К настоящему времени они достигли только сотни световых лет, сферического объема, который включает всего десять тысяч звезд - всего лишь одну часть из десяти миллионов от общего числа звезд в галактике Млечный Путь.

Ответ может занять миллионы лет, долго по нашим меркам, но коротко с космической точки зрения, где время измеряется миллиардами лет. Фундаментальный вопрос заключается в

том, находятся ли наши технологии в логарифмической средней точке в космическом классе технологических цивилизаций, которые когда-либо существовали за последние 13,8 миллиарда лет космической истории. Нет лучшего способа найти ответ на этот вопрос, чем искать лучших учеников в нашем классе технологических цивилизаций.

Стихи

Даниэль КЛУГЕР
АНГЕЛ

Мне давным-давно тревожно
И легко давным-давно.
Входит ангел осторожно
В приоткрытое окно.

У него большие крылья,
И раскосые глаза.
У него лицо кобылье,
На щеке блестит слеза.

Ах, мой ангел, что с тобою?
Отчего печален вид?
Дай-ка я вино открою,
Выпей залпом, коль знобит.

Ты из рая, по дороге,
Подхватил, похоже, грипп.
И теперь сидишь в тревоге,
Вместо песен - в горле хрип.

Вот таблетки аспирина,

Ну-ка, сразу - две подряд.
И погревшись у камина,
Возвращайся в райский сад.

Ангел, выглядишь уставшим.
Помолчи, не прекословь.
Передай тебя пославшим
Мой привет, мою любовь.

Передай, что я их помню,
И по-прежнему люблю.
Все, что просят, я исполню.
Все, что надо - претерплю.

ВДОХНОВЕНИЕ

Коснешься пустоты -
Под пальцами биенье:
Реальность и мечты,
Ослабленное зренье...
Ложится на листы
Тревога ли, сомненье -
Приносит вдохновенье
Отказ от суеты.

Но суета сует
Дождется за порогом.
Едва ослабнет свет
В своем мерцанье строгом,
Вручит тебе билет,
Когда, высоким слогом,
Расскажешь о немногом -
Немногому вослед.

Чужих видений рать
Получишь в назиданье,
Рискнешь переписать
Старинное преданье,
И, ощутив печать,
Нездешнего дыханья,
В огне непониманья
Останешься сгорать...

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ (Фламандское полотно)

Над Вифлеемом - путеводный знак.
В окно лоза протягивает грозди.

Иосиф-плотник ладит свой верстак,
Копаясь в стружках, собирает гвозди...
Младенец дремлет тихо в колыбели,
Мать рядом спит, уставши от забот.
В углу играет кто-то на свирели -
Не козлоногий, стало быть, не черт.
За окнами - совсем не иудейский,
Шумит Антверпен, город не библейский.

Ночная жизнь сияет в полный рост,
Хоть ночь уже, но яркими огнями,
Как будто драгоценными камнями,
Сверкает город, и не видно звезд -
И лишь одна звезда над тихим домом
Зачем-то светит. Город всем грехам
Открыт и развлекается. Ведомым
Неярким звездным светом пастухам,
Или волхвам, царям, судьбой влекомым,
Пора прийти, младенцу поклониться,
Дары оставив, молча удалиться.

Орут торговцы, пляшут моряки.

А что цари? Истратились в дороге?
Понятно же - бордели, кабаки,
Неловко появиться на пороге
Без золота, без ладана, без смирны...
И уходить вот так царям нельзя,
И девки тут красивы, но настырны...
Несчастною окажется стезя
Обратная. Стыда не оберешься,
Когда вот так к себе домой вернешься.

Но нет - они, конечно же, придут.
И принесут дары, и скажут слово.
Они цари и маги, их ведут
Пути небес, а небеса суровы.
Иосиф и Мария очень скоро
Увидят на пороге трех царей
Каспара, Валтасара, Мельхиора.
Получат подношенье от гостей -
Через мгновенье...
Ждем не озаренья -
Ждем шесть веков вот этого мгновенья.

Данные об авторах

Павел Амнуэль (род. 1944, Баку). Кандидат физматнаук. Автор романов «Люди Кода», «Тривселенная» и др., множества повестей, рассказов, научно-популярных статей и книг. С 1990 г. живет в Израиле. Лауреат премий «Аэлита», им. А. Беляева, им. И.Ефремова.

Давид Азоф (род. 1972). Окончил Азербайджанский институт нефти и химии в 1993 году. Инженер. Живет и работает в Баку, Азербайджан.

Пауль Госсен. Живет в Германии, пишет стихи и рассказы на русском языке. Автор двух книг: «Мальчишник» (2009) и «Звездолеты, монстры и красивые девушки» (2013). Печатался в журналах, а также в русскоязычных изданиях Германии, Франции, Канады и Израиля.

Шимон Давиденко (псевдоним), научный журналист.

Елена Ермакова. Окончила Саратовский государственный университет и там же преподавала на кафедре английской филологии. В 2011 эмигрировала в США и получила специальность

логопеда. Публикует рассказы в жанрах фэнтези и фантастики.

Андрей Загородний. Родился на Сахалине, вырос в Воронеже, живет в Стокгольме. По образованию химик, кандидат химических наук. Работал в университетах Воронежа и Стокгольма, но ушёл в программирование. Публикуется с 2014 года. Опубликовал около шести десятков рассказов и три романа.

Даниэль Клугер (1951 — 2025) . Физик, окончил Симферопольский университет. В 1989 — 1993 годах возглавлял крымский филиал издательства «Текст». С 1994 года жил в Израиле. Автор книг «Убийственный маскарад», «Мушкетер», «Последний выход Шейлока», «Дела магические» и многих других. Автор поэтических произведений и еврейских баллад.

Мюррей Лейнстер (1896 — 1975). Американский писатель-фантаст, автор многочисленных романов и рассказов.

Юрий Лойко (род. 1988, Севастополь). Проживает в Московской области. Печатается с 2013 года. Более двух десятков рассказов озвучены проектами СВиД и Послесловие. В разное время публиковался в журналах «Уральский следопыт», «Техника — молодежи», «Edita» и др

Татьяна Максимова. Образование высшее (МГИК). Биоэнергетик. Опубликовала 8 сборников статей, два романа.

Григорий Неделько. Родился и живет в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Работал журналистом в СМИ. Опубликовал две книги задач (данетки и головоломки). Сотрудничал с электронным издательством «Аэлита» как редактор, корректор и автор. Публиковался в различных периодических изданиях и сборниках.

Наталья Резанова (род. 1959, Горький). Писатель, критик, филолог, редактор, переводчик. Работает в жанрах исторической фантастики и альтернативной истории. Лауреат премий «Аэлита», «Большой Зилант» и др.

Ольга Сажина (род. 1977). Окончила Московский авиационный институт. Доктор физматнаук, ведущий научный сотрудник отдела релятивистской астрофизики ГАИШ МГУ, доцент кафедры «Небесная механика, астрометрия и гравиметрия», переводчик, художник-иллюстратор. Автор более 130 научных работ. Публиковалась в журналах.

Анна Самарина. Лингвист, переводчик, синолог. Окончила магистратуру Даляньского университета иностранных языков. Живёт в

Китае. Пишет в жанрах научной и социальной фантастики, мистики.

Александр Тарасенко (род. 1965, г. Мелитополь Запорожской области). Доктор теологии. Автор монографий и статей по библеистике. В сфере фантастики опубликовал рассказ «Письмо ушельца» («Искатель», 1988) и статью «О древности и популярности жанра фантастики» («Скрижали», 2023).

Федор Федоров (род. 1975, Краснодон). Профессиональный зоолог, кандидат биологических наук. Старший научный сотрудник Института биологии Карельского научного центра РАН. Пишет фантастику и сказки с 2014 г. Публиковался в журналах «Знание-Сила: Фантастика», «Edita», «Горизонт» и др. Призёр VII международного конкурса литературной фантастики «Кубок Брэдбери-2024».

Дэн Шорин (род. 1977, Тульская обл.). Сейчас проживает в Алматы, Казахстан. Литературный дебют состоялся в 2004 г. (рассказ «А все-таки она вертится»). В 2011 г. в рассказе «Бхишма» (журнал «Сибирские огни») предсказал российско-украинскую войну. В 2012 г. опубликовал авторский сборник «Большой космос». Был номинирован на премии «Интерпресскон», «Бронзовая Улитка»,

«Портал», «Ясная поляна». В 2013 г. был удостоен «Ордена рыцарей фантастики» им. И. Халымбаджи.